

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова»

На правах рукописи

ФЕДОРОВ СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ
ОХОТА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЯКУТОВ
(ТРАДИЦИИ, ТРАНСФОРМАЦИИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ).

Специальность 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические
науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
Доктор исторических наук
Гоголев Анатолий Игнатьевич

Якутск, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОХОТНИЧЬЯ КУЛЬТУРА ЯКУТОВ: ПРИРОДА, ТРАДИЦИИ, СИМВОЛИЧЕСКИЙ МИР	28
1.1. Природно-экологические основы и ресурсный потенциал охотничьего промысла Якутии.....	28
1.2. Техничко-технологический комплекс и таежное снаряжение.....	35
1.3. Ритуально-мифологические аспекты и социо-нормативное регулирование охотничьей деятельности.....	54
ГЛАВА II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ЯКУТИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	71
2.1. Институциональные основы трансформации охотничьего промысла.....	71
2.2. Организационно-хозяйственные модели советского периода: этапы модернизации.....	89
2.3. Государственное и общественное регулирование современной охотничьей деятельности	101
ГЛАВА III. ОХОТНИЧЬИ ПРАКТИКИ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЯКУТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	114
3.1. Социокультурный облик и хозяйственные стратегии современного охотничьего сообщества	114
3.2. Предметный мир, социо-нормативные и символические аспекты охоты в современном контексте.....	131
3.3. Ритуально-мифологические комплексы и этно-экологические знания в современных охотничьих практиках	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	167
ПРИЛОЖЕНИЯ	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Якутия занимает большую часть Северо-Восточной Сибири и значительная её территория находится за Полярным кругом. Здесь встречаются арктические пустыни северного побережья, тундра, лесотундра, лесостепь и тайга, которая покрывает почти 80% площади.

На протяжении веков в этом регионе складывался особый уклад природопользования и важное место в нём занимала охота: она определяла и хозяйственные практики, и культурную идентичность якутов. По данным Федеральной службы государственной статистики РС(Я), охота в республике одновременно решает экономические, социальные и экологические задачи [Общие сведения о ведении охотничьего...]. Такое сочетание встречается редко и делает охотничье хозяйство региона устойчивым. Для многих жителей, особенно в отдалённых сельских районах, охота остаётся главным источником пропитания и дохода. В последние годы интерес к охоте в Якутии растёт, так, с одной стороны, она становится сферой бизнеса и ресурсодобычи, а с другой — рассматривается как способ сохранения природы и культурной идентичности.

Исследование приобретает особую актуальность после принятия новых нормативных актов. В 2009 г. был принят Федеральный закон «Об охоте» [ФЗ № 209 от 24 июля 2009 г.], а в 2013 г. — региональный Закон РС(Я) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» [Закон РС(Я) от 19 апреля 2013 г.]. Эти документы задают новые правила, и важно понять, как к ним адаптируется традиционный промысел.

На уровне академического дискурса актуальным представляется характеристика охотничьей культуры якутов в динамике развития от прошлого к современности как целостной системы на стыке природопользования, жизнедеятельности и социо-нормативных ценностей. Эта проблема на материалах якутской этнографии до настоящего времени не рассматривалась.

Объектом исследования является охотничий промысел в его исторической динамике как важнейший компонент системы жизнедеятельности этноса. В фокусе внимания находится охота на животных, что подразумевает изучение технологий и способов его добычи, принципов организации пушного и мясного промысла, комплекса знаний и навыков, связанных с поиском, выслеживанием и добычей зверя и птиц, а также роли этой деятельности в системе жизнедеятельности.

Предметом исследования является охота как элемент системы жизнедеятельности, понимаемая в качестве целостной структуры практик, направленных на воспроизводство этноса в специфических природно-климатических условиях Севера.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX в. до современности. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что в середине XIX в. охотничий промысел играл системообразующую роль в хозяйственном укладе якутов. К этому времени завершилось формирование всех основных элементов традиционной охотничьей культуры при одновременном наличии подробных и достоверных этнографических описаний, что создает надежную источниковую базу для исследования. Верхнюю границу определяют реалии современного охотничьего промысла, позволяющего проследить историческую динамику и трансформационные процессы на протяжении более чем полутора веков.

Территориальные рамки исследования охватывают традиционный ареал расселения якутов в пределах Республики Саха (Якутия) с выделением основных природно-хозяйственных зон. В центральных районах, (в бассейнах рек Лены, Алдана и Амги), представляет зону преобладания скотоводческо-земледельческого хозяйства с развитой охотничьей культурой. В рамках настоящей диссертации полевые материалы автора были собраны в разных территориальных зонах, охватывающих центральную ее часть, западные, северные и южные районы региона. Всего в рамках исследования были задействованы данные, собранные в следующих районах – Мегино-

Кангаласский, Таттинский, Олекминский, Вилюйский, Верхневилуйский, Среднеколымский, Верхоянский и Усть-Янский районы: а также городской округ «Город Якутск».

Цель исследования состоит в определении охотничьей культуры якутов как целостной адаптивной системы в единстве природопользования, жизнедеятельности и социо-нормативных ценностей, её эволюции от традиционных основ до современных форм в контексте государственной политики и социально-экономических трансформаций, с выявлением механизмов культурной преемственности и идентичности.

Исходя из цели работы, были поставлены следующие задачи:

1. Обобщить имеющуюся информацию о традиционной охотничьей культуре якутов как о части их системы жизнедеятельности, включая природно-экологические основы промысла, технологический комплекс орудий и методов охоты, промысловую экипировку, социальную организацию охотничьих практик, а также символические и сакральные аспекты.

2. Выявить институциональные основы трансформации охотничьего промысла в досоветский период под воздействием государственной земельной, фискальной и административной политики, а также определить организационно-хозяйственные модели и этапы модернизации охотничьего хозяйства в советский период.

3. Охарактеризовать современную систему правового и социально-экономического регулирования охотничьей деятельности в Республике Саха (Якутия) и её влияние на промысловое сообщество.

4. Установить социокультурный облик, хозяйственные стратегии и адаптационные механизмы современного охотничьего сообщества Якутии в условиях технологических и климатических изменений.

5. Определить степень и характер преемственности традиционного мировоззрения на основе анализа современных форм материальной культуры и символических аспектов охоты, а также зафиксировать сохранение и

трансформацию ритуально-мифологических комплексов и этноэкологических знаний в современных охотничьих практиках.

Историографический анализ исследований охоты у якутов позволяет выделить три хронологических периода, каждый из которых характеризуется специфическими методологическими подходами и концептуальными акцентами: досоветский, советский и современный.

Началом систематического исследования охотничьих традиций якутов являются работы Я. И. Линденау, Г. Ф. Миллера и С. П. Крашенинникова, которые были участниками Второй Камчатской экспедиции 1733–1742 гг. Работы исследователей зафиксировали не только технические аспекты промысла, но и социальную организацию пушной охоты. Собранные материалы стали фундаментом для последующих этнографических исследований [Линденау, 1984; Миллер, 2005; Крашенинников, 1976].

Экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина 1820–1824 гг. расширила географию имеющихся исследований. Так, в их работах были детально описаны охотничьи практики в районе Колымы и содержали уникальные данные о промысле, который имел преимущественно продовольственное значение, тем самым, работы дополнили картину, представленную Крашенинниковым, который акцентировал внимание на пушном промысле [Врангель, 1841; Иванов, 1978].

В конце 1820-х гг. Н. С. Щукин зафиксировал один из важнейших технологических сдвигов, а именно массовое распространение огнестрельного оружия среди якутских охотников, что существенно изменило традиционные промысловые практики [Щукин, 1841, С. 98–107].

В «Статистическом обозрении Сибири» 1854 г. Ю. А. Гагемейстер впервые осуществил комплексный анализ экономических параметров пушного промысла, обратив внимание на тревожные тенденции истощения ресурсов [1854].

Середина XIX в. ознаменовалась появлением целого ряда фундаментальных исследований. В 1860–1870-х гг. И. А. Худяков детально

изучил систему пользования охотничьими угодьями в Верхоянском округе, зафиксировав традиционные нормативные регуляции промысла [1969, С. 123–136]. В работе о Вилюйском округе Р. К. Маак не только дал иллюстрированное описание орудий промысла, но и отметил завершившийся переход к огнестрельной охоте (винтовке как основному орудию) [1886, С. 135-148]. Подробно описав организацию торговли мехами и коллективные формы промысла, Д. М. Павлинов расширил эти наблюдения [1929, С. 1–42].

Особое место в изучении охотничьего промысла занимают труды основоположников русского охотоведения – Л. П. Сабанеева и А. А. Силантьева [Сабанеев, 1875; Силантьев, 1898]. Их работы содержат сравнительный анализ охотничьих технологий разных народов Сибири. Примечательно, что А. А. Силантьев одним из первых обратил внимание на антропогенное воздействие на ареалы промысловых животных.

Исследования А. Ф. Миддендорфа представили миру ценные наблюдения об охотничьей деятельности у якутов. Учёный так же отметил особенности распространения огнестрельного оружия и, в своих исследованиях, сделал упор на имущественную дифференциацию, связанную с пушной торговлей [1878, С. 833].

Конец XIX — начало XX вв. были ознаменованы появлением ряда комплексных трудов по этнографии народов Якутии. В своей монографии «Якуты» В. Л. Серошевский дал развёрнутую характеристику охотничьей деятельности якутов, отметив региональные различия [1993], которые В. И. Иохельсон дополнил своими собственными полевыми материалами [1898, С. 6–25]. Исследователи Сибири Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев провели ряд работ касаясь социально-экономических отношений региона [Потанин, 1908, С. 289–290; Ядринцев, 1891, С. 208–281].

Особого внимания также заслуживают работы С. А. Бутурлина и А. И. Швеца которые критически анализировали государственную политику в области охотничьего хозяйства и раскрыли механизмы пушной торговли на рубеже XIX–XX вв. [Бутурлин, 1909, С. 38–47; Швец, 1911, С. 17–38].

Исследователи досоветского периода заложили прочную базу для изучения якутской охоты, они зафиксировали не только технологию промысла, но и его социально-экономические и экологические параметры. Вышеперечисленные труды, несмотря на некоторую фрагментарность, сохраняют научную ценность до сегодняшних дней, так как в совокупности они дают достаточно полное представление о традиционной охотничьей деятельности и культуре якутов.

Советский период в изучении охоты якутов характеризуется формированием новых методологических подходов и некоторым расширением тематики исследований. Так, работа М. М. Константинова «Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае» стала важной вехой в экономическом анализе охотничьего хозяйства [1921, С. 57–81]. Большой вклад в развитие охотоведения внесли Г. Г. Доппельмаир и Д. К. Соловьёв. Доппельмаир, в частности, обратил внимание, что местное население использовало пушнину в основном на продажу: лишь 5% шло на внутренние нужды [1927, С. 421–467]. Соловьёв в своих работах по основам охотоведения проанализировал всю систему традиционного природопользования и определил в ней место охотничьего промысла [1922; 1926].

Особое место в советской историографии занимают исследования ясачной политики и ее влияния на социально-экономическое развитие Якутии. В работах С. В. Бахрушина и С.А. Токарева были выявлены ключевые закономерности трансформации охотничьего промысла под влиянием фискальной системы Российского государства [Бахрушин, 1955; 1987; Токарев, 1940; 1945]

В 1920–1930-е гг. появился целый ряд региональных исследований. Работы М. Н. Тимофеева-Терешкина, И. С. Хороших, Н. Н. Захаренко и других авторов содержат статистические данные и описания локальных особенностей промысла. Примечательно, что уже в этот период ряд исследователей, к примеру, В. В. Никифоров, начали специализироваться на изучении

отдельных видов промысла, таких как добыча песка [Тимофеев-Терешкин, 1927; Хороших, 1928; Захаренко, 1929; Никифоров, 1925].

В предвоенные годы вышли в свет труды Н. М. Михеля, Л. В. Бойцова и А. А. Романова, в которых охотничий промысел рассматривался как часть комплексного пушного хозяйства региона. В их работах исторический подход к оценке промысла сочетался с анализом состояния ресурсной базы [Михель, 1937; Бойцов, 1941; Романов, 1941]. При этом экологическая проблематика разрабатывалась в сугубо утилитарном ключе – как вопрос рационального использования ресурсов.

Послевоенное время характеризуется изучением социально-экономических аспектов охоты у якутов. В своей диссертации И. И. Селиверстов рассмотрел соболиный промысел XVII в. через призму формирования всероссийского рынка [1952]. Хронологические рамки исследований расширил И. С. Гурвич, изучив промыслы народов Якутии в конце XVIII – середине XIX в. [1966; 1977].

В монографиях по аграрной истории Якутии Г. П. Башарин ввел в научный оборот материалы ясачных комиссий. Его анализ рынка пушнины конца XVIII – середины XIX в. остается актуальным до настоящего времени [1989; 1990].

Во второй половине XX в. советские исследователи всё чаще обращались к комплексному изучению охотничьего промысла. Отдельное направление сложилось вокруг ясачной политики. Г. М. Василевич и В. А. Туголуков показали, как охота постепенно встраивалась в систему государственного управления. В коллективном труде «История Якутской АССР» промысловую деятельность рассмотрели в общем контексте экономического развития региона [1957]. Ф. М. Зыков в монографии о традиционных орудиях труда якутов систематизировал данные об охотничьем инвентаре, проследив его эволюцию и культурные влияния [1986]. Исследования В. А. Александрова, О. Н. Вилкова и П. Н. Павлова углубили понимание того, как русские промысловики повлияли на трансформацию

традиционных охотничьих практик [Александров, 1962; Вилков, 1962; Павлов, 1972].

Мировоззренческие аспекты охоты также привлекли внимание учёных. Н. К. Антонов в 1957 г. записал материалы об обряде посвящения в охотники — его символика стала важным источником для изучения сакральной стороны промысла [1961]. Правда, в те годы мировоззренческие вопросы чаще изучали в рамках теории «пережитков». Но это не помешало исследователям собрать и проанализировать значительный корпус фольклорных и этнографических материалов.

К концу XX в. в российской науке сложился системный взгляд на охотничье хозяйство якутов. Учёные учитывали и территориальное распределение угодий, и динамику численности промысловых животных, и особенности технологий. Особую роль сыграли работы в русле этноэкологии: здесь охота предстаёт уже не просто как промысел, а как целостная система, с помощью которой человек адаптируется к суровым северным экосистемам.

Современные исследования охотничьей деятельности якутов характеризуются междисциплинарным подходом, объединяющим методы этнографии, экологической антропологии и социокультурных исследований. Перспективы этого подхода обозначил С. И. Николаев (Сомоготто), который подчеркивал, что нельзя ограничиваться изучением материальных артефактов (орудий промысла, жилищ); новые перспективы для исследований связаны с изучением охоты как целостной системы [1996; 2009].

Особое место в современной историографии занимают работы Е. И. Корниловой, посвященные правовым и экологическим аспектам традиционного природопользования. В диссертационном исследовании «Этническая экология Вилюйского округа в конце XIX-начале XX вв.» она рассматривает историко-этнографические аспекты традиционной системы жизнедеятельности и природопользования, что имеет важное значение для понимания эволюции охотничьих практик [2004; 2011; 2020]. В работе А. В.

Винокуровой анализируются проблемы правового регулирования промышленной деятельности в Арктике с учетом этнической специфики [2023].

В коллективном труде «Якуты (Саха)» (серия «Народы и культуры»), подготовленном под руководством Н. А. Алексеева, Е. Н. Романовой и З. П. Соколовой, охотничья деятельность рассмотрена как неотъемлемая часть традиционной системы жизнедеятельности. В этом исследовании был применен комплексный подход, сочетающий анализ материальной культуры с изучением технологических процессов и социальных аспектов охоты. Особую ценность представляет попытка авторов реконструировать целостную картину охотничьего промысла, выявив его взаимосвязи с другими видами хозяйственной деятельности [Алексеев, Романова, Соколова, 2012].

В русле современных междисциплинарных исследований значительный интерес представляют труды А. А. Сириной, посвященные тунгусо-маньчжурским народам Сибири. Ее исследования охватывают широкий круг проблем: традиционная и современная культура народов Севера, этнологическая экспертиза, социальная антропология, земельные права и экологическая этика. Разработанный ученым этноэкологический подход имеет прямое методологическое значение для изучения охотничьего промысла якутов. В монографии «Эвенки и эвены в современном мире» [2012] и ряде последующих публикаций [2021, С. 116–125; 2019, Р. 1461–1483] охота анализируется как целостный компонент системы традиционного природопользования, включающий технологические, социально-нормативные [2022, С. 230–241] и экологические [2021, С. 78–91; 2020, С. 143–162] аспекты. Кроме того, под редакцией А. А. Сириной опубликованы полевые дневники В. И. Иохельсона из Сибиряковской экспедиции [Иохельсон, 2023], что вводит в научный оборот ценные источники по промысловым практикам народов Якутии начала XX в. Таким образом, труды А. А. Сириной задают аналитическую рамку и предоставляют ценный сравнительный материал для изучения охоты у якутов, что особенно важно в

свете отсутствия аналогичных монографических исследований непосредственно по якутскому материалу.

Санкт-Петербургские исследователи В. И. Дьяченко, В. Н. Давыдов и Н. С. Гончаров предложили оригинальный взгляд на освоение пространства в якутской Арктике. В их работах материальный мир — и созданный человеком, и природный — рассматривается через призму жизненных сценариев местных сообществ [2022]. Особенно интересны в этом плане полевые исследования Гончарова, который соединяет антропологию пространства, антропологию питания и анализ анимистических верований как живой, действующей традиции. В нескольких статьях [2018, С. 88–96; 2021, С. 181–211] охота, рыболовство и собирательство предстают не просто как способы добычи пищи, а как практики, в которых сходятся ресурсы, социальные связи и сакральные смыслы. Отдельно Гончаров разбирает, как ресурсы формируют социальный ландшафт [2019, Р. 1425–1441; 2020, С. 163–208], и как государственное регулирование влияет на адаптацию локальных сообществ [2020, С. 90–103]. Кроме того, он анализирует рассказы охотников о животных и веру в переселение душ [2018; 2022, С. 41–52], что напрямую связано с мировоззренческой основой охотничьей культуры. В целом подход Гончарова даёт полезные методы и эмпирические данные для изучения якутской охоты, особенно в её локальных и межэтнических аспектах.

В трёхтомной истории Якутии под редакцией А. Н. Алексеева авторы вышли за рамки чисто материально-технического описания промысла и включили в анализ его мировоззренческие основания. Ключевая идея этого труда — охота как «коммуникационная сеть», где человеческий и природный миры постоянно взаимодействуют [История Якутии..., 2020; 2021].

Фундаментальную роль в изучении охотничьей традиции сыграли работы А. И. Гоголева — «Историческая этнография якутов», «Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры», «Мифологический мир якутов». Он последовательно развивал идею охоты как социокультурного комплекса, связанного с мифологией, календарными обрядами и социальной

организацией. Особенно важны его исследования традиционного календаря: Гоголев показал, как охотничьи циклы соотносятся с аграрными и скотоводческими практиками [1980; 1993; 1994].

Сакральные и символические стороны охоты, в частности ритуалы, анализируются в работах [Виллерслев, Витебски, Алексеев, 2016; Романова, Федоров, 2023]. Ю. А. Слепцов в сравнительно-историческом ключе раскрыл архаичные представления о духах-покровителях промысла [2020]. А. А. Скрыбина исследовала эвфемизмы и охотничью терминологию в якутском языке [2017]. Отдельное направление — ревитализация охотничьей культуры. В. А. Однокурцев систематизировал обряды и приметы якутских охотников [2020, С. 65–71]. Современные авторы активно изучают и экологические аспекты: например, роль хищных животных в системе жизнедеятельности якутов и сложные отношения между человеком и природой [Гоголев, Стручкова, Яковлева, 2022, С. 35–46].

Современный этап изучения охоты якутов всё чаще строится на междисциплинарной основе, соединяя методы культурной антропологии, экологии, социологии и философии. Это позволяет не только глубже понять традиционную культуру, но и увидеть в ней ресурс для поиска устойчивых моделей взаимодействия человека с природой.

Большая часть исследований по этой теме включена в обобщающие работы, посвященные оценке традиционной культуры якутов в целом. Монографические сочинения об охоте как целостном комплексе, включающем оценку ресурсного потенциала, технологического и орудийного обеспечения, а также социо-нормативного и мифо-ритуального сопровождения отсутствуют. Также никогда в российской этнографии не рассматривались охотничьи практики современной Якутии – их роль и значение в системе социальных коммуникаций. Обращение к этому кругу проблем определило новизну и актуальность авторского исследования.

Методологической основой диссертационной работы стал историко-этнографический подход, который позволил осуществить многомерный

анализ традиционной охоты как сложного эколого-технологического, социокультурного феномена. Он принципиально расширяет горизонты исследования, опираясь на многосферную теорию культуры [Малиновский, 2005].

Необходимо заметить, что понятие «жизнеобеспечение», введенное в научный дискурс американским антропологом Р. Лоуи в 1930-х гг., изначально трактовалось исключительно как технология производства и распределения пищи. Однако отечественные исследователи существенно трансформировали и обогатили эту концепцию, разработав более емкое понятие «культура жизнеобеспечения». Значительный вклад в развитие этого подхода внесли С. А. Арутюнов, Э. Л. Мелконян [1983; 1989; 2002], В. И. Козлов [1994], Э. С. Маркарян [1983], И. И. Крупник [1989], А. Н. Ямсков [2018], Р. М. Сатаев [2018], А. А. Бадмаев [2021]. В рамках сложившейся в российской науке расширительной трактовки культура жизнеобеспечения стала включать комплекс поселений, жилищ, одежды, технологии их создания, социальные отношения и ритуальные практики.

В рамках данной работы охота рассматривается не только как набор культурных практик, но и как развивающаяся «система жизнедеятельности», в которой материальные, технологические, институциональные и экологические аспекты образуют динамическое единство. Именно системный подход определяет изучение содержания, специфики и устойчивости всего охотничьего промысла в его исторической перспективе и современном бытовании. «Культура жизнеобеспечения» при этом не отрицается, а включается в анализ как один из факторов — преимущественно на уровне социальных норм, ритуалов и этноэкологических знаний, которые могут либо поддерживать, либо тормозить модернизацию системы жизнедеятельности.

Исторический подход позволяет проследить эволюцию охотничьих практик при смене политических, экономических и социокультурных парадигм. В авторском сочинении будет показано, как традиционная охота существовала в форме жизнедеятельности и являлось важным звеном в

системе обменных отношений, и как на ее характер влияли экономические, общественно-политические вызовы XX в. и современный социокультурный контекст. При этом ключевая аналитическая опора делается на систему жизнедеятельности: именно изменения в материально-технической и институциональной инфраструктуре охоты позволяют объяснить переход от традиционного промысла к советской плановой модели, а затем — к постсоветским формам организации.

Методы исследования. С опорой на современную методологию в работе использовались методы полевой этнографии, этнологии и антропологии. Метод глубинного интервью позволил собрать уникальный биографический материал и реконструировать субъективные оценки трансформационных процессов самими участниками охотничьего сообщества. Интервью проводились с охотниками-промысловиками и охотниками-любителями в естественной для них обстановке, что способствовало получению максимально достоверных данных о мотивации, адаптационных стратегиях и сохранении традиционных знаний. Метод включенного наблюдения, осуществлявшегося в ходе полевых работ в угодьях с охотниками в период 2021–2025 гг., позволил автору непосредственно фиксировать технологические процессы, поведенческие тактики, ритуальные действия и невербальные аспекты охотничьей практики в их реальном бытовании.

Метод анкетирования, охвативший 196 респондентов, обеспечил получение количественных данных о социально-демографической структуре охотничьего сообщества, его материальном положении, структуре охотничьего сезона, используемых орудиях и степени соблюдения обрядовых практик.

Типологический метод использовался для классификации охотничьих орудий, способов промысла и социальных типов охотников. На основе анализа формы, материала, технологии изготовления и функционального назначения были выделены основные категории орудий. Сравнительно-исторический

метод позволил сопоставить охотничьи практики якутов на различных хронологических этапах, выявив векторы трансформации материальной культуры, социальной организации и мировоззренческих установок.

Анализ семантики ритуальных действий, орнаментации охотничьего снаряжения, системы табу и предписаний позволил раскрыть мировоззренческие основания традиционной охоты и выявить знаковые функции материальных артефактов.

Метод анализа цифровых источников использовался при работе с материалами из социальных сетей и мессенджеров. Контент-анализ публикаций позволил выявить новые формы трансляции этноэкологических знаний и визуальные маркеры субкультурной идентичности. Статистический анализ количественных данных, полученных в ходе анкетирования и из архивных источников, обеспечил выявление динамики численности охотников, объемов добычи и экономических параметров промысла. Комплексное применение перечисленных методов, основанное на принципах историзма и системности, обеспечило достоверность полученных результатов и всесторонний анализ охотничьей культуры якутов – от материально-технологических аспектов до глубинных мировоззренческих оснований.

Источниковая база диссертации формировалась в ходе полевых исследований, собранных автором в 2014–2025 гг. в восьми районах Республики Саха (Якутия) – Мегино-Кангаласском, Таттинском, Олекминском, Вилюйском, Верхневилуйском, Среднеколымском, Верхоянском и Усть-Янском, а также в городском округе «Город Якутск». Всего было проведено и расшифровано 23 глубинных интервью с охотниками-промысловиками и охотниками-любителями. Основной массив интервью был собран в Мегино-Кангаласском, Вилюйском, Среднеколымском, Таттинском и Олекминском районах, где традиционный промысел сохраняет значимую роль в системе жизнедеятельности местного населения. Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома» и целенаправленной выборки,

ориентированной на носителей наиболее полных знаний о материальной и духовной культуре охоты.

Особое значение полевые материалы имеют для анализа адаптации охотничьих практик к современным вызовам. Информанты указывают на климатические изменения как на фактор трансформации промысла, ведущий к удорожанию охоты и необходимости поиска новых способов хранения добычи. Интервью с промысловиками и профессиональными охотниками позволили реконструировать процесс десакрализации охотничьей деятельности в советский и постсоветский периоды, проследив смену нарратива от «сакрального диалога с природой» к восприятию охоты как «работы», оцениваемой по экономическим показателям.

Наконец, полевые материалы зафиксировали степень сохранения и трансформации ритуально-мифологического комплекса. Информанты подтвердили практику подношений духам местности и Байанай, соблюдение 40-дневного запрета на охоту для «киртийбит», толкование сновидений как предвестников удачи и т.д. В то же время отмечена исчезновение ряда традиционных запретов и инструментализация некоторых ритуалов. Таким образом, полевые материалы обеспечили реконструкцию современного состояния охотничьей субкультуры, механизмов ее адаптации и устойчивости архаичных мировоззренческих элементов.

Источниковая база была дополнена анкетными данными, так, было охвачено 196 респондентов из 11 районов (Амгинский, Верхневиллюйский, Верхоянский, Виллюйский, Горный, Мегино-Кангаласский, Намский, Таттинский, Усть-Алданский, Хангаласский, Чурапчинский). Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10%. Возрастное распределение охватило все группы старше 18 лет, средний возраст респондентов составил 45-50 лет, выборка репрезентативна по полу и возрасту.

Важный сегмент источников составили музейные коллекции. Источниковую базу диссертации составили материалы семи музейных собраний, содержащие предметы охотничьего инвентаря, экипировки,

фотодокументы и сакральные объекты, совокупно отражающие материальные и духовные аспекты охотничьей культуры якутов с XVIII по XXI век.

Наиболее представительная коллекция сосредоточена в Якутском государственном объединённом музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (ЯГОМ, г. Якутск). В его фондах хранятся образцы традиционного охотничьего оружия: сложносоставные луки XVIII–XIX вв. (Инв. № ЯГОМ КП-11961, КП-11964, КП-11956), один из которых обтянут оленьей шкурой (КП-12026); луки-самострелы «айа» и «чачар» с комплектующими деталями (КП-52563, КП-52561, КП-12180); разнообразные наконечники стрел железные и костяные (КП-52161, КП-52162, КП-5221, КП-52173, КП-52172), включая тупой деревянный наконечник «онобос» для промысла пушного зверя (КП-53497). Самоловные орудия представлены волосяной петлей на зайцев начала XX в. (КП-54452), черканом (КП-39370), капканами с круглой подстилкой (КП-12303/1, КП-12303/2, КП-12306), медвежьей пастью середины XX в. (КПФ-16358). Контактное оружие включает якутские пальмы «батыйа» (КП-11873, КП-43257), копьё на длинном древке «үнгүү» (КП-12025) с наконечником (КП-41813), а также специализированное сатина-копье для охоты на линных уток (КП-53470, КП-53472). Переход к огнестрельному оружию фиксируют винтовки и ружья с кремневым и капсюльным замками XIX в. (КП-11839, КП-11844, КП-11845, КП-39189, КП-39305, КП-42601), а также натруски – комплекты для хранения пороха и дроби (КП-12175). Материальная культура охотника представлена лыжей, обшитой конской шкурой «хайыһар» (КП-54069/1), набором скребков для выделки шкур «кучай» и «кэдэрээн» (КП-38718, КП-38719, КП-39368/5, КП-12323), якутскими ножами утилитарного и сувенирного назначения (КП-55481, КП-41854/1, КП-50554/1). Сакральная сфера представлена предохранительной пластинкой «дапсы» из кости мамонта (КП-28052) и предметами «хотокон» XVIII в. (КП-42487/114, КП-52519). Фотографический фонд ЯГОМ содержит уникальные снимки, документирующие охотничий промысел на разных исторических этапах: охотник-стахановец С.Н. Алексеев

(КП-49315, 1952 г.), охота в Сунтаре 1946–1947 гг. (КПФ-28722/5), довольные охотой в Оймяконе 1970-х гг. (КПФ-28052), осенняя охота на зайцев 1970–1980-х гг. (КПФ-27982, КПФ-28667/46), установка капкана охотником Слепцовым К.Д. в Нижнеколымском районе (КПФ-11577), сушка песцовых шкур в Кюсюре 1927 г. (КПФ-9977), манекен якута на лыжах с собакой (КПФ-3126), охотница колхоза «Турваургин» Мака А.П. (КПФ-11713, 1940–1950-е гг.), а также фотографии процесса установки ловушек (КП-53463, КПФ-10055), постройки лабаза (КПФ-8482) и реконструкции охотничьей избы Черкесского музея под открытым небом (МО КП-462/17, 2000 г.).

Бердигестяхский краеведческий музей (БКМ, с. Бердигестях, Горный улус) предоставил для изучения охотничьи самострелы для крупного зверя «бууска» (БКМ 1924, 1925), деревянные лыжи XIX в. (БКМ 5185, 5186), меховые торбоса охотников «эмчиирэ» (БКМ 5190), охотничьи лопатки для снега с меркой «холо» (БКМ 1926, 1927) и капкан для охоты на горностаю «чааркаан» (БКМ 4193, 1970 г.). Вилуйский краеведческий музей им. П.Х. Староватова (ВКМ, г. Вилуйск) хранит пороховницу из мамонтовой кости «буорах ичытэ» второй половины XIX в. (ВКМ 27). В Нюрбинском Музее Дружбы Народов им. К.Д. Уткина (НМДН, г. Нюрба) изучены фотографии охотников 1960–1970-х годов (ОФ-541, ОФ-3602) и стенд «Охотничий промысел якутов» 1989 г. (ОФ-5300). Сунтарский музейный комплекс им. С.А. Зверева–Кыыл Уола (СМК МНТиО, с. Сунтар) предоставил охотничью шубу «бульчут соно» (ОФ-306) и комплект деталей охотничьего пояса-натуски (ОФ-154). Хангаласский улусный краеведческий музей (ХУКМ, г. Покровск) хранит охотничью железную пальму XVIII в. (ХУКМ-3), охотничье копьё второй половины XVIII в. (ХУКМ-6) и дробовое охотничье ружье 1850 г. (ХУКМ-7/1).

Особую ценность представляют материалы Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ, г. Санкт-Петербург). В музее хранятся фотографические изображения сакральных предметов охотничьего культа: амулеты духов-покровителей

охоты «Эһэкээн» (МАЭ 4774-1, 4774-2), «Сэмэкэй» (МАЭ 4774-3), «Быйан» (МАЭ 4774-4), ритуальная оленья лопатка «Долур» (МАЭ 4774-9) и набор из костей для гаданий «Биилкэ» (МАЭ 4774-10). Представленные в исследовании предметы документируют глубокую сакрализацию охотничьей деятельности и позволяют реконструировать мировоззренческий аспект традиционной охотничьей культуры якутов.

Всего из музейных фондов было изучено более 100 предметов, охватывающие хронологический период с XVIII в. до наших дней. Среди них как предметы материальной культуры, так и фотодокументы, по которым можно проследить, как менялись охотничьи практики с течением времени. Многообразие источников даёт нам возможность увидеть несколько ключевых процессов: во-первых, эволюцию снаряжения, во-вторых, трансформацию социальной организации, и, в-третьих, переплетение рациональных приемов охоты с мифологическими и ритуальными практиками.

В источниковую базу диссертации включены архивные документы, извлеченные из семи архивных учреждений. Хронологические рамки охваченных материалов простираются от второй половины XIX в. до 1970-х годов, что позволяет проследить эволюцию государственной политики в сфере охотничьего промысла, трансформацию систем землепользования и налогообложения, а также изменения в социальной организации охотничьего сообщества на протяжении имперского, советского и раннего постсоветского периодов.

Значимый комплекс документов сосредоточен в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). Фонды досоветского периода содержат обширный материал по организации ясачного сбора – ключевому механизму трансформации охотничьего промысла из системы жизнедеятельности в фискальный инструмент. В фонде И12 хранятся указы и переписка о передаче промысловых угодий в арендное содержание, а также о взыскании пошлин с промышленников (Оп. 1, Д. 1951). Там же находятся журналы Общего

присутствия Якутского областного правления (Оп. 1, Д. 3189) и дела о сборе ясака по области (Оп. 2, Д. 5263; Оп. 6, Д. 2771). Документы о рассмотрении вопроса о присоединении Охотска и порта Аян к Якутской области (Оп. 1, Д. 9057) позволяют реконструировать административные границы промысловых территорий. Здесь для нас особый интерес представляет дело о проведении дополнительных сборов с кочующих тунгусов (Оп. 1, Д. 17027), что фиксирует финансовое давление на оленеводов-охотников.

Фонд И15 содержит в себе материалы, которые процесс формирования элементов частной собственности в отношении промысловых угодий и возникновение на этом фоне конфликтов, сопутствовавших изменению норм пользования общеродовыми территориями. Так, интерес представляют различные дела в отношении инородческих правлений (Оп. 1, Д. 6602), старост (Оп. 6, Д. 983), споры о наследуемом имуществе (Ф. И62, Оп. 1, Д. 198), а также дела об ограничении охотничьих угодий (Ф. И15, Оп. 11, Д. 215).

Интересной для нашего исследования также является тетрадь записи выдачи винтовок и патронов (Ф. И15, Оп. 10, Д. 415) который представляет собой уникальный источник, содержащий сведения об оснащении охотников и о контроле государства за распространением огнестрельного оружия.

Документы окружных полицейских управлений позволяют реконструировать локальные особенности промысловой деятельности. В фонде И23 были изучены окладные листы о взыскании налогов с тунгусов Брагатского рода за 1903 г. (Оп. 1, Д. 2980). Там же хранится постановление по жалобе старшины Попова Прокопия о незаконной описи имущества в погашение недоимок (Оп. 1, Д. 3102). Ежемесячные ведомости о ценах на продовольствие, фураж и рабочую силу (Оп. 1, Д. 3702) позволяют оценить экономические условия промысловой деятельности.

В фонде И26 выявлено дело о добровольном пожертвовании денег в пользу голодающих ламутов (Оп. 1, Д. 857). Этот источник прямо указывает на существование практик взаимопомощи в экстремальных условиях.

Ревизские сказки (Ф. И349, Оп. 1, Д. 3034) включают сведения о купцах, мещанах, крестьянах и инородцах ряда округов — в том числе Среднеколымского и Верхоянского. На их основе удаётся реконструировать социальный состав охотничьего населения и его имущественное положение. Окладные листы и податные ведомости, сохранившиеся в разных фондах, дают количественный материал для оценки динамики промысла: объёмы ясачных поступлений выступают здесь косвенным показателем.

Советский период документирован в фондах Национального архива РС(Я) материалами Управления охотничье-промыслового хозяйства при Совете Министров ЯАССР. В фонде Р976 изучены отчёты Госохотинспекции за 1961, 1963 и 1971 гг. (Оп. 5, Д. 10, 12, 20). Из этих документов видно, как происходила профессионализация охотничьего труда: какие устанавливались плановые показатели заготовок пушнины, как организовывалось материально-техническое снабжение промысловиков, какими мерами государство регулировало охотничье хозяйство, когда оно функционировало уже как плановая отрасль. Отдельного внимания заслуживает рукописная статья «Промысловые звери и птицы Якутии и охота на них» (Ф. Р1365, Оп. 1, Д. 31) в котором даны этнографические и промысловые наблюдения, причём в деталях, которые редко встречаются в официальных отчётах.

Государственный архив Иркутской области предоставил материалы, отражающие общеимперскую политику в отношении ясачного населения. В фонде 25 хранится дело о составлении новых правил обложения инородцев Забайкальской и Якутской области ясачной податью (Оп. 10, Д. 1991), позволяющее проследить эволюцию налогового законодательства. Фонд 293 содержит отчет об Якутской экспедиции В.В. Ливадина (Оп. 1, Д. 468) и заметки И. Шкловского о крайнем Северо-Востоке Якутской области (Оп. 1, Д. 640). Эти материалы представляют собой ценные описания промысловых практик, социального уклада и природных условий, составленные государственными чиновниками и исследователями, непосредственно знакомыми с жизнью коренного населения.

Муниципальный архив Среднеколымского района предоставил хозяйственно-экономический очерк Средне-Колымского района (Ф. Р-1062, Оп. 1, Д. 9), содержащий подробное описание промыслового хозяйства, распределения охотничьих угодий и экономических условий деятельности охотников в одном из ключевых пушнопромысловых районов Якутии.

Российский государственный исторический архив (РГИА) предоставил материалы высших государственных учреждений. В фонде 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел) изучено дело о введении общественного управления и суда среди чукчей Якутской области по правилам, установленным в Уставе об инородцах, и об обложении их ясаком (Оп. 84, Д. 209, 1908 г.). Фонд 1276 (Совет министров) содержит отчет о состоянии Якутской губернии за 1913 и 1914 гг. (Оп. 17, Д. 459), позволяющий оценить состояние промыслового хозяйства накануне революционных событий.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб(ф) АРАН) хранит рукопись В. Е. Горикозиц «Народная медицина у якутов» (Ф. 47, Оп. 2, Д. 58), в которой содержатся богатые сведения о сакральных практиках, связанных с промыслом, и народных способах лечения различных травм и болезней, что дополняет представление о мировоззренческом аспекте охотничьей культуры.

Научный архив Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Архив ИЭА РАН) содержит объемные материалы полевых исследований известного этнографа И. С. Гурвича. Так, в фонде 11, описи 1, деле 51 хранится работа «Изображения духа-хозяина охоты и некоторые другие предметы промыслового культа у северных якутов», которая представляет собой этнографическое описание сакральных атрибутов охотничьего культа, включая амулеты, изображения духов-покровителей и ритуальные практики, зафиксированные в полевых условиях в середине XX в.

Нормативные материалы представлены законодательными актами, официальными документами и регламентирующими положениями, отражающими эволюцию государственного регулирования в сфере

природопользования, охотничьего промысла и традиционного хозяйствования. Анализ этих источников позволяет проследить динамику взаимодействия между традиционными нормами и официальным правовым полем.

В качестве ключевых источников в исследовании используются материалы социальных сетей и мессенджеров. Анализ содержимого специализированных групп охотников позволяет реконструировать практики, ценностные ориентации и стратегии данного профессионально-социального сообщества. Особую ценность представляют публикации участников этих групп, содержащие визуальные материалы (фотографии трофеев, оружия, мест охоты), текстовые обсуждения мифоритуальных практик, методов и приёмов охоты, нормативно-правовых аспектов деятельности, а также образцы неформального общения, отражающие специфику субкультуры.

Применение подобного комплексного подхода к формированию источниковой базы обеспечивает репрезентативность исследования и позволяет всесторонне проанализировать охотничью деятельность в её традиционных и современных проявлениях.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литература и приложений. Во введении обосновывается актуальность исследования, рассматривается степень изученности темы, дается характеристика объекту и предмету исследования, формулируются цели и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки исследования, методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются источники, научная новизна, апробация работы.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Традиционная охотничья культура якутов сформировалась как целостная социо-экосистема, в которой рациональное природопользование, основанное на глубоких экологических знаниях, было неразрывно связано с комплексом мифоритуальных практик, социальной организацией и

материальными технологиями, что обеспечивало жизнедеятельность в экстремальных условиях Севера.

2. Государственная политика в Якутии выступала ключевым драйвером трансформации охотничьего промысла, последовательно переводившим его из системы жизнедеятельности в экономический инструмент.

3. Современная охотничья субкультура Якутии представляет собой динамичное явление, где адаптация к технологическим, климатическим и рыночным вызовам происходит через селективное сохранение, переосмысление и синтез традиционных элементов с современными инновациями, что обеспечивает сохранение охоты как важнейшего маркера этнокультурной идентичности.

4. Основным механизмом культурной устойчивости охотничьих традиций в современных условиях выступает не консервация архаичных форм, а их трансформация и интеграция в новые социальные контексты (спорт, досуг, сувенирное производство, digital-среда), что позволяет транслировать традиционные ценности и экологические принципы в актуальных для новых поколений форматах.

5. Ключевым фактором, определившим текущую трансформацию охотничьих практик и жизненного уклада промысловиков Якутии в XXI в., выступает климатический кризис, проявляющийся через «дефицит холода», деградацию многолетней мерзлоты и смещение природных ритмов, что провоцирует системный вызов экологической и экономической устойчивости традиционного природопользования.

6. В традиционной охотничьей культуре якутов отношения между человеком и животным строились как сакральное взаимодействие равноправных участников природного мира, почитании духов-хозяев, промысловых табу и обрядов задабривания, тогда как в современной практике эти отношения утрачивают ритуальную основу, приобретая утилитарно-прагматический характер, где животное превращается преимущественно в объект добычи.

Научная новизна исследования состоит в том, что, в научный оборот вводятся новые архивные материалы, ранее не использовавшиеся при изучении охотничьей культуры якутов. Кроме этого, в работе применён комплексный междисциплинарный подход к анализу охоты как целостного явления. В дополнении к этому, охота исследуется не только в качестве жизненно необходимой практики, но и в качестве современной специализированной деятельности, которая сочетает рекреационные функции с функцией сохранения традиционных знаний. В центре внимания данного исследования — не реконструкция архаичного состояния охотничьей культуры якутов, а её современная динамика. Также анализ литературы показывает, что целостного исследования, прослеживающего взаимосвязь между изменениями нормативно-правовой базы, экологическими сдвигами и повседневными практиками охотников не предпринималось, именно этот пробел и призвана восполнить работа.

Практическая значимость. Положения и рекомендации, сформулированные в работе, могут найти применение в нормотворческой деятельности, где они могут быть учтены при подготовке законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих охотничье хозяйство и традиционное природопользование в Якутии. В сфере регионального планирования полученные выводы применимы при разработке различных концепций и программ развития северных территорий Республики Саха (Якутия). В научно-исследовательской работе материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвящённых этнокультурному развитию Якутии и проблемам традиционного природопользования. Наконец, в образовательном процессе результаты исследования могут быть востребованы при чтении курсов по краеведению и истории Якутии в высших и средних специальных учебных заведениях, а также в общеобразовательных школах.

Апробация результатов работы. Диссертация апробирована на научно-практических конференциях, включая XIII, XV, XVI Конгрессы

антропологов и этнологов России (Казань, 2019; Санкт-Петербург, 2023; Пермь, 2025), Конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (Москва, 2020, 2022), Seventh International Symposium on Arctic Research (Япония, 2023), UN Climate Change Conference COP28 (ОАЭ, 2023), COP29 (Азербайджан, 2024), Сибирские чтения – 2025 (Санкт-Петербург, 2025), IX Богоразовские чтения (Магадан, 2025).

Результаты авторских исследований были изложены в серии из 14 публикаций, в том числе 3 публикации входящие в БД Web of Science, Scopus и список ВАК, 8 публикаций из списка ВАК, 3 публикации входящие в БД РИНЦ. Общий объем печатных работ составил 9 п.л. – авторский вклад 5,9 п.л. [Федоров, 2019, 2020, 2021, 2023а, 2023б и др.].

ГЛАВА I. ОХОТНИЧЬЯ КУЛЬТУРА ЯКУТОВ: ПРИРОДА, ТРАДИЦИИ, СИМВОЛИЧЕСКИЙ МИР

1.1. Природно-экологические основы и ресурсный потенциал охотничьего промысла Якутии

Территория Якутии, занимающая около 3,08 млн км², на протяжении всей своей истории представляет собой обширный природный комплекс с выраженным зональным распределением растительного покрова. Примерно 80% площади региона занято лесными массивами, в то время как тундровые ландшафты охватывают порядка 10% территории [Большая российская энциклопедия]. Четко выделяются две основные растительные зоны, определяющие экологические особенности края. Полярная зона протягивается полосой шириной от 20 до 320 км от архипелагов Северного Ледовитого океана до границы распространения древесной растительности, характеризуясь суровыми климатическими условиями и специфическим набором арктических видов. Лесная зона отличается значительным биоразнообразием с распределением древесных пород, где доминирующие позиции занимают лиственница, береза, тополь, ель, сосна, пихта, кедр, образующие характерные ландшафтные полосы [Соломонов, 1975, С. 33].

Подобное разнообразие растительных сообществ создает исключительные экологические условия для формирования богатой фауны пушных зверей. Лесные массивы обеспечивают надежные местообитания, кормовую базу для соболя, белки, горностая, в то время как тундровые пространства служат оптимальной средой для песца и других арктических видов. Мозаичность растительного покрова, где хвойные леса чередуются с лиственными рощами, заболоченными участками и горными тундрами, формирует сложную экологическую структуру, определяющую уникальность охотничье-промысловых ресурсов Якутской области.

Как отмечал В.П. Захаров исторически сложившаяся система природопользования коренных народов Якутии характеризуется устойчивыми формами охотничьего промысла, ориентированного на удовлетворение базовых жизненных потребностей. В рамках данной системы мясо добытых животных используется для питания, мех применяется для изготовления функциональной одежды, адаптированной к экстремальным климатическим условиям региона, а шкурки определенных видов служат средством обмена в межплеменных торговых операциях [Захаров, 1995, С. 13].

В изучаемый период леса Якутии отличались исключительным разнообразием пушных зверей. Плотность популяций многих видов была высокой, что составляло основу охотничье-промыслового потенциала региона. Среди кунных наиболее ценились мелкие пушные звери (соболь, горноста́й, колонок, выдра и росомаха), естественно в связи с тем, что их мех отличался высоким качеством и пользовался спросом на пушных рынках. Из хищных млекопитающих важную промысловую роль играли бурый медведь, рысь и волк. Среди псовых особо выделялась лисица, которая была представлена несколькими морфологическими формами: красной, сиводушкой и чернобуркой. Грызуны также отличались богатым видовым составом. Так, в их число входили белка, заяц, летяга, бурундук, евразка, тарбаган и крыса, которые служили кормовой базой для хищников и одновременно были важными объектами пушного промысла. Такое разнообразие и высокая численность пушных видов ставили Якутию в число важнейших регионов России по запасам и добыче пушнины. На протяжении всего рассматриваемого периода пушной промысел составлял существенную статью региональной экономики. Сложная структура лесного фонда создавала оптимальные условия для обитания пушных зверей, их воспроизводства и сезонных миграций, что, в конечном счете, обеспечивало устойчивую основу для традиционного промысла [Захаров, 1995, С. 15].

Соболь (як. *киис*) занимал исключительное положение в системе пушных богатств Якутии и представлял собой один из наиболее ценных

объектов промысла, однако, к концу XIX столетия произошла катастрофическая деградация популяции якутского соболя. Данное ухудшение было связано с неконтролируемым промыслом и интенсивным освоением таежных территорий золотодобывающей промышленностью, что стало показательным примером экологических последствий нерегулируемой эксплуатации природных ресурсов в условиях обширного хозяйственного освоения Сибири [Захаров, 1995, С. 13-14].

Тайга Якутии представляла собой также обширный ареал распространения лисицы (як. *саһыл*), отличавшейся значительным многообразием окраса, с выделением трех основных цветов: красной, сиводушки и чернобурки (См. Рис. 3.14). В этой связи, ассортимент пушнины получался широким и именно это долго поддерживало высокий спрос на якутские меха на мировых рынках. [Захаров, 1995, С. 14].

Песец (як. *кырса*), являющийся характерным представителем арктической фауны, образовывал устойчивые популяции преимущественно в зоне тундры и притундровых лесотундровых ландшафтов, с наибольшей концентрацией вдоль побережья Северного Ледовитого океана. В пределах популяции существовала четкая дифференциация по окраске мехового покрова с выделением двух основных морфологических форм: белой и голубой. Голубая морфа, представлявшая особую ценность в пушном промысле, встречалась с исключительно низкой частотой – статистические данные современников указывают соотношение приблизительно один экземпляр на тысячу особей белой вариации. Такая редкость голубого песца, сочетавшаяся с исключительными качествами его меха, определяла особый коммерческий статус данной разновидности на международных пушных рынках и формировала специализированное направление в промысловой деятельности местного населения, ориентированное на добычу именно этой цветовой морфы [Соломонов, 1975, С. 39-41].

Белка (як. *тиинг*) демонстрировала широчайшее распространение на территории Якутии, населяя все лесные массивы за исключением тундровой и

лесотундровой зон. Качество мехового покрова данного вида имело выраженную географическую изменчивость: наивысшие показатели отмечались у оймяконской и охотской белки, составлявших первую категорию ценности, затем следовали якутская, ленская и вилюйская белки. Горноста́й имел ещё более обширный ареал, чем белка и встречался вплоть до островов Северного Ледовитого океана. При этом качество его меха закономерно улучшалось к северу: особи становились крупнее, а меховой покров — гуще и качественнее. Колонок чаще встречался в средней и нижней частях таёжной зоны и сформировал устойчивые популяции в приречных зонах — вдоль берегов рек, малых водотоков и озёр [Соломонов, 1975, С. 60–63].

Волк (як. *бөрө*) был типичным представителем фауны Якутии и широко встречался по всей территории Якутии, зверь приспосабливался, практически, к любым условиям обитания и обитал от густой тайги до речных долин. Особое место в популяционной структуре занимала тундровая форма — полярный волк, который отличался более крупными размерами и наиболее светлым окрасом меха, что обеспечивало ему эффективную маскировку в арктических ландшафтах. Популяции лесной зоны имели более разнообразный цвет меха. На этом основании исследователями были выделены две основные морфологические группы: голубоватые волки (с холодным оттенком меха) и серо-бурые особи (с окрасом, соответствующим классическому описанию лесного подвида) [Захаров, 1995, С. 15].

Лось (як. *тайах*) на протяжении веков занимал значимое место в системе традиционного природопользования якутов. Он выступал одним из ключевых объектов промысловой деятельности. Ареал его распространения охватывал все лесные районы Якутии, обеспечивая местное охотничье население существенным ресурсным подспорьем. Говоря про объемы добычи, то следует указать данные представленные Р.К. Мааком. По свидетельству исследователя, уже к середине XIX в. в долине реки Вилюй эти животные были практически полностью истреблены. Тем не менее, в начале XX в. в этом регионе фиксировались случаи добычи до 10 особей в год на одного охотника.

Аналогичные данные приводятся и по Батурусскому улусу, расположенному в бассейне реки Амги, где наиболее успешные охотники ежегодно добывали от 10 до 15 лосей [Маак, 1887, С. 167].

В системе традиционного природопользования якутов дикий северный олень (як. *таба*, *хотугу таба*) занимал важное место как объект промысловой деятельности. Этнолокальная классификация выделяет три экологические формы данного вида: морской олень (як. *мэйилэ кыыла*), лесной олень (як. *тыа кыыла*) и горный олень (як. *таас кыыла*), различающиеся биотопической приуроченностью, морфометрическими параметрами и особенностями мехового покрова [МА СР, Ф. Р-1062, Оп. 1, Д. 9, Л. 103].

Охота на крупных копытных, таких как лось и дикий олень, демонстрировала сочетание традиционных и новых технологий. Помимо скрадывания с ружьём и охоты с лайкой, практиковались архаичные коллективные методы загона, особенно на переправах [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 22]. Для оленя строились сложные направляющие коридоры из антропоморфных фигур (як. *лэглэки*), которые загоняли стадо в воду, где животных добывали с берестяных челноков копьями [Саввин, 2005, С. 145]. Этот способ сохранял черты родовой организации и справедливого распределения добычи.

Охота на медведя занимала особое положение и характеризовалась некоторой противоречивостью. Так, с одной стороны, это был желанный и престижный промысел, своего рода трофейной охотой, но с другой стороны, медведь был объектом множества строгих табу, основанных на представлениях о родстве с человеком [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 27-28; Ионов, 1915, С. 57].

В системе традиционного природопользования якутов особое место занимал также промысел горных копытных. Он включал три основных вида: горного барана (як. *чубуку*), кабаргу (як. *бүүчээн*) и сибирскую косулю (як. *туртас*). Эти животные чаще всего обитали в труднодоступных горных районах, удалённых от основных зон расселения в речных долинах, что

являлось причиной их редкой добычи и практиковалась преимущественно жителями отдельных малонаселённых районов [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 25 об.].

Значительно более важную роль в системе жизнедеятельности играл промысел мелких млекопитающих. Так, особое место занимал заяц-беляк (як. *куобах*), который являлся важным источником как пищи, так и сырья для изготовления различных изделий. Высокая промысловая значимость обосновывалась относительно высокой численностью и доступностью, практически, для всех категорий охотников. Второстепенными, но всё же заметными в системе питания объектами выступали водяная крыса (як. *күтэр*), колымский суслик (як. *дьабарааскы*) и черношапочный сурок (як. *таарбаҕан*).

В начале XX столетия Центральная Якутия характеризовалась большим количеством небольших озёр и рек, что создавало оптимальные условия для гнездования многочисленных видов водоплавающих птиц (См. Рис. 3.1, 3.15). В этот период, предшествовавший массовому распространению дробового оружия, фауна региона отличалась исключительным богатством и разнообразием. Основными объектами промысла выступали представители семейства утиных: кряква, шилохвость, чирок, турпан, нырок, гоголь, чернеть, луток, а также гуси [Саввин, 2005, С. 149].

Одновременно значительную хозяйственную ценность представлял песец (См. Рис. 3.17), чья добыча велась комплексом методов, отражающих адаптацию к биологии вида. Типология методов промысла песца включала активный гон (як. *сырсыы, экирэттии*) верхом на лошади с использованием собак, практиковавшийся в лесотундре ранней зимой; скрадывание с огнестрельным оружием у мест кормёжки; а также пассивный лов пастями и капканами (См. Рис. 3.7, 3.8) – основной способ, требовавший глубоких знаний повадок зверя и навыков установки ловушек с учётом рельефа и ветра [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 16]. Качество шкуры и, соответственно, её стоимость напрямую зависели от сезона добычи, достигая максимума к концу

декабря [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 16]. Нерациональные методы, такие как изъятие щенков летом, и порча добычи хищниками в пастях негативно сказывались на популяции [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 18 об.].

Промысел без отрыва от хозяйства, нацеленный на зайца, птицу и мелких грызунов, был важным подсобным занятием даже для скотоводов, чётко вписанным в сезонный хозяйственный цикл (См. Рис. 3.18-3.20). Этнографические данные показывают, как такое хозяйство сочетало скотоводство с интенсивной сезонной добычей зайца, утки и рыбы, обеспечивая семью мясом [Николаев, 2009, С. 195]. Промысел был высокоинтенсивным, о чём свидетельствуют статистические данные начала XX в. [Саввин, 2005, С. 147]. В питании использовался широкий спектр животных: от мяса крупных копытных до мелких млекопитающих, таких как заяц-беляк, водяная крыса и колымский суслик, которые занимали важную нишу в местных пищевых традициях и обрядности, например, в составе свадебных даров (як. *кэһии*) [Саввин, 2005, С. 147; Худяков, 1969, С. 100]. Употребление водяной крысы фиксировалось вплоть до 1960-х годов, а её промысел не представлял значительных трудностей в пойменных биотопах [Саввин, 2005, С. 147; Маак, 1887, С. 172].

Промысел водоплавающих птиц отличался большим разнообразием методов. Использовались как коллективные, так и пассивные способы, основанные на глубоком знании поведения птиц. К ним относились специальные засеки (як. *кыыс*) с петлями для турпанов, загоны линных птиц на узкие участки водоёмов, ночные световые загоны с кострами и сетями, а также сети из конского волоса и охота на них сатиной (См. Рис. 1.20, 1. 21) [Саввин, 2005, С. 149–151; Николаев, 2009, С. 195].

Социальная организация таких охот строилась на принципах родового равенства. Добычу распределяли поровну, включая долю для охотничьих собак. Сохранялась и архаичная луковая охота с использованием специализированных стрел — «одур» и «кустук» [Саввин, 2005, С. 152]. До введения регламентации охоты в начале XX в. эти методы применялись в

отдалённых районах, хотя и сопровождались определёнными потерями ресурсов [НА РС(Я) Ф. Р1365, О. 1, Д. 31, л. 23].

В целом, традиционные охотничьи практики якутов представляли собой целостную адаптивную систему, в которой сочетались рациональное и комплексное использование ресурсов: добыча утилизировалась полностью, применялись сезонные способы консервации и т.д., в основе этой системы находились экологические знания, воплощённые в методах охоты, приспособленных к биологии каждого вида.

1.2. Техничко-технологический комплекс и таежное снаряжение

Охота представляет собой один из древнейших видов деятельности человека. Она сохраняет свою актуальность и в настоящее время. В становлении человека как доминирующего вида на Земле охота сыграла одну из ключевых ролей. Археологические данные свидетельствуют о том, что первые орудия труда в подавляющем большинстве являлись орудиями охоты. Кроме того, технологические революции каменного века затрагивали прежде всего промысловые орудия и технологии природопользования – это появление рыболовных сетей, крючков, гарпунов, легких топоров и первого механизма, изобретенного человеком – лука со стрелами. Так, именно взаимодействие человека с природным миром, а также поиск пропитания становился в архаичную эпоху флагманом прогресса.

Рассматривая охотничье оружие и снаряжение, следует отметить то разнообразие, используемое охотниками в различных исторических и географических контекстах. Во все исторические времена охотники стремились совершенствовать свои орудия для оптимизации трудовых затрат и повышения эффективности охоты. В случае с охотниками на территории Якутии, в условиях экстремальной сложности, снаряжение охотника должно было отвечать самым высоким требованиям.

Согласно исследованиям этнографов [Николаев, 2009; Маак, 1886, 1887; Серошевский, 1993], методы традиционной охоты делились на две группы: контактный и бесконтактный. Исходя из этих групп использовались различные орудия охоты. К первой группе относятся все традиционные самоловные орудия, использовавшие охотниками, ко второй группе относятся лук со стрелами, пальмы, ножи и рогатины.

Все традиционные орудия, употребляемые охотниками Якутии для лова зверей, просты по своей конструкции и приспособлены к каждому виду зверя: его росту, силе, образу жизни, питанию и привычке. Лишь условия окружающей местности и растительности, дающей материал и маскировку для установки орудий лова, а также образ жизни и быта охотника, влияли на некоторые видоизменения в деталях конструкции, давая возможность замены одного материала другим, соответственно отражающееся на отдельные детали. Принципы охоты были одинаковы во всей Якутии, но в зависимости от быта охотника и образа его жизни, приемы охоты на тот или иной вид зверя, видоизменялись под влиянием условий окружающей среды, а также пользования домашними животными: лошадью, оленем и собакой. В принципах устройства орудий лова и приемов охоты вплоть до начала 1930-х гг. оставались такими же, какими были несколько сот лет тому назад [НА РС(Я). Ф. Р1365. Оп. 1 Д.31. Л. 1-99].

Согласно архивным данным [НА РС(Я). Ф. Р1365. Оп. 1 Д. 31. Л. 4], традиционные орудия, употребляемые в Якутии для ловли зверей, можно разделить на следующие категории: удушающие устройства, зажимные механизмы, стреляющие системы, гравитационные ловушки.

Удушающие устройства основаны на применении волосяных петель (як. *туһах*) с мертвой затяжкой (См. Рис.1.39), монтируемых на стационарных рамах (як. *тиргэ, барчах*), тростниковых петлях (як. *чааркаан*) (См. Рис. 1.43) или рычажных системах (як. *тэптиргэ*). Их пространственная ориентация варьировалась в зависимости от целевого вида: вертикальная установка для

наземных млекопитающих, горизонтальная с боковыми ограничителями (як. *тону*) для водоплавающих птиц.

Зажимные механизмы представлены двумя принципиальными модификациями: ударные системы (См. Рис. 1.44, 1.45) с использованием энергии натянутого лука (як. *чачаар*), где сила воздействия передавалась через падающую перекладину (як. *балтыһах*); универсальная ловушка «черкан» для мелких животных (См. Рис. 1.46), представляющая собой сложный механизм с деревянной рамой, лучным деревом, костылём (як. *балтыһах уга*) и челаковой системой триггера (як. *элбэрэк, инньэтэ*). Для крупных животных применялись аналогичные конструкции, где роль энергетического источника выполняла гравитационная сила бревен.

Стреляющие системы (як. *айа*) базировались на луках из лиственничной сердцевины (як. *кил*) с тетивой из сыромятной кожи (См. Рис. 1.29-1.34). Механизм насторожки включал станок (як. *холлойбо*), челаковую систему и волосяной триггер (як. *кыл*). Стрелы оснащались обратным зарубком (як. *бадаар*), предотвращающим самострел. В последствии были модифицированные варианты, состоящие из огнестрельного орудия под названием «Бууска» (См. Рис. 1.37, 1.38). Калибровка прицела осуществлялась с при помощи деревянной дощечки (як. *холо*), учитывающей антропометрические параметры добычи (См. Рис. 1.35, 1.36.) [НА РС(Я). Ф. Р1365. Оп. 1 Д. 31. Л. 12].

Гравитационные ловушки (як. *сохсо*) представляли собой сложные срубовые конструкции, активируемые при контакте с приманкой (См. Рис. 3.2, 3.3). Их модификации варьировали от компактных «*саһыл нааһа*» для лисиц до мощных «*эһэ сохсото*» (См. Рис. 3.9.) для медведей, где использовались цельные бревна длиной до 5 метров [НА РС(Я). Ф. Р1365. Оп. 1 Д. 31. Л. 12 об.].

В начале XX в. отмечается внедрение железных капканов (См. Рис. 1.40-1.42, 3.12), однако параллельно сохранялись архаичные методы отравления с использованием стрихнина. Последний применялся в сложных композициях

(костные полости, восковые матрицы), обеспечивавших целевую доставку токсина в желудочно-кишечный тракт жертвы [НА РС(Я). Ф. Р1365. Оп. 1 Д. 31. Л. 13]. Современный период характеризуется полным вытеснением традиционных технологий стальными тросовыми петлями, сочетающими эффективность и экономичность, что знаменует завершение эпохи экологически интегрированного промысла.

Одним из традиционных методов промысловой деятельности являлась охота с использованием специально обученных собак (Рис. 3.6, 3.13, 3.16), позволявшая добывать практически все виды промысловых животных, иными словами, собака являлась живым орудием охоты. Наличие хорошо обученной собаки рассматривалось как необходимое условие успешной охоты, поэтому каждый охотник стремился приобрести или вырастить натасканное животное. Исторически сложилась практика межэтнического обмена охотничьими собаками: чукчи приобретали промысловых собак у эвенков и эвенов на Колыме, в то время как вилюйские эвенки получали их от якутов [Дмитриева-Сулима, 1898, С. 18].

Процесс взращивания и подготовки охотничьей собаки представлял собой сложную систему, начинавшуюся с щенячьего возраста. Животных содержали на усиленном рационе и воспитывали в условиях, способствующих формированию устойчивой психики. Обучение проводилось поэтапно, с постепенным увеличением нагрузок, под руководством опытных собак-наставников. Так, в работе И.И. Соколова [Соколов, 1939, С. 46] описывается метод, когда собак начинают тренировать с 6 месяцев, привязывая к нему детские сани. В ходе подготовки развивались ключевые рабочие качества: физическая сила, координация движений, выносливость, острота обоняния, смелость, звучность голоса, а также устойчивость к низким температурам. Хотя существовала практика специализации собак на добычу конкретного вида зверя, длительный и разнообразный промысловый опыт часто позволял охотникам формировать универсальных рабочих животных, способных одинаково эффективно работать как по мелкому, так и по крупному зверю.

Такие высококвалифицированные собаки представляли особую ценность и фактически становились основой промыслового хозяйства. Несмотря на исключительную важность собак в хозяйственной жизни охотников, в регионе отсутствовали специализированные организации, занимавшиеся целенаправленной селекционной работой и системным выращиванием промысловых собак, что оставляло процесс их разведения и подготовки на уровне традиционных народных практик [Дмитриева-Сулима, 1898, С. 24].

Самым важным и главным орудием контактной охоты, до появления и распространения огнестрельного оружия, были лук и стрелы (См. Рис. 1.16.-1.19). Необходимо отметить, что за существование богатых источников по материальной культуре якутов необходимо поблагодарить суровые условия территории Якутии. В условиях вечной мерзлоты, вещи, находящиеся в старинных якутских погребениях, сохраняют близкий к первозданному качеству вид. Как отмечал Стрелов, в частности, лук, находящийся в сопроводительной утвари в погребениях, утрачивает только склеивающее вещество. Благодаря этому, мы можем изучать лук как единое целое изделие, а также имеем возможность исследовать его отдельные составляющие [Стрелов, 1927, С. 65; Бравина, 2020, С. 99-206].

По имеющимся археологическим данным [Стрелов, 1927, С. 66], якутский лук изготавливался из 24 отдельных частей, из которых в каждом обязательными были 9 частей, остальные же могли присутствовать или отсутствовать в зависимости от мастерства и умения мастера-изготовителя. При работе необходимо было иметь 7 различных материалов: береза, лиственница, береста, ива, жилы, клей, кожа. Из перечисленных материалов, первые шесть шли на изготовление древка, а кожа – на тетиву. Необходимо отметить, что ива, жилы и клей служили исключительно для скрепления отдельных частей лука в единое целое. По материалам археологов и палеоэтнографов [Стрелов, 1927, С. 67] можно установить, что древко якутского лука состоит из деревянной основы, предположительно предназначенное для лучшего сопротивления оттягиванию тетивы, т.е. лук

должен был иметь значительный порог упругости, а также берестяную оклейку для защиты деревянной основы от пагубного влияния сырости, воды, снега и т.д. Основа лука ни в коем случае не изготавливалась из одного цельного куска древесины. Оно всегда состояло из двух частей, склеенных между собой по всей длине, а именно: внутренней, т.е. обращенной к тетиве – из сердцевины лиственницы, и наружной, противоположной стороны, сделанной из березы.

Если говорить про концы древка, то они служат для закрепления тетивы. Для этого здесь сделаны глубокие выемки между березовой и лиственничной частями древка, в которую и вкладываются петли тетивы. Однако, при оттягивании тетивы древко в этом месте может легко расколоться. Для предотвращения раскола, в концы древка перпендикулярно нейтральному слою вклеены дощечки, направление волокон которых тоже перпендикулярно нейтральному слою. В итоге получается полотно подобное фанере, где внутренний слой вклеен перпендикулярно внешним слоям, что устраняет возможность раскалывания фанеры. Якутский лук изготавливается по такой же технологии, потому при вклеивании перпендикулярной дощечки исключается возможность раскола концов древка при натяжении и тетивы. Тетива делалась из сырого ремня, вырезанного из кожи, очищенного от шерсти и скрученного таким образом, что ременная лента превращалась в круглую нить толщиной в среднем 5 мм [Стрелов, 1927, С. 68]. Скорее всего тетиву чем-то обрабатывали, иначе в захоронениях находили бы разбухшую и раскрученную тетиву, однако в данное время технологии не позволяют точно выяснить в каком веществе вымачивали её или чем обрабатывали. Петля тетивы завязывалась особым образом: через обычное кольцо одинарного узла как бы вторым заходом пропускается конец тетивы, оставляя широкую петлю; затем кольцо затягивается и прихватывает конец тетивы; торчащий конец поднимается и в нескольких местах привязывается жильными нитками к одной стороне получившейся петли. У самого узла обязательно поперек продета короткая полоса кожи, предупреждая возможное соскальзывание

конца тетивы. Торчащий конец второй петли срезан коротко и укрепление ограничивается аналогичной кожаной поперечиной. Образованные таким образом петли очень широкие, накидные. В натянутом состоянии их длина доходит до 18-19 сантиметров. Таким образом, тетива свободно одевалась и снималась, что также необходимо для сохранения упругости лука на длительное время.

Вместе с луками в погребениях, обычно, обнаруживаются и стрелы или наконечники стрел [Константинов, 1971]. Судя по ним, наконечники стрел изготавливались из железа, кости и дерева. Наконечники якутских стрел имеют аналогии на востоке в чжурчжэньских и других тунгусо-маньчжурских наконечниках Дальнего Востока, а на западе – с наконечниками угро-самодийских народов (предков ненцев, энцев и др.) [Степанов, 2010, С. 32-36].

В якутской охотничьей традиции существовало несколько специализированных типов наконечников стрел, каждый из которых был приспособлен для определённых задач (См. Рис. 1.11-1.15). Как пишет в своей работе В.Г. Попов [Попов, 2019, 106-116], «*баһах*» представлял собой стандартный остроконечный наконечник для универсального применения при охоте на среднюю и крупную дичь. Для добычи пушных зверей без повреждения шкур использовали «*маалтаар ох*» с притупленной боевой частью.

Режущий эффект обеспечивал наконечник «*кустук*» с топорovidной рабочей частью, тогда как «*уостаах ох*» с V-образной конструкцией создавал рваные раны. Широкая плоская боевая часть «*бэттиэмэ ох*» обеспечивала режущее поражение с большой площадью контакта. Для охоты на крупных животных применялась стрела с вильчатым наконечником «*муостаах ох*», а листообразный «*сулумах ох*» с обоюдоострой заточкой был призван наносить глубокие проникающие раны с повреждением внутренних органов.

Оружием точного поражения служила асимметрично-ромбическая стрела «*сылбарба ох*», имевшая вытянутую форму с зауженным концом. Ударно-дробящее действие обеспечивал наконечник «*адыр*» — квадратный в

сечении, с боевой частью в виде буквы Х. Для особо крупных целей брали его увеличенный вариант под названием «сардаана ох» с крестообразным навершием. Функцию бронебойного снаряда выполнял трёхгранный узкий наконечник «бүргэс ох», способный пробить даже шкуру крупного животного [Васильев, 1995, С. 87].

Среди охотничьего оружия можно выделить категорию рубяще-колющих орудий, одним из самых распространенных из которых является «Батас» (См. Рис. 1.3), определяемый многими исследователями как боевое [Васильев, 1995, С. 102]. Судя по сохранившимся в музейных фондах экземплярам, длина клинка колеблется от 50 до 70 см, длина черенка достигает 25-30 см, рукоять имеет длину до 1,5 м, в верхней части клинка (як. *хантабайа*), ближе к обуху (як. *өнчөх*), имеется дол (як. *үөс*). В качестве украшений от основания до грани закрепляли медные вставки и насечки. «Батас» существенно отличается от других видов орудия своими размерами и, прежде всего, формой грани (як. *биш*). Лезвие от черенка к середине клинка слегка расширяется и резко сужается к острию (як. *уһук*), в результате чего грань принимает форму ломаной линии [Васильев, 1995, С. 103].

Пальма «Батыйа» – это короткое двуручное орудие (См. Рис. 1.1., 1.2), которое использовалось одновременно в качестве короткого копья, ножа и топора. Лезвие имеет ножеобразную форму при длине в 30 см, в самом широком месте, который находится почти на половине, оно равняется обычно примерно 4-5 см. Лезвие завершается невысоким поперечным порошком, дальше которого идет уже часть, вставляющаяся в рукоять копья. С рукоятью железо скреплялось жилами, спирально обмотанными вокруг древка. Для защиты от сырости древко оклеивалось берестой, украшенную простым орнаментом. Например, наносили несколько параллельных линий вдоль древка [Васильев, 1995, С. 105]. Е.Д. Стрелов считает, что самым интересным в этом копье является то, что деревянная рукоятка никогда не превышает 70 сантиметров в длину, а все копье вместе с лезвием равнялось, обычно, 100 сантиметрам [Стрелов, 1927, С. 72]. При такой незначительной длине якутское

копье теряло главное свое преимущество – ранить врага с безопасного расстояния. По этой же причине копье не могло служить рогатиной при охоте на медведя. Предположительно, этим копьем действовали как палашом, о чем свидетельствует одностороннее лезвие. Необходимо отметить, что порожек делался только с плоской стороны по толщине лезвия, тогда как другая сторона оставалась совершенно гладкой. Но в то же время, со стороны порожка лезвие было выпуклым, а с противоположной стороны несколько вогнутым, поэтому копье, как якутский нож, точилось только с одной стороны. Самый конец древка очень тонкий – в хватке не превышает 6 см., а в ширину – 2 см. Ближе к лезвию древко постепенно расширяется, и на 20 сантиметре имеет в хватке 9 сантиметров, а в ширину – 4 сантиметра. После этого ширина сразу сужается на 1 сантиметр, и таком размере идет до самого лезвия [Стрелов, 1927, 73]. Таким образом древко имеет изогнутую форму и имеет выступ – гарду, предназначенную для предотвращения скольжения руки в момент нанесения колющего удара. В некоторых документах написано, что иногда копье употреблялось в качестве топора: «22 числа вышли тридцать верст пустыми тундренными местами и непроходимыми лесами, расчищая пальмами» [Стрелов, 1916, С. 291]. Таким образом, данное короткое копье, пальма, являлось скорее всего универсальным орудием – им можно было действовать как копьем, так и палашом, а иногда оно заменяло топор. Е.Д. Стрелов не исключает возможности кошения им сена, что могло практиковаться у якутов до прихода русских [Стрелов, 1927, С. 74].

Еще одним типом колющего-рубящего орудия, используемого в охоте, является «*хотокоон*» (См. Рис. 1.4). По мнению исследователей, он является орудием типа «*батыя*», хотя по размерам значительно меньше. Этимологически это словно, близко к монгольским языкам [Васильев, 1995, С. 110]. Размеры клинков оружия типа «*батас*, *батыя* и *хотокоон*» не постоянны. Каждый в отдельности, они варьируют в пределах 5 см от приведенных выше размеров. «*Хотокоон*» использовался как запасное орудие, его носили на ремешке или на запястье левой руки [Васильев, 1995, С. 111].

Согласно исследованиям Кулаковского А.Е., вилюйские якуты называли обыкновенный бытовой нож – «хотокоон» [Васильев, 1995, С. 112]. В отличие от якутских ножей больших размеров «хотокоон» имел длинную рукоять, достигающую 40-50 сантиметров, с клинком длиной в 25-30 сантиметров.

Консервация архаичных охотничьих технологий в Якутии детерминирована спецификой природно-экономической среды. Автономный характер хозяйственной деятельности охотника стимулировался рыночной конъюнктурой пушного промысла и биологическими потребностями. Это обусловило сохранение традиционных методов добычи, которые обеспечивали максимальную продуктивность при минимальных затратах ресурсов.

Экономическая эффективность данных технологий основывалась на их ресурсной автономности. Развёртывание многочисленных ловушек не требовало материальных вложений, кроме трудовых и когнитивных ресурсов охотника. Все необходимые для изготовления и ремонта орудий материалы имели локальное происхождение. Это минимизировало операционные издержки.

Большую революцию в деле охотничьего промысла сыграло появление ружья (См. Рис. 1.22-1.24). В XVII веке техника пользования огнестрельным оружием держалась служивыми в секрете, а продажа пороха, свинца и пищаля местным жителям была строжайше запрещена [Гурвич, 1953, С. 276, 351]. В XVIII в. у местного населения не было огнестрельного оружия, но в инструкции от 6 ноября 1763 г. капитану Щербакову разрешалась продажа на ярмарках магна, пороха и свинца [Федоров, 1978, С. 57-59]. Исследователи считают, что якуты стали пользоваться винтовкой в начале XIX в., а чукчи – в конце XIX в. [Гоголев. 1970, С. 31-33] В середине XIX в. использование винтовки, по наблюдениям очевидцев, еще не распространилось в районах восточнее Алдана, на Индигирку, Колыму, Оймякон [Миддендорф. 1878, С. 597-598]. Отсюда следует, что огнестрельным оружием до середины XIX в. пользовались при охоте лишь в тех местностях, где наиболее был развит

товарообмен, причем винтовку могли приобрести лишь представители зажиточной части населения. Во второй половине XIX в. огнестрельное оружие появляется в отдаленных наслеггах Якутии. Из-за дороговизны винтовок и ружей некоторые охотники даже в конце XIX в. были вооружены луками.

Кремневая винтовка была тогда самым экономичным, практичным и удобным оружием, а простота ее устройства позволяла местным кузнецам исправлять любую поломку. Некоторые якутские мастера сами научились изготавливать кремневые ружья. Позднее получили распространение дробовики, берданки и винчестеры, которые в конце XIX в. Могли позволить себе только чиновники, торговцы, богатые казаки, мещане, зажиточные якуты-скотоводы. Как отметил В.П. Захаров в своей работе [Захаров, 1995, С. 33], затворы дробовиков и винчестеров были крайне неудачны. У винчестеров в условиях Севера затворы служили не более двух-трех лет, к тому же отсутствие пистонов и патронов ограничивало использование их в промысле. Замок берданки был сложен и непрочен. В конце XIX в. государство организовало снабжение охотников края оружием. Всего за 1908-1909, 1911, 1913 и 1914 гг. было завезено и распределено среди населения 1002 винтовки, 273 тыс. патронов [НА РС(Я), Ф. 15, Оп. 10, Д. 415, Л. 1]. Ружье стало вполне доступным только в конце XIX-начале XX в. В 1893 г. в Вилюйском округе насчитывалось предположительно 3575 ружей, в трех южных округах в 1917 г. было 15 264 разных ружья [НА РС(Я), Ф. 62, Оп. 1, Д. 198, Л. 11.].

Одним из примеров удачного использования огнестрельного оружия можно считать охоту с лабазом. Такого рода охота на дикого медведя проводилась около его свежей добычи. Пользуясь тем, что свою добычу, пойманную на лугу, он обычно оттаскивает к опушке поляны под стволы деревьев, якутские охотники часто устраивали засаду на лабазах, укрепленных высоко на растущих деревьях (См. Рис. 3.5). При благоприятных условиях, возвращаясь к своей добыче, медведь редко замечает засаду, располагающуюся высоко над уровнем его взора. В таком случае охотники,

подпустив медведя как можно ближе, расстреливают его в упор. В случаях ранения и контратаки со стороны хищника, охотников страхуют толстые бревна настила лабаза, нависающие козырьком, препятствуя прямому попаданию в лабаз по стволу дерева. Метод засады на лабазах изредка встречается и сейчас, к нему обычно прибегают малоопытные охотники, вынужденные с осторожностью вступать в единоборство с крупным хищником. Опытные охотники-промысловики, вооруженные современным нарезным оружием, не любят строить лабазы, для засады они просто выбирают толстые стволы деревьев. В случае обороны от хищника стволы деревьев выступают в качестве естественного щита от прямых наскоков зверя и дают возможность заменить обойму [Николаев, 2009, С. 184].

Конструктивные особенности орудий свидетельствуют о высокой степени адаптации к экологическим условиям, так, основным материалом для ударных и стреляющих механизмов служила лиственница, которая благодаря смолистости и механической прочности эта древесина обеспечивала устойчивость к атмосферным воздействиям, что продлевало срок службы орудий до нескольких десятилетий. Ловушки ударного и удушающего действия изготавливались из цельного куска древесины, что обеспечивало их визуальное слияние с окружающим ландшафтом и меньше отпугивало дичь. Деревянные элементы, заменявшие верёвочные части, проявляли высокую устойчивость к сырости или к излишнему усыханию и сохраняли свои функциональные свойства. В случае повреждения ремонт проводился охотником на месте с использованием одного лишь ножа или топора, что гарантировало непрерывность промысловой деятельности. В целом, охотничья практика в прошлом требовала комплексных знаний, охотник должен был владеть не только традиционными навыками промысла, но и умением прогнозирования погодных условий так как ошибки в оценке могли иметь критические последствия, особенно в условиях тундры и прибрежной зоны Ледовитого океана.

Успех охоты определяется не только совершенством орудия, но и соответствием естественным условиям снаряжению и экипировке. Традиционная промысловая одежда якутов представляет собой непростой комплект изделий [Серошевский, 1993, С. 328]. Технология обработки шкур обладала высокой степенью рационализации. Шкуру снимали «чулком», после чего натягивали на специальные деревянные правилки удлиненной треугольной формы, где производилась окончательная очистка от остатков жира и мяса (См. Рис. 1.51-1.53). Особое внимание уделялось сушке – процедуре, требовавшей поддержания определенного температурного режима и влажности. Готовые шкуры распределялись по качеству меха и размерам, затем поступали в работу к мастерам [Гаврильева, 1998, С. 35].

Головные уборы охотников представляли собой сложносоставные конструкции. Наиболее характерным элементом был налобник (як. *намыска*) с боковыми клапанами, защищавшими уши, который подшивался мехом белки, зайца или соболя (См. Рис. 3.10, 3.11). Комплект дополняли подбородники (як. *сэгийэ самнаба*), наносные покрышки (як. *мурун хаппаба*) и нащечники (як. *издэс тангаһа*), составляющие единую систему защиты лица от холода. Особого внимания заслуживает шарф-боа (як. *моойтурук*), изготавливавшийся путем нанизывания беличьих хвостов на нить, что является уникальным изобретением якутских мастеров, обеспечивавшее динамичную защиту от обледенения, благодаря постоянному вращению меховых элементов [Гаврильева, 1998, С. 36].

Плечевая одежда охотников включала несколько основных типов. Короткая меховая куртка (як. *сон*), доходившая до колен, шилась из оленьей шкуры шерстью наружу для зимнего периода, а из ровдуги – для летнего (См. Рис. 1.55). Ее покрой с втачными рукавами, узкими в верхней части и расширяющимися книзу, демонстрировал тунгусское влияние, однако глубина запаха и система завязок (от 4 до 6 пар ремешков) являлись характерными якутскими особенностями [Гаврильева, 1998, С. 114].

В основе нижней части охотничьего костюма лежали натазники (як. *сыалдыа*). Летние шили из ровдуги, зимние — из меха молодых животных. Поверх них надевали ноговицы (як. *сутуруо*) — деталь, закрывавшую голень от колена до щиколотки. Их кроили из кожи или ровдуги, придавая форму расширяющегося книзу раструба. Край ноговиц обшивали меховой или кожаной оторочкой. Крепление к натазникам осуществлялось ремешками и металлическими (чаще железными) кольцами — такая подвижная связка не стесняла коленный сустав.

Отдельным элементом выступал набедренник (як. *бэлэпчи*) — прямоугольный или трапециевидный кожаный фартук, пристегивавшийся к поясной одежде. Он предохранял штаны от истирания при верховой езде и длительных переходах. По функции бэлэпчи аналогичен киргизскому бельдемчи. В ряде случаев его украшали нашивками, тиснением или металлическими бляхами, что придавало фартуку дополнительные знаково-статусные функции.

Обувь (як. *этэрбэс*) делали из двух основных материалов: выделанной кожи домашних животных и оленьего камуса (См. Рис. 1.54). Камусная обувь ценилась выше из-за меньшего веса, большей прочности и лучших теплоизоляционных свойств. В зимние этэрбэс вшивали либо вкладывали отдельно меховые чулки-носки (як. *кээнчэ*). Высота голенища варьировалась в зависимости от сезона и промысла: короткие — для осенней охоты, длинные — для передвижения по глубокому снегу зимой.

Рукавицы (як. *үтүлүк*) предпочтительно шили из шкур пушных зверей или из оленьего камуса мехом наружу. Обязательным конструктивным элементом служил подклад из заячьего или беличьего меха. По краю рукавицы снабжались длинными ременными завязками, пропускавшимися через петли на рукавах верхней одежды — это предотвращало потерю рукавиц в движении и позволяло быстро снимать их при необходимости.

В традиционном якутском мировоззрении предметы промысловой одежды наделялись не только утилитарными, но и сакральными функциями.

Каждый элемент костюма мыслился находящимся под покровительством духов-хозяев (як. *иччи*), обитавших в материале либо в самом предмете. Существовала система табу, регулировавшая использование шкур разных животных. Охота осмыслялась как сакральное взаимодействие охотника с духом-покровителем Байанай. Одежда и снаряжение выступали посредниками в этом контакте: правильно изготовленная и надлежащим образом «освящённая» вещь обеспечивала благосклонность духа и удачу в промысле. Таким образом, конструктивные и декоративные особенности экипировки оказывались неразрывно связаны с мировоззренческими установками, а костюм охотника представлял собой материализованную систему защитных и задабривающих практик.

Из предметов снаряжения, связанных с передвижением, заслуживают внимания лыжи (як. *хайыһар*). Их конструкция включала деревянную основу и меховую подбивку из оленьего или лошадиного камуса, наклеенную на скользящую поверхность (См. Рис. 1.47-1.50). Благодаря направлению ворса камус препятствовал скольжению назад и в стороны, что облегчало подъёмы и ходьбу по рыхлому снегу. На тыльной стороне лыжи имелась грузовая площадка для ноги, ограждённая ременной или деревянной окантовкой.

Анализ сохранившихся образцов пороховниц и натрусок показывает принцип функционального комбинирования материалов: деревянные, костяные и кожаные детали соединялись так, чтобы обеспечить герметичность хранения пороха и быстрый доступ к заряду в полевых условиях (См. Рис. 1.25-1.27).

Характерной чертой традиционного якутского охотничьего инструментария является полифункциональность, особенно наглядно проявляющаяся в конструкции ножа. Клинок имел асимметричную, как правило правостороннюю заточку, что облегчало разделку туш и снятие шкуры. Рукоять из берёзовой капы или рога — яйцевидной формы, обеспечивающей надёжный хват в условиях холода и влажности. Нож использовали и для разделки добычи, и для обработки дерева. Отсутствие

упора-перекрестия объясняется необходимостью частой смены хвата в работе. Орнаментальные композиции на утилитарных предметах выполняли три функции: эстетическую, маркирующую и ритуально-защитную.

Применявшиеся техники обработки материалов демонстрируют устойчивое сохранение древних технологических традиций как минимум до середины XX века, когда началось массовое вытеснение традиционных орудий фабричными аналогами. Однако даже в условиях модернизации отдельные элементы традиционной экипировки продолжали использоваться параллельно с покупным снаряжением, что свидетельствует об их высокой адаптивной ценности.

Переходя к традиционной медицине якутов, необходимо отметить, что, как и у многих других коренных народов Сибири, она основывалась на синтезе эмпирических знаний и анимистических представлений о природе болезней [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 44]. В терапевтической практике широко использовались производные охотничьего промысла – мясо, жир, шкуры, внутренние органы и кости животных, которым приписывались целебные свойства.

В якутской народной медицине патологии органов зрения лечились комплексно, с применением как локальных аппликаций, так и ритуальных действий. Среди наиболее распространенных методов выделялись термическое воздействие, включавшее выбривание теменной области с последующим нанесением горячего масла, что, вероятно, стимулировало кровообращение. Широко применялись аппликации из шкур мелких животных, например, прикладывание беличьей или заячьей шкурки под глаз с целью уменьшения воспаления [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 51]. Особый интерес представляют офтальмологические средства животного происхождения, такие как закапывание раствора из растертых глаз совы, что могло быть связано с символическим переносом остроты зрения хищной птицы. Также использовалась контактная терапия через визуальную фиксацию на глазах медведя или аиста, основанная на принципе имитативной

магии. Еще одним методом было применение мочи белки-летяги, а также прикладывание ее свежеразделанной тушки внутренностями к глазам, что, по представлениям якутов, купировало болевой синдром [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 51]. При острых гнойных воспалениях, включая гонорейные, применялись биоактивные субстанции, такие как инстилляции свежего собачьего мозга или экстрактов из червей, что могло оказывать протеолитическое действие [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 53]. Ритуальные практики также играли значительную роль, например, троекратное обхождение коновязи по солнцу с использованием собачьего черепа в качестве оптического фильтра (взгляд через глазницы в направлении востока и запада), символизировавшее связь с потусторонними силами [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 53].

Согласно якутским верованиям, болезни горла часто вызывались духами-абаасы, требующими жертвенных подношений. Терапия включала такие иммуностимулирующие средства, как прием разведенной медвежьей желчи, обладавшей, предположительно, антисептическими свойствами. Противовоспалительные промочки, например, смазывание горла кабарговой струей (як. *бүүчээн ыата*) – секретом мускусной железы, применялись как наружно, так и перорально. Для лечения кашля использовались различные методы, включая употребление мочи белки-летяги, прием жира из супа тарбагана (сурка), отвар из гнезда кукушки и ее яиц, а также поедание живых лягушек – метод, встречающийся и в других сибирских традициях [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 54].

При заболеваниях желудочно-кишечного тракта употребляли медвежье сало, богатое ненасыщенными жирными кислотами, что могло способствовать регенерации слизистых [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 54]. Для лечения зубной боли применялся клюв дятла или медвежий зуб, которыми надавливали на пораженный участок – метод, сочетающий механическое воздействие и симпатическую магию [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 54].

Для лечения повреждений мягких тканей использовались ранозаживляющие компрессы, такие как сырая заячья шкура, возможно, оказывавшая гемостатический эффект, медвежий жир как антисептик и смягчающее средство, внутренности белки-летяги, прикладываемые к ране, а также порошок из высушенных языков лисы, оленя или волка, также пепел рысей шерсти, смешанный с маслом, применялся в качестве аналога присыпки [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 56].

При лихорадках и опухолях использовалась жаропонижающая диетотерапия, включавшая употребление супов из филина, водяной крысы и болотных лягушек, что могло восполнять дефицит питательных веществ при истощении [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 56]. Противовоспалительные обертывания, такие как компрессы с кабарговой струей или медвежьей желчью, также были распространены [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 56].

Туберкулез в традиционной якутской среде считался одним из самых опасных заболеваний. Лечили его комплексно, и использовавшиеся средства можно разделить на несколько групп. К иммуномодулирующим относили оленье сало, яйца сокола и кукушки, отвар из птичьего гнезда. Органотерапия была представлена употреблением легких и сердца дятла — здесь, вероятно, срабатывал принцип подобия. Из биоактивных компонентов применяли медвежье мясо, медвежью печень, медвежью желчь, а также тарбаганий жир. Отдельно стоят анималистические методы: например, проглатывание живых лягушек — такая практика известна и в других этномедицинских системах [СПб(ф) АРАН, Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 58].

Методы охоты у якутов классифицировались разветвленно и их делили на контактные и бесконтактные, а внутри каждой группы выделяли подтипы — в зависимости от способа воздействия на зверя, конструкции орудия и условий промысла. Орудия подбирались под конкретный вид: учитывались размеры животного, его поведение, среда обитания. Любопытно проследить эволюцию охотничьих технологий: архаичные метательные орудия

постепенно вытеснялись сложными самоловами — кулёмами, черканами, пастями. В конструкции ловушек рационально использовались местные материалы и физические принципы: сила тяжести, упругость согнутого дерева, сжатая пружина. Экономическая эффективность таких технологий определялась их ресурсной автономностью — всё необходимое для изготовления и ремонта добывалось прямо на месте промысла.

Не менее важен социальный аспект, в котором коллективная охота строилась на принципах родового равенства, с разветвленной системой распределения добычи. Особый статус имели охотничьи собаки: их роль была столь велика, что они получали долю, равную человеческой. Собаки передавались между родами и даже соседними этническими группами, существовали специализированные методы их дрессировки — всё это подчёркивает значение четвероногих помощников в системе жизнедеятельности.

Историческая динамика охотничьего промысла показывает, как традиция взаимодействовала с новшествами. Огнестрельное оружие начало проникать в охотничий быт ещё в XIX веке, но процесс шёл неравномерно. Долгое время новое оружие сосуществовало с традиционным — в этом сплаве сошлись экономические, технологические и культурные факторы. Металлические орудия и ружья медленно, но неуклонно меняли привычные практики, однако в отдалённых районах многие архаичные методы сохранялись вплоть до середины XX века.

Если смотреть на охотничьи традиции Якутии как на целостную систему, они представляют собой высокоэффективный адаптивный механизм, сложившийся в экстремальных природных условиях. Рациональные технологические решения здесь сочетались с глубоким знанием экологии промысловых видов — и одновременно с мифопоэтическим восприятием мира. Сохранение архаичных элементов в охотничьем инвентаре объясняется не культурным консерватизмом, а практической эффективностью стратегий, проверенных многовековым опытом. Эти стратегии в конечном счёте и

обеспечивали устойчивое существование коренного населения Якутии в суровой северной природе.

1.3. Ритуально-мифологические аспекты и социо-нормативное регулирование охотничьей деятельности.

В традиционном мировоззрении народов Якутии природа понималась как основа всей жизни, и это прямо отражалось в системе норм, регулировавших отношение человека к окружающей среде. Так складывалась стройная социальная система, ключевым элементом которой был сложный порядок прав на охотничьи угодья основанный на сочетании родового и общинного землепользования. Границы угодий строго определялись обычным правом и передавались по наследству внутри патрилинейной родственной группы. Благодаря этому институту охотники оказывались заинтересованы в сохранении и восстановлении промысловых ресурсов на территории своего рода.

Параллельно действовал механизм общинного пользования угодьями, когда право промысла распространялось на всех членов наслега. Режим использования территорий устанавливался на собраниях старейшин. Нарушение территориальных норм считалось тяжким преступлением против социального порядка и влекло за собой наказания: от публичного осуждения и имущественных штрафов до изгнания из общины с потерей прав на традиционные угодья. Весь этот нормативный комплекс не только обеспечивал устойчивое ведение охотничьего хозяйства, но и выполнял социально-интегрирующую функцию — поддерживал баланс интересов между отдельными родами и общиной в целом.

Организационные формы охоты у якутов отражали приспособление к повадкам добываемых зверей и к конкретным природным условиям. Сложилась развернутая типология коллективных и индивидуальных практик. Индивидуальная охота была наименее сложной в организационном

отношении формой; она преобладала при добыче мелкого пушного зверя и боровой дичи. Причина — и в небольших размерах добычи, и в рассредоточенном характере популяций этих животных.

Напротив, охота на крупных копытных и особенно на опасного хищника требовала артельных методов с четким разделением функций между участниками. Групповая охота предполагала не просто совместные действия, а сложную систему ролей: загонщики, стрелки, координаторы (См. Рис. 1.28). Их усилия синхронизировались по отработанным тактическим схемам. Эффективность таких коллективных предприятий держалась не только на специализации, но и на жесткой дисциплине — её нарушение могло обернуться серьезными последствиями для всех участников. Словом, степень кооперации напрямую зависела от размера, поведения и потенциальной опасности объекта охоты.

Центральным социальным принципом, обеспечивавшим выживание коллектива в экстремальных условиях Севера, служила система уравнительного распределения охотничьей добычи. Этот механизм предполагал обязательный раздел промысловых ресурсов, особенно крупных трофеев. Доли получали не только непосредственные участники охоты, но и их семьи, а также социально уязвимые члены общины — старики, вдовы, немощные. Данный институт, основанный на глубоко укорененных нормах обычного права, не сводится к простому альтруизму. Это сложная система взаимных обязательств и прагматическая стратегия коллективного выживания. Регулярно перераспределяя пищевые ресурсы, община не только обеспечивала физиологический минимум всем своим членам, но и создавала страховую систему на случай неудачного промысла отдельных охотников.

Такая практика формировала прочные связи взаимозависимости и солидарности. Успех отдельного охотника воспринимался как результат коллективных усилий, а его добыча становилась достоянием всей общины. Уравнительное распределение выполняло, таким образом, не только экономическую, но и важнейшую социально-интегрирующую функцию: оно

поддерживало стабильность традиционного общества и снижало риски выживания в условиях высокой неопределенности промысла.

Важная особенность социо-нормативной организации охоты у якутов — существенное сглаживание гендерных различий в рамках единого промыслового цикла. Непосредственная добыча зверя оставалась преимущественно мужской прерогативой, но женское участие носило стратегически важный и сакрально обусловленный характер. На женщинах лежали материальная обработка трофеев (выделка шкур, разделка мяса, изготовление снаряжения) и активное участие в ритуально-обрядовой практике. Их роль в промысловой магии — особенно в обрядах умилоствления духов-хозяев природы — была элементом, обеспечивавшим охотничью удачу.

Вся эта сложная система социальной организации и хозяйственной практики была пронизана религиозно-мифологическими комплексами. Ритуально-обрядовая практика охотников Якутии представляла собой синтез экологических знаний и мифологических представлений. Культ духов-хозяев природы, в частности охотничьего божества Байаная, воплощался в системе ритуальных действий и особых атрибутов.

Как свидетельствуют материалы С. И. Николаева, обязательным элементом промысловых ритуалов было подношение духам частей добытых животных: резцов оленей, копытец кабарги, фрагментов лосиного нёба, медвежьих когтей. Эти предметы, составлявшие содержимое особых ритуальных сумок, служили посредниками в общении между человеческим и сверхъестественным мирами [Николаев, 2009, С. 15].

Особый интерес представляет описанный И. С. Гурвичем комплекс представлений, связанных с амулетом Эһэкээн (См. Рис. 2.1, 2.2). Этот культовый предмет изготавливался из рогов оленя с редкой аномалией — сросшимися отростками. Он воплощал антропоморфный образ духа-покровителя охоты.

Технология создания включала несколько сложных операций: спиливание и формовку рогового кольца, нанесение стилизованного изображения человеческого лица, обшивку шкурой новорождённого телёнка. Ритуальная практика, связанная с этим артефактом, показывает характерное для традиционных культур соединение практических и магических действий. Процедура «кормления» амулета, окуривание у очага, способы гадания — всё это составляло единый комплекс, направленный на успешность промысла [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 2].

Ритуальная практика не ограничивалась предварительными действиями и распространялась на этап после добычи зверя. Удачную охоту завершали подношением духу-покровителю: ему отдавали зубы добытого животного и коленный жир. Так выстраивался замкнутый цикл символического обмена между человеком и сверхъестественными силами.

Культовые предметы, судя по материалам, имели высокую степень персонализации. Один из описанных амулетов, например, «участвовал» в добыче девяти оленей — и это подчёркивает его статус не просто символического изображения, а сакрального посредника в охотничьей деятельности [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 3].

Особенно ярко сакральный статус женского начала проявлялся в обряде с добытым стерхом. Охотник символически перевоплощался, облачаясь в женскую одежду, а сама птица включалась в социальное пространство общины через метафорическое принятие роли «невестки». В этой ритуальной трансформации просматривается глубинная мифологическая связь: женская репродуктивная сила оказывалась напрямую сопряжена с успешной интеграцией добычи в человеческую среду.

В традиционной охотничьей культуре, таким образом, сложилась непростая система гендерного взаимодействия. Разделение функций не означало иерархического противопоставления; скорее, оно создавало комплементарную систему взаимодополняющих ролей, объединённых общей задачей — устойчивостью промыслового хозяйства.

Во время обряда кормления Эхэкээн просили быть таким же щедрым и в другой раз. Обряд сопровождался специальным заклинанием: *«Дух священного огня, ешь. Дух вселенной, довольствуйся. Богатый Эхэкээн, насыщайся. Сын Эхэкээн, бегунец Энэсин, Дочь Синкээн, Синиликээн Куо, С пышными космами богатый Баянай, Быстроходный лыжник, гибкий, меткий стрелок, Ты, Хойгуо, намазанный кровью, Воздаяния твои Пусть будут удачны, А творения твои Да будут сердобольны-щедры. На подходящих местах к тропам моим Своих стройных, длинноногих пригоны, Своих ветвисторогих сгруды. Сердце бедствующих кишечным жиром их смягчай, Холодным костным мозгом согрей, Согретых сальником совсем развесели. Дай найти их В твоём одиноко стоящем лесу, Пригоны их к опушке леса, К моим тропам. Пригоны их под самострел, Глядя туда, усмехнись, Глядя сюда, улыбнись. Старик Эхэкээн, ешь, наедайся! Насладись будь доволен»* [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 3]. Из выше приведенного текста заклинания видно, что Эхэкээн – это тот же якутский дух-покровитель – Байанай. Северные якуты старались не произносить имя Байанай, считая его священным и запретным. Полное имя духа употребляли лишь в заклинаниях, чаще его называли Эхэкээн [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 4].

Другой идол – Сэмэкэй, является антропоморфным изображением духа-покровителя охоты, изготовленным из извилистого корня тальника (См. Рис. 2.3). Верхняя часть корня стилизована под заостренную голову с продолговатым лицом, в глазницы вставлены черные бусины. Фигура облачена в синюю ткань, имитирующую традиционную шубу (як. *сон*), украшенную полихромным бисером. На шее Сэмэкэй присутствует ожерелье из крупных белых бусин [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 7]. Обращение к Сэмэкэй, как и к Эхэкээн, сопровождалось ритуалами с целью обеспечения успешной охоты. Перед промыслом лицо идола смазывали жиром и размещали у огня. После удачной охоты совершался обряд благодарения: фигуру вновь смазывали жиром, подвязывали фрагменты коленного жира и нижние зубы добытых оленей, а также обвязывали жгутами из конских волос.

В случае неэффективности амулета охотник избавлялся от него, что отражает прагматичный характер взаимодействия с сакральными объектами в традиционной культуре.

Амулет Быйан (См. Рис. 2.4) представляет собой комок белой шерсти, заключенный в подкожную пленку, изредка встречающуюся у оленей. В традиционных верованиях Быйан интерпретировался как дух-хозяин оленя или его душа, от благосклонности которого зависел успех охоты. Считалось, что олень с крупным Быйан на шее обладает особой удачей, поэтому таких особей отбирали для свадебного поезда. Обнаружение Быйан на туше убитого оленя расценивалось как благоприятное предзнаменование. Артефакт хранился в охотничьей сумке вместе с другими сакральными объектами – зубами и фрагментами подколенного жира добытых животных [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 8].

Для предсказания исхода промысла использовались специальные гадательные инструменты (См. Рис. 2.5). «Долур» – оленья лопатка с термическими повреждениями (трещинами от углей), использовавшаяся в практике скапулимантии (лопаточного гадания). Ритуал включал очистку кости от мягких тканей, прогревание у огня и смазывание жиром. Гадающий трижды обводил лопатку вокруг себя, совершал плевательные действия и произносил заклинание, после чего на кость помещали горящие угли. Интерпретация трещин позволяла предсказать судьбу человека или определить перспективные охотничьи угодья. После гадания лопатку помещали на дерево или помост для предотвращения осквернения. В некоторых случаях трещины пересматривали на следующий день, так как они могли удлиняться [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 8]. «Биилкэ» – набор из 41 кости налива или фрагментов копыт священного оленя (як. *ытык таба*), используемый в костном гадании (См. Рис. 2.6). Ритуал включал нашептывание вопроса на одну из костей, троекратное обведение вокруг себя, распределение костей на три группы и их последующую интерпретацию. Раскладка костей имитировала антропоморфную фигуру или

символизировала направления для охоты [НА ИАЭ РАН, Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 10].

Охотничья обрядность также включала ритуалы умилоствления духов, в особенности духа охоты, при котором совершалось возлияние масла в огонь с произнесением речи: *«Господин Байанай с шапкой из головной шкуры! Пусть, выезжая в тёмный лес, никогда не возвращаюсь я с неокровавленными тороками!»*. В случае промысла на пушных зверей добавлялось обращение: *«Создай-ниспошли нам редкоклыкастых (зверей)»* [Худяков, 1969, С. 216]. После возлияния охотник становился на колени, прижимал руки к груди и кланялся огню, после чего отправлялся на промысел, не оглядываясь. В некоторых случаях совершалось подвешивание жертвенных даров – заячьих шкурок, волос из гривы белой лошади и перьев дятла, натянутых на веревку между деревьями. Этот обряд представлял собой подношение духам леса [Худяков, 1969, С. 217].

Шаманские камлания включали обращение к Байаная и его свите, разбрызгивание кумыса с маслом и предсказание успеха охоты. Появление крови на ладонях шамана интерпретировалось как благоприятный знак, а её попадание на охотников сулило удачный промысел. В случае исполнения предсказаний шаман получал различное вознаграждение. Отмечается, что злые шаманы (як. *сиэмэх ойун*) не могли добиться благосклонности Байанай, что подчеркивает значение морального статуса ритуального специалиста в традиционной культуре. Шаман выступал в роли медиатора, обращаясь к духам с использованием охотничьих прозвищ, однако дух мог отказать в помощи, заявляя: *«Не знаю я этого человека!»*. Это отражает сложную систему взаимоотношений между людьми и сверхъестественными существами в рамках анимистических верований [Худяков, 1969, С. 218].

Особое место в системе охотничьих представлений занимал медвежий промысел, сопровождавшийся комплексом сакральных практик, направленных на установление ритуального взаимодействия с духом-хозяином вод *Өтүгэт иччитэ*. Хотя этому духу не приносили жертвенных

подношений, шаман во время камлания обращался к нему с просьбой о сохранении жизни охотников при встрече с медведем. Медведь выступал не только как ценный трофей, но и как мифологический родственник человека, наделенный сверхъестественной способностью распознавать человеческие мысли и намерения. Это обуславливало строгие табу на негативные высказывания о звере даже в случаях нападения на людей или скот. В охотничьей коммуникации использовался специальный эвфемистический язык: так, обнаружение берлоги обозначалось фразой «наступить на щель» (як. *хайа5аһы уктээтим*), а сообщение о смерти медведя – словами «остановился», «уснул» (як. *тохтообут, утуйбут*) [Николаев, 2009, С. 182].

Ритуал пробуждения медведя перед охотой основывался на представлении о симпатической связи между охотником и зверем: убийство спящего медведя могло повлечь аналогичную судьбу для самого охотника. После пробуждения зверя следовало произнести умиловительные формулы: «Не сердись на нас, дедушка...» или «Очнись, дедушка, к тебе приближается черная ворона!». Существовало поверье, что разбуженный медведь атакует наиболее опытного охотника, минуя новичков, что требовало от бывалого промысловика произнесения особого заклинания, подчеркивающего взаимное уважение и отсутствие скрытых угроз [Николаев, 2009, С. 184]. После успешной добычи медведя проводился обряд инициационного характера: самый молодой участник охоты, обвязавшись страховочной веревкой, проникал в берлогу для очистки её от всех следов пребывания зверя (шерсти, подстилки и т.д.), что, по представлениям, обеспечивало возможность будущего заселения берлоги другим медведем. При встрече с медведем вне берлоги применялось комбинированное оружие – сначала огнестрельное, затем, в случае необходимости, пальма или копье, которое устанавливали древком в землю, используя как оборонительное средство (См. Рис. 1.5, 1.6). Успешное завершение охоты сопровождалось ритуальным возгласом «Уруй!» [Николаев, 2009, С. 180].

Важнейшим элементом постпромысловой обрядности было ритуальное поедание сердца и крови медведя. При этом произносились особые формулы, направленные на то, чтобы перенять качества зверя. Особое значение придавалось первому участию в промысле. Новичок был обязан выпить три ложки крови и при этом подражать вороньему крику.

Завершающие ритуалы включали жертвоприношение жира в огонь с обращениями к духам-покровителям охоты. Особо обращались и с тушей: брюшину помещали на специально сооружённый лабаз, голову украшали тальниковыми «серьгами» и вывешивали на дерево — по аналогии с древним способом погребения. Все эти действия сопровождались умиловительными речениями, призванными успокоить духа убитого зверя.

Успешная добыча медведя в традиционной культуре якутов была значимым событием и сопровождалась комплексом ритуальных практик с коллективным праздником. Мероприятие носило ярко выраженный социальный характер и предполагало обязательное участие всех представителей локального сообщества — соседей, родственников, знакомых.

Перед праздником совершали жертвоприношение — одновременно духу-хозяину тайги и покровителю охоты Баай Барылах Баай Байанаю, а также самому медведю. Антропоморфное изображение Байанай изготавливали на месте, примитивной топорной техникой: стилизованно обозначали лишь глазницы и ротовую щель. Полученный артефакт отличался грубой обработкой и миниатюрными размерами; его устанавливали в снежный сугроб перед жилищем. В ходе обряда идола символически «кормили»: половину лицевой части пропитывали свежей медвежьей кровью, ротовую полость натирали салом — и всё это сопровождалось вербальной формулой с просьбой о дальнейшем покровительстве.

Центральным элементом праздничного комплекса был ритуальный пир, организованный по строго регламентированным нормам. Пищу готовили из наиболее ценных внутренностей добытого зверя, варя их вместе с салом. Трапеза проходила на специально подготовленном месте — земляном

покрытии с зелёным сеном или на подстилке из лиственничных и берёзовых веток. Мужская часть сообщества располагалась кругом вокруг общей ритуальной посуды, что подчёркивало идею коллективного потребления добычи. Последующее распределение мяса среди участников праздника отражало представления о необходимости перераспределять охотничью удачу и умиловать духа-покровителя.

Особое внимание уделялось постпромысловой обработке останков животного. Кости тщательно собирали и помещали на специальные сооружения — трёхногие срубы (як. *кэрэх мас*). Череп охотник сохранял как сакральный трофей и держал вблизи жилища. Эта практика обнаруживает элементы культа медведя, характерные для многих народов Сибири.

Описанные этнографические материалы позволяют реконструировать комплекс мифологических представлений, связанных с медвежьим промыслом. В традиционном сознании охота на медведя осмыслялась как противостояние с равным по силе противником, что нашло отражение в фольклорных нарративах. Из устных преданий выделяются несколько ключевых аспектов: восприятие медвежьей охоты как исключительно опасного предприятия; изменение пищевых табу в отношении медвежатины; институционализируемая практика родовой мести по отношению к зверю; а также обычай умерщвлять сородичей, потерпевших поражение в схватке с медведем.

Промысел других животных тоже сопровождался особыми ритуальными комплексами. Добыча дикого оленя (як. *кыыл таба*) и лося (як. *тайах*) обставлялась обрядами, существенно отличавшимися от медвежьих. В отличие от культа медведя, эти животные не удостоивались специальных погребальных церемоний, но их добыча также маркировалась сакральными действиями [Ионов, 1916, с. 20]. Важным элементом обряда было ритуальное окропление участников охоты кровью животного — считалось, что это обеспечивает продолжение удачного промысла на несколько лет. Существовали строгие табу на сжигание костей и мяса лося в огне: нарушение,

по поверьям, могло привести к девятилетнему исчезновению зверей из охотничьих угодий [Николаев, 1996, с. 17].

Орудия промысла — ружья, луки-самострелы — считались подверженными метафизической порче в результате нарушения ряда запретов: сжигания перьев или шерсти убитого животного, контакта беременной женщины с этими материалами, прикосновения к огнестрельной ране, избыточной похвалы собственному оружию. Для восстановления функциональности орудия применялись разные ритуальные практики: передача его другому охотнику для пробного выстрела, очищение водой и окуривание ладаном, а также размещение под порогом с целью случайного перешагивания женщиной — это символически снимало осквернение [Худяков, 1969, с. 226]. В таких действиях хорошо видно, как религиозные представления поддерживали психологическую уверенность охотника в успешности промысла.

Шаманы играли значительную роль в охотничьей магии, участвуя в обрядах освящения орудий. В ходе камлания шаман достигал мифологического седьмого седалища (як. *олох*), где взаимодействовал с духом-покровителем, именуемым Девицей Рыжекобылых. Этот дух совершал обряд оживления стрел, покрывая их кровью рыжей кобылы и налагая заклятия. После возвращения шамана стрелы наделялись особыми свойствами: они должны были быть смертоносными, поражать цель без промаха и возвращаться к хозяину, не касаясь земли. Перед использованием таких стрел охотник трижды обводил ими вокруг головы, сопровождая действие вербальной формулой, призывавшей оружие к точному попаданию и возвращению. Считалось, что подобные стрелы приносили дополнительную добычу в виде мелких животных [Худяков, 1969, С. 227].

Повседневные охотничьи практики также были окружены множеством предписаний и верований. В отношении добычи зайцев существовали строгие предписания: их мясо должно было употребляться с использованием ножа, но не разрываться зубами, иначе будущие зайцы могли перегрызть петли. На

территории Бытантая запрещалось перерезать шею зайцу, попавшему в петлю, чтобы не навлечь обрыв ловушек. В случае длительного отсутствия добычи совершались обряды символического наказания зайца: его помещали в горячую золу чтобы опалить шерсть или ударяли горящим поленом с ритуальными вопросами, на которые один из присутствующих отвечал от лица зайца, обещая больше не избегать ловушек [Худяков, 1969, С. 227]. Аналогичные табу распространялись на других животных: утку, пойманную петлёй, готовили, предварительно отрезав носок, чтобы не лишиться удачи в промысле. Пух куропаток избегали бросать в огонь из-за риска испортить охоту. Запрещалось употреблять в пищу пузырь белки, так как это могло привести к исчезновению зверя, а также выражать отвращение при разделке добычи, что считалось грехом [Худяков, 1969, С. 227]. Этикет охотника предписывал обязательное употребление мяса добытого зверя либо собственной пищи до насыщения, чтобы не вызвать гнев духа охоты Байанай. По возвращении с промысла требовалось накормить собаку, иначе это расценивалось как нарушение ритуальных норм [Худяков, 1969, С. 228]. Сновидения также интерпретировались в контексте охотничьей удачи: видение ламутов с оленями считалось благоприятным знаком, поскольку ламуты воспринимались как искусные промысловики. Получение табака во сне ассоциировалось с успешным промыслом, что, вероятно, было связано с исторической практикой товарообмена добычи на табак. Данные верования отражали синтез анимистических представлений и практического опыта, формировавших комплекс охотничьих традиций [Худяков, 1969, С. 228].

В традиционной охотничьей практике якутов существовал комплекс ритуальных действий, связанных с добычей копытных и пушных зверей, отражающий синкретизм анимистических верований и промысловой магии. После успешной охоты на оленя или лисицу охотники, возвращаясь домой, произносили ритуальную формулу: *«Пришли мы вместе с Байанай, поделился дух тёмного леса в одежде с пёстрыми крапинками!»*, что свидетельствует о персонификации духа-покровителя охоты Байанай и наделении его

антропоморфными чертами [Худяков, 1969, С. 228]. У добытых животных изымали определенные части тела (передние зубы у оленей, носы у лисиц), затем их помещали в специальную сумочку (як. *таба*) в тороках седла. Эти амулеты обязательно брались на последующие охоты как материальные носители удачи, обеспечивающие «приближение» Байанай. Подобная практика демонстрирует характерный для традиционных обществ принцип партиципации, когда часть объекта символически замещает целое и сохраняет связь с ним [Худяков, 1969, С. 229]. Соблюдались строгие табу в отношении останков добытых животных: кости оленя запрещалось разбрасывать, чтобы не спровоцировать способность живых оленей перепрыгивать загороди. В отношении лисиц существовал комплекс пищевых запретов: их мясо не употреблялось в пищу, но требовало особых способов хранения (в подполье или на деревьях) с последующей ритуальной утилизацией весной. Нарушение этих норм, особенно сожжение мяса во время палов, согласно верованиям, влекло за собой длительное (до семи лет) исчезновение пушного зверя, что не могли исправить даже шаманские камлания [Худяков, 1969, С. 229].

Ритуал присвоения добычи регламентировался строгими правилами: лисицу, попавшую в самострел, мог взять только установивший лук охотник. Посторонний, вынужденный взять добычу, должен был произнести формулу идентификации: *«Пришёл к тебе я, подлинный хозяин лука. Поднял я промысел, упромышленный мною самим»*. Момские якуты практиковали ритуальное уничтожение следов лисицы – срубали дерево или засыпали снегом место поимки, чтобы предотвратить «уход» будущей добычи [Худяков, 1969, С. 229]. Церемония внесения лисицы в жилище сопровождалась сложным обрядом: обносом вокруг печи, надеванием шапки, подношением к груди. В этот момент соблюдалась абсолютная тишина, запрещалось зажигать огонь из-за предполагаемой «боязни» лисицы пламени. Ритуальное помазание ноздрей и губ животного маслом со словами: *«Вот сколько у нас масла и жиру...»* отражало практику жертвенного кормления и содержало элементы договора с духами [Худяков, 1969, С. 229]. Особый обряд

совершался после длительного неудачного промысла: охотник вскрывал череп лисицы и перемешивал мозг со словами: «*А изловил я тебя, не попадавшуюся мне девять лет...*», что представляло собой магический акт «расколдовывания» и символического разрушения причин прежних неудач. Заключительное восклицание «Уруй, уруй!» (букв. «благоденствие») завершало обряд и знаменовало восстановление охотничьей удачи [Худяков, 1969, С. 229].

В традиционной охотничьей культуре якутов существовал комплекс ритуальных практик, связанных с промыслом кабарги. Он демонстрирует характерное для архаических обществ сочетание утилитарных и сакральных элементов. При установке самострела охотники совершали символические действия охранительного характера. Они показывали кукиш и произносили вербальную формулу: «*Если ты не попадешься в самострел, так ты вот всё равно, что кукиш!*». Это был типичный пример имитативной магии, направленной на обеспечение успеха промысла. Дополнительные вербальные формулы указывали конкретное расстояние падения животного: «*Упади, пройдя столько-то шагов!*». В них отражались представления о возможности словесного программирования событий [Худяков, 1969, С. 230].

Ритуальные действия при натягивании лука сопровождалось вербальными формулами, обращёнными к физиологии животного. В них проглядывает не только глубокое знание анатомии добычи, но и попытка магически воздействовать на её уязвимые места. Другой обязательный элемент — вырывание трёх веток лиственницы и бросание их с соответствующими заклинаниями. Это типичный пример обрядового маркирования пространства и установления символических границ [Худяков, 1969, С. 230].

После добычи кабарги обрядовая практика включала действия, направленные на символическое преувеличение размеров и значимости трофея. Тушу переворачивали тонкими ветками и намеренно их ломали, задавали риторические вопросы о «свалившейся стоячей горе» или

«оборвавшемся подвижном мысе». Всё это — элементы игрового поведения, хорошо известного по охотничьим ритуалам многих народов [Худяков, 1969, С. 230].

Коллективному участию в церемонии придавалось особое значение. Число участников чаще всего составляло семь или девять — цифры, сакрально значимые в традиционной нумерологии. Участники имитировали поднятие чрезмерной тяжести и выкрикивали «Хук-кай!». Так проявлялись принципы ритуальной солидарности и символического переосмысления действительности [Худяков, 1969, С. 230].

Перевозка добычи сопровождалась вербальными формулами, преувеличивающими размеры животного. Это было характерным приёмом охотничьего фольклора. Ритуал внесения туши в жилище включал элементы театрализованного действия. Охотники демонстративно сомневались, что туша пройдёт через дверь. Они символически обтёсывали косяки. Намеренно использовались непрочные подвесные конструкции, чтобы туша падала три раза. Все эти действия представляли собой сложный синтез магических практик и элементов охотничьего этоса [Худяков, 1969, С. 231].

Процесс разделки мяса также ритуализировался. Котёл намеренно выбирался слишком маленького размера. Следовали демонстративные отказы, которые завершались лишь на третьей попытке. Эта трёхчастная структура обряда соответствует универсальному мифоритуальному паттерну. Устойчивое выражение «Дааданна диэри баппат» — «не умещается, точно кабарга» — вошло в якутский язык. Оно свидетельствует о глубокой укоренённости этих представлений в традиционном сознании [Худяков, 1969, С. 231].

Исходя из проработанного материала следует, что охотничья деятельность требовала максимальной самоотдачи. Профессиональная деятельность охотой требовало не только изначальную материальное вливание средств, но и требовало постоянное соучастие. Кроме того, о широком распространении повседневной охоты говорит нам наличие

множества простых в изготовлении приспособлений для стационарной охоты, которую может вести человек без отрыва от основного хозяйства.

Традиционное мировоззрение народов Якутии сформировало целостную систему взаимодействия человека с природой. Она основана на синтезе экологических знаний и мифологических представлений. Природа воспринималась как фундаментальная основа жизнедеятельности. Её освоение регулировалось нормами обычного права. Нарушение этих норм влекло санкции — от общественного порицания до изгнания.

Особую значимость эти механизмы имели для народов Севера. Их выживание в экстремальных условиях зависело от строгого соблюдения экологического баланса. Ритуалы, сопровождающие промысел различных животных, показывают, как рациональное экологическое знание облекалось в форму магических практик, табу и сложных церемоний. Всё это было направлено на поддержание баланса и обеспечение удачи.

В якутской охотничьей традиции землепользование строилось на двух параллельных началах — родовом и общинном. Род закреплял угодыя по наследству, община через собрания старейшин регулировала текущий доступ к ним. Двойственность не вносила хаоса в промысел, а позволяла сочетать индивидуальную охоту на пушного зверя с коллективными загонами на крупных копытных. В последних участники четко распределялись: загонщики, стрелки, координаторы.

Уравнительное распределение добычи обычно трактуют как проявление общинного альтруизма. У якутов оно имело более прозаическую основу — жесткую норму, обеспечивавшую выживание. Добыча делилась между всеми членами общины: семьями самих охотников, а также стариками, вдовами, сиротами. По сути, это страховая система: временное содержание чужих иждивенцев гарантировало, что в случае личной неудачи коллектив тоже не оставит без помощи. Такой порядок работал одновременно как экономический и социальный механизм — их трудно разделить.

Непосредственный промысел зверя оставался исключительно мужским занятием. Женское участие в охотничьем цикле было стратегически важным: женщины выделывали шкуры, разделывали туши, шили одежду, изготавливали часть снаряжения. На них же лежала основная роль в охотничьей магии — обрядах умилоствления духов-хозяев природы и обращении с ритуальными предметами. Жесткой иерархии в этой системе не существовало: мужские и женские функции дополняли друг друга. Правда, это не тождественно современному понятию гендерного равенства.

Таким образом, якутская охотничья культура представляет собой не разрозненные обычаи, а целостную систему. Её устойчивость держалась на трёх взаимосвязанных элементах: рациональных экологических знаниях, мифологическом мировосприятии и социальных институтах, регулировавших доступ к ресурсам и распределение добычи. Все эти элементы работали на одну цель — выживание коллектива в экстремальных природно-климатических условиях Севера.

Рациональное природопользование, основанное на дуализме родового и общинного землепользования, эффективные организационные формы промысла, уравнивательные механизмы распределения добычи и комплементарная система гендерного взаимодействия — всё это создавало сбалансированную модель жизнедеятельности. Она обеспечивала выживание коллектива в экстремальных условиях Севера.

Сакрализация охотничьей деятельности через сложные ритуальные практики и культ духов-покровителей не только отражала анимистическое восприятие природы. Она также выполняла важнейшую психологическую и социально-интегрирующую функцию. Это помогало поддерживать экологический баланс и укреплять коллективную идентичность.

Изучение этой целостной системы представляет значительный интерес не только для этнографической науки. Оно важно и для разработки современных моделей устойчивого развития, основанных на гармоничном взаимодействии человека с природной средой.

ГЛАВА II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ЯКУТИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

2.1. Институциональные основы трансформации охотничьего промысла

Важнейшим этапом в трансформации традиционного природопользования стало административно-территориальное переустройство региона в XVIII–XIX вв., окончательно закрепившее деление территории на округа, улусы и наслеги. Эта реформа сопровождалась эволюцией системы земельного распределения: если в XVII – первой трети XIX в. угодья в якутских улусах наделялись по соболино-лисьим окладам, то с 1830–1840-х годов стал применяться другой принцип распределения земель. Юридически выступая верховным собственником земли, государство на протяжении всего периода с XVII по начало XX в. активно наделяло русских крестьян, казаков, посадских людей и мещан участками, пригодными для хлебопашества, по берегам основных речных артерий – Лены, Олекмы, Вилюя, Майи, Амги, Оленька, Яны, Индигирки и Анадыря [Сафронов, 1980, С. 50-55].

Данный процесс постепенной приватизации угодий получил дальнейшее развитие в начале XIX в., когда нижнеколымским крестьянам удалось добиться официального закрепления за ними определенных участков тундры для монопольного пользования. Со временем эти угодья стали восприниматься поселенцами как наследственная собственность, что знаменовало психологический переход от права пользования к чувству собственности, создавая основу для будущих земельных конфликтов [Сафронов, 1961, С. 149].

Формально-правовой основой для сохранения традиционного природопользования коренных народов выступала статья 35 «Устав об управлении инородцев», гарантировавшая аборигенным общинам «полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду предназначенных». Однако, как

свидетельствуют ответы тойонов на запрос администрации относительно Устава 1822 г., в разделе «О формах землепользования» констатировалось, что «промысловые угодья в эту эпоху оставались в свободном общем пользовании, принадлежали наслегу». Это законодательное положение, формально защищавшее коллективные права коренного населения, на практике создавало правовой дуализм: пока государство признавало общинное владение, параллельно шел процесс индивидуального закрепления промысловых территорий. Этот дуализм проявлялся в сложной, многоуровневой структуре землепользования: территория наслега состояла из родовых участков, сегментированных на индивидуальные наделы домохозяйств. Данная система, с одной стороны, сохраняла общинные принципы, а с другой – содержала элементы будущего частного распределения [Токарев, 1940, С. 139].

Сформировавшаяся система землепользования подкреплялась строгими нормами обычного права, регламентировавшими эксплуатацию угодий. Никому не дозволялось осуществлять сенокос на чужих покосах, либо устанавливать орудия лова на промысловых участках, закрепленных за другими хозяйствами, хотя существовала важная тенденция – якуты сохраняли традиционную практику, разрешавшую ловлю зверя «по следу» даже на чужих территориях. Аналогичная система территориального разграничения наблюдалась и у эвенков, которые делили между собой лесные массивы на условные участки и строго воспрещали добычу зверя на чужой территории. Этот архаичный порядок, как свидетельствуют источники, сохранялся вплоть до начала XX в. [НА РС(Я), Ф. И15, Оп. 1, Д. 33, Л. 12, 13.].

Важным источником, фиксирующим сложившуюся систему территориального размежевания, выступает документ «Степные законы и обычая якутов», разработанный Иркутским комитетом по подготовке проекта «Свода степных законов инородцев Восточной Сибири» и подписанный князьями И. Мигалкиным, С. Кириллиным и Н. Рыкуновым.

В данном документе констатируется, что дальние охотничьи угодья якутов и эвенков были разделены между отдельными наслегами и улусами [Мартынов, 1955, С. 56, 62–64]. Их присвоение происходило либо по праву первого захвата, либо определялось традиционными маршрутами кочевий эвенков, эвенов и юкагиров [Майнов, 1927, С. 395–396]. В рамках этой системы особое значение имело точное определение промысловых территорий, что неизбежно порождало конфликты. Характерным примером является спор между эвенками Бытальского и I Эжанского родов, в ходе которого быталец Ф. Архипов оспорил новый раздел угодий, апеллируя к историческому праву, полученному два десятилетия назад от главы ведомства. Архипов жаловался, что выделенный взамен надел в Охотском крае был скуден, что ставило его семью на грань выживания и лишало возможности уплаты ясака. Якутский губернатор, приняв во внимание финансовое положение семьи, отменил распоряжение старосты в 1906 г. Данный прецедент показывает, как экономические факторы начинали играть не менее важную роль, чем традиционные права [НА РС(Я), Ф. И15, Оп. 11, Д. 215, Л. 6–9]. Анализ этого дела позволяет реконструировать сложную пространственную организацию промысловой деятельности коренных народов: выделенная охотничья полоса традиционно делилась на две функциональные зоны, первая из которых эксплуатировалась в ходе сезонного кочевья, тогда как вторая сохранялась для промысла на обратном пути.

Показателен случай разделения родовой охотничьей полосы. Для «бродячих» групп такое явление нетипично: обычно кочевые маршруты и промысловые участки исторически закреплялись за отдельными семьями. Конфигурация промысловых территорий определялась прежде всего сезонной миграцией пушных зверей. Эти экологически обусловленные пути принципиально не совпадали с административными границами — ни наслегов, ни улусов, ни округов, ни областей. В разбираемом случае представители двух родов вели промысел в Охотском крае. Известны и другие примеры, когда якутские охотничьи маршруты доходили до Амурской

области. С конца XVII в. усиление ясачной политики и развитие торговли привели к истощению соболиных популяций в традиционно освоенных угодьях. Как следствие, якутские звероловы всё чаще проникали на охотничьи территории эвенков. Окончательно эти процессы были легитимированы в 1820 г.: за якутами закрепили права на «тунгусские» промысловые земли, а в 1831 г. им законодательно разрешили отлучаться на соболиный промысел на расстояние более 500 вёрст — то есть пересекать традиционные границы этнических территорий [Дьяконов, 1990, с. 82].

На протяжении XVIII–XIX вв. наблюдалась значительная пространственная мобильность: якутские артели промышляли в Даурии и по Зее, а эвенкийские рода продолжали кочевья в Амурский регион. Официальным подтверждением этих трансграничных миграций служит документ 1895 г. «Ведомости управ, наслегов, родов якутов и тунгусов, кочующих в Амурской области», составленный Якутским областным управлением. В нем зафиксировано откочевавшими 12 «тунгусских бродячих» родов и 27 «кочевых» наслегов Якутского округа, причем отмечается, что подобная практика имела исторические прецеденты [ГАИО, Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991, Л. 12-14].

Параллельно происходила трансформация хозяйственного уклада. Часть «бродячих» эвенков, а также кангаласские рода начали приобретать скот, осваивая скотоводство и земледелие, возводя постоянные жилища и функционально зонировав территорию. Однако переходя к оседлости, они сохраняли традиционный промысел, формируя дуальную систему землепользования с разделением угодий на ближние и дальние, аналогичную якутской.

Напряженность в вопросах землепользования особенно остро проявлялась в зонах смешанного расселения, где традиционные маршруты кочевий «бродячих» охотников пересекались с угодьями якутского населения, а с XVII в. — и с промысловыми территориями русских переселенцев. Систематические нарушения условных границ провоцировали затяжные

конфликты, находившие отражение в официальных жалобах и судебных разбирательствах. Исторические источники фиксируют целый ряд таких территориальных споров: например, между жиганскими эвенками и якутами в 1800 г.; между мещанами и якутами на Индигирке в 1910 г. Все это свидетельствует об усилении конкуренции за ресурсы и ухудшении традиционных систем регулирования [Иохельсон, 1989, С. 26; Константинов, 1921, С. 21].

Параллельно с трансформацией охотничьего землепользования аналогичные процессы затрагивали и рыболовные угодья, которые постепенно вовлекались в арендные отношения. Источники свидетельствуют, что уже в 1862 г. песчаные отмели Жиганского улуса Верхоянского округа сдавались приезжим промысловикам [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 1, Д. 1951, Л. 7-8.], а впоследствии рыболовные участки в низовьях Лены перешли к богатым предпринимателям [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 1, Д. 6350, Л. 22-27]. Знаковым стало изменение статуса участка Куротах на Вилюе, ранее считавшегося «общественным», который также был передан в аренду.

Эта практика распространилась и на охотничьи угодья, хотя и в меньших масштабах. Еще в 1835 г. жиганские эвенки Олекминского округа сдали в аренду 12 речек по левому берегу Витима русским промысловикам из Витимской волости [Патканов, 1906, С. 21]. В 1880-е гг. II Шелогонский эвенкийский род (нюрмаганцы из семи Кангаласских родов) регулярно платил за аренду угодий якутам III Кангаласского улуса. Однако, в отличие от рыболовных участков, аренда охотничьих территорий не приобрела массового характера, оставаясь, по-видимому, единичными случаями, что может объясняться как сохранением традиционных представлений о природопользовании, так и меньшей коммерческой привлекательностью таких угодий в отличии от рыболовного промысла.

Формирование системы землепользования в Якутии было сложным и противоречивым процессом. Государство сохраняло за собой верховную собственность на земли и леса. Одновременно происходило фактическое

закрепление промысловых угодий за отдельными хозяйствующими субъектами. В XIX в. завершилось административно-территориальное деление области, вследствие чего появились округа, улусы, наслеги и роды, а также крестьянские волости и общества, что институционализировало распределение охотничьих и промысловых участков между членами родов и крестьянами.

Так возникли де-факто частнособственнические отношения на охотничьи угодья. в рамках которых сооружение постоянных избушек и установка стационарных орудий промысла становились материальным воплощением прав владения. Имперская административная политика, формально сохраняя верховную собственность государства, одновременно создавала условия для формирования элементов частного землевладения, вследствие чего традиционные системы природопользования трансформировались в направлении большей индивидуализации и коммерциализации охотничьего промысла.

У якутов сложилась дуальная система землепользования, основанная на разделении угодий на ближние и дальние, что отражало глубокую адаптацию хозяйственных практик к экологическим и социальным реалиям региона. Ближние угодья, расположенные в непосредственной близости от жилищ, использовались для повседневного промысла, тогда как дальние территории, простиравшиеся вплоть до межрегиональных границ, осваивались артельными методами. Такая практика неизбежно приводила к пересечению промысловых маршрутов якутов с традиционными кочевьями эвенков, эвенов и юкагиров, создавая сложную мозаику пересекающихся прав на природные ресурсы.

Значительная часть охотничьих наделов сосредоточилась у социально-экономической элиты — тойонов и торговцев, располагавших материальными ресурсами для освоения и защиты угодий. Изначально право на угодья закреплялось через трудозатраты: ставили избушки, устанавливали промысловые орудия. Со временем это переросло в систему наследственных

прав с отчетливыми признаками частной собственности; арендные отношения оставались сравнительно редкими. Эволюция земельных отношений показывает, как традиционные практики природопользования постепенно насыщались элементами частнособственнических — возникал синтез архаичных и новых форм хозяйственного освоения территории [Захаров, 1995, с. 21].

Доступ к угодьям оказался жестко привязан к фискальным обязательствам перед государством: право на промысел фактически обуславливалось своевременной уплатой ясака и сопутствующих податей. Ясак превратился в комплексный инструмент принуждения. В нем сочетались административно-правовое регулирование (формальное закрепление угодий за плательщиками), экономическое давление (зависимость доступа к ресурсам от фискальной дисциплины) и социальный контроль — по сути, феодальный по своей природе. Система не только обеспечивала регулярные поступления ясака, но и позволяла государству опосредованно управлять природопользованием, влиять на хозяйственные стратегии семей и их передвижения в пределах освоенной территории [Захаров, 1995, с. 21].

В 1769 г. правительство провело крупную реформу ясачного сбора, передав функции сбора традиционной элите — князьям и старшинам. Эта мера не просто бюрократизировала процесс, а создала новую связь между налогообложением и землепользованием. Администрация систематически выявляла новых плательщиков, упорядочивала размеры ясака и легализовала его денежную форму — важный этап интеграции региона в общеимперскую экономическую систему. У реформы обнаружились две стороны. С одной — усиливался контроль над коренным населением через местных руководителей. С другой — коммерциализировался охотничий промысел: необходимость денежных выплат стимулировала товаризацию пушнины. Так имперская фискальная политика трансформировала традиционные общества, превращая экономические механизмы в инструмент административного управления [Захаров, 1995, с. 20].

Дифференциация ясачного обложения отражала сложную социально-экономическую стратификацию населения Якутии. Согласно документам Совета Главного управления Восточной Сибири от 28 февраля 1874 г., размер ясака для кочующих групп составлял от 48 копеек до 1 рубля 33 копеек с души [ГАИО, Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991, Л. 12–14], тогда как для тех, кто был причислен к «бродячим» (эвены, эвенки, юагиры и чуванцы), ставки возрастали до 1 рубля 3 копеек и 2 рублей 88 копеек.

Особенно показательно введение Второй ясачной комиссией (1828-1834 гг.) земской повинности для некоторых якутских наслегов в размере 1 рубля 87 копеек с души. В совокупности с другими сборами общее налоговое бремя на одну душу могло достигать 3 рублей 23 копеек — 5 рублей 48 копеек [Захаров, 1995, С. 32]. Это представляло собой значительную сумму для традиционных хозяйств. Данная прогрессивная шкала налогообложения не только отражала различия в экономическом потенциале разных групп населения. Она также выполняла социально-регулирующую функцию. Фискальные механизмы закрепляли административный статус различных категорий коренных народов.

Показательным примером интеграционной политики стало событие 1869 года. Колымский исправник барон Майдель при случайной встрече сумел обложить ясаком 242 чукчи. Примечательно, что последние добровольно согласились на ежегодный взнос в размере 1 рубля с души и выдали соответствующую подписку. Однако они поставили существенное условие: получение встречных «подарков» в виде табака, муки, чая и водки.

Этот эпизод демонстрирует трансформацию ясачной системы из одностороннего фискального механизма в форму символического товарообмена. Формальное признание российской юрисдикции компенсировалось экономическими стимулами [РГИА, Ф. 1291, Оп. 84, Д. 209, Л. 7].

Статистические данные наглядно демонстрируют масштабы ясачного обложения в Якутской области на рубеже XIX-XX вв. В 1890 г. общее

количество плательщиков достигло 52 500 человек с неравномерным распределением по округам: Якутский округ лидировал с 31 786 плательщиками, за ним следовали Вилюйский (13 688), Верхоянский (3203), Олекминский (2398) и Колымский (1485) округа. К 1896 г. численность ясачных незначительно увеличилась до 52 570 человек [ГАИО, Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991, Л. 6].

Более детальная этническая структура налогоплательщиков прослеживается по данным 1908 года. Из 52 459 обложенных ясаком людей якуты составляли абсолютное большинство – 48 730 человек с общей суммой оклада 47 141 рубль 50 копеек. Среди народов выделялись 2619 эвенков с окладом 4057 рублей, 395 юкагиров (506 рублей 15 копеек), 151 эвен (585 рублей 45 копеек), 17 чуванцев (22 рубля 95 копеек) и 247 чукчей (247 рублей). Общая сумма ясачного оклада по области составляла 52 559 рублей [Гурвич, 1954, С. 34], что свидетельствует о значительном фискальном значении данного налога для регионального бюджета.

Теоретически, сопоставление с рыночными ценами на пушнину (соболь – до 20 рублей, белка – 17-28 копеек) делало налог посильным [Гурвич, 1954, С. 37]. Однако на практике система подвергалась систематическим злоупотреблениям. Многочисленные дела свидетельствуют о незаконных сборах. Среди них — обвинения верхоянского головы А. Новгородова в 1883 г. [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 1, Д. 3189, Л. 1] и князца Т. Борисова в 1898 г. [НА РС(Я), Ф. И15, Оп. 6, Д. 983, Л. 18].

Коллективная жалоба аянских эвенков 1911 г. указывала на непосильное бремя и фиктивные недоимки [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 1, Д. 17027, Л. 1-3, 13-19]. Губернатор А. П. Осташкин в 1892 г. констатировал невозможность проконтролировать использование собранных средств [НА РС(Я), Ф. И15, Оп. 1, Д. 6602, Л. 12-13.].

Особенно катастрофической была практика взимания ясака за умерших. Она усугубляла демографический кризис, что особенно ярко проявилось после эпидемии оспы 1886 г. среди юкагиров [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 1, Д. 17027, Л.

13]. Реальная нагрузка на малые народы достигала 72 рублей при официальных окладах до 8 рублей [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 2, Д. 5263]. Данная ситуация демонстрирует институциональную ошибку имперской политики. Формально упорядоченная налоговая система на практике превращалась в инструмент экономического уничтожения целых этнических групп. Особенно показательны, что даже на высшем уровне власти осознавали порочность этой системы, однако структурные реформы так и не были проведены, что отражало общую стагнацию имперского управления в отношении окраинных территорий в начале XX в. [НА РС(Я), Ф. И12, Оп. 2, Д. 5263].

Для якутского населения ясное бремя усугублялось изнурительной гужевой повинностью по перевозке казенных грузов в Охотск и на Камчатку. Особую социальную несправедливость данной системы представляло то, что все финансовые компенсации за перевозки присваивались улусными головами, наслежными и волостными старостами, выступавшими в роли подрядчиков, в то время как непосредственные исполнители – рядовые скотоводы – не только не получали вознаграждения, но и лишались возможности вести традиционное хозяйство. Отвлечение на транспортировку грузов лишало якутов времени на заготовку кормов и ведение охотничьего промысла, нанося тем самым двойной удар по их экономическому благосостоянию. Эта система представляла собой скрытую форму дополнительного налогообложения, которая подрывала основы традиционного жизненного уклада и вела к систематическому разорению скотоводческих хозяйств [МА СР, Ф. И12, Оп. 1, Д. 9057, Л. 9-10.].

Налоговая система в Якутской области отличалась сложной дифференциацией по сословному и территориальному признакам. Русское крестьянство несло наиболее тяжёлое фискальное бремя. Оно выплачивало совокупно до 5 рублей 86 копеек с ревизской души. В эту сумму входили подушная подать, оброчная подать, сборы на содержание полковых лошадей и присутственных мест.

Отдельные категории крестьянства платили меньше. К ним относились причисленные без приговоров и скопцы. Они выплачивали от 1 рубля 87 копеек до 2 рублей 14 копеек. Мещанское сословие Верхоянска и Средне-Колымска облагалось податью в 3 рубля 15 копеек.

На рубеже XX в. фискальная система претерпела значительное усложнение. Крестьяне Якутской области стали выплачивать многоуровневые налоги. Это казённые оброчные сборы (2 рубля 74 копейки с души), целевые взносы на пожарный капитал (4 копейки) и на межевые работы (3 копейки). Сюда же входили земские губернские сборы (до 2 рублей) и ружной сбор (до 26 копеек) [Сафронов, 1961, С. 430].

В контексте фискальной политики Российской империи в Якутии институт ясака приобрёл не только экономическое, но и глубокое социальное значение. Он стал инструментом формирования новых форм зависимости. Практика «төлүүр» – погашения ясачных долгов зажиточными тойонами за общинников – представляла собой механизм перераспределения ресурсов, который одновременно укреплял патриархальные отношения и создавал предпосылки для социального расслоения. В неурожайные годы, когда рядовые охотники не могли самостоятельно обеспечить пушной ясак, тойоны, обладавшие доступом к денежным средствам и торговым сетям, монополизировали функцию налоговых посредников. Это позволяло им конвертировать экономическое влияние в социальный капитал, усиливая клиентарные связи. Показательны масштабы такой деятельности: в 1910-1911 гг. Н.И. Кривошапкин внес 11 060 руб. за наслеги Баягантайского улуса, а в 1913 г. Е.В. Оросин – 1440 руб. за I Игидейский наслег, причем часть этих сумм носила безвозмездный характер. Эта «благотворительность» укрепляла социальный статус тойонов, но одновременно делала общинников зависимыми от их финансовых возможностей. Ясачная система, изначально создававшаяся как инструмент интеграции окраин в имперское пространство, на практике стала катализатором формирования локальных иерархий и

экономического неравенства внутри якутского общества [НА РС(Я), Ф. И15, Оп. 10, Д. 2737, Л. 308-309.].

О денежных поступлениях в ясак говорят архивные данные. По порядкам, установленным Первой ясачной комиссией (1736—1769 гг.) 38 092 ясачных – на 46 тыс. руб. [Федоров, 1978, С. 60]; после Второй ясачной комиссии (1828—1834 гг.) – 122 тыс. рублей [НА РС(Я), Ф. 349, Оп. 1, Д. 3034, Л. 56]. В 1838—1850 гг. область была обложена ясаком на сумму 330 тыс. руб., из них наличными поступило 207,8 тыс. руб., а пушнины на сумму 48,8 тыс. руб. (шкурки: 1289 соболей, 15 сиводушек, 737 красных лисиц, 149,9 тыс. белок, 1671 горносталя, 158 хорька, 5105 белого песка, 2 чернобурок, 78 выдр) [История Якутской..., С. 181-182]. В 1880—1890 гг. от чукчей поступили шкурки 75 лисиц, 46 песцов и одной куницы на сумму 611 руб.; в 1889—1894 гг. – шкурки 35 красных лисиц, 16 белых песцов, 8 норок на 103 руб.; от эвенов Майского ведомства в 1891—1892 гг. шкурки 1108 белок стоимостью 328 руб.; от мямельских эвенов в 1894 г. – 206 белок на 33 р. 90 копеек [ГАИО, Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991, Л. 76].

Анализ окладной книги 1874 г. убедительно демонстрирует стремительную коммерциализацию ясачной системы и сокращение натуральной формы платежей. К указанному периоду пушниной вносили ясак лишь ограниченное число родовых групп: 3 эвенкийских рода Майского ведомства, 8 родов кангаласских эвенков, 3 рода олекминских эвенков, а также 7 родов и наслегов Колымского округа и 11 родов и наслегов Верхоянского округа [ГАИО, Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991, Л. 47-49].

Эволюция системы ясачных платежей во второй половине XIX в. демонстрирует формирование качественно новых финансовых практик среди якутской элиты. Социальная верхушка, используя механизмы кредитно-банковской системы, начала переводить традиционные формы патронажа на современную финансовую основу. Ярким примером служит деятельность семьи Никифоровых: еще в 1872 г. тойон В.С. Никифоров внес в казначейство 5 тысяч рублей, проценты с которого обеспечивали погашение повинностей I

Тыллыминского наслега. Его сын Г.В. Никифоров в 1913 г. дополнил этот фонд еще 2 тысячами рублей [НА РС(Я), Ф. 15, Оп. 10, Д. 2737, Л. 49, 111-113.]; В период с 1903 по 1909 гг. Г.Л. Новгородов внес в Государственный банк 3500 рублей, целевые проценты с которых направлялись на погашение ясачных обязательств I Байдусинского наслега Верхоянского округа [НА РС(Я), Ф. 15, Д. 268, Л. 58]; В 1905 г. С.П. Алексеев передал пятипроцентную облигацию номиналом 500 рублей, а в 1909 г. дополнительно внес 2000 рублей для покрытия ясачных обязательств Тарагайского и Жарханского наслегов Мархинского улуса Вилюйского округа [НА Ф. 12, Оп. 2, Д. 10457, Л. 3]; В 1894 г. имел место примечательный случай филантропической деятельности, когда купец Н.Б. Васильев совместно с главой Верхоянского улуса Е.Я. Ефимовым внесли на ясачные нужды Тюгясирского рода сумму в размере одной тысячи рублей. Однако, в отличие от предыдущих примеров прямого погашения податей, члены рода коллективным решением постановили направлять ежегодные процентные доходы от данного капитала на приобретение боеприпасов [НА Ф. 26, Оп. 1, Д. 857, Л. 1-37].

В то время как представители зажиточных слоев якутского общества осваивали современные финансовые инструменты, экономически уязвимые группы населения сохраняли архаичные формы расчетов с тойонами. Система отработочных отношений, натуральной оплаты продуктами сельского хозяйства и пушниной продолжала доминировать во взаимоотношениях беднейших слоев с традиционной элитой. За период с 1880 г. по 1917 г. коренное население Якутии внесло в казну империи значительные финансовые средства. Суммарные ясачные платежи за указанный период (за исключением восьми лет, по которым отсутствуют данные) составили 1 490 600 рублей. При этом дополнительные подати и сборы, зафиксированные в 1890, 1895, 1897, 1898, 1903, 1907 и 1913 гг., достигли 2 075 000 рублей [НА РС(Я), Ф. 12, Оп. 6, Д. 2771, Л. 71; РГИА, Ф. 1276. Оп. 17, Д. 459, Л. 13].

Накопление недоимок по ясачным платежам стало системным явлением, отражающим кризис фискальной системы в отношении коренного населения.

Статистические данные по эвенкийским родам Вилуйского округа демонстрируют устойчивую тенденцию к росту задолженности: если в 1903 г. за восемью родами (2954 ревизских души, 1010 работников) числилось недоимок на сумму 1265 рублей, то к 1906 г. за семью родами (2120 душ, 1197 работников) задолженность возросла до 1661 рубля. Примечательно, что 778 рублей из этой суммы были списаны «высочайшим повелением», что свидетельствует о признании государством непосильности налогового бремени для данных групп населения. Однако даже после списания значительной части долга сохранявшаяся недоимка в размере 883 рублей указывает на глубокий экономический кризис, переживаемый эвенкийскими хозяйствами [НА РС(Я), Ф. 23, Оп. 1, Д. 2980, Л. 3, 5-17; Д. 3702, Л. 8, 13–27].

Парадоксальная ситуация сложилась вокруг Жахутского рода Вилуйского округа, который, обладая стабильным годовым доходом свыше 320 рублей от аренды рыболовных угодий на протяжении от устья Вилуя до Жиганска, в 1902 г. имел недоимку по ясачным платежам в размере 125 рублей. Данное обстоятельство побудило урядника, а впоследствии и Вилуйское окружное полицейское управление, применить крайние меры воздействия – предписать немедленное погашение задолженности наличными средствами либо произвести опись имущества старшины рода Прокопия Петрова с последующей реализацией его собственности с торгов [НАРС(Я), Ф. 23, Оп. 1, Д. 3102, Л. 1].

Знаковым событием в истории природоохранной политики Российской империи стало принятие 9 апреля 1913 г. правительственного постановления, запрещающего промысел соболя и торговлю его мехом. Данная мера, инициированная представителями научной и охранной общественности, также содержала указание на «неотложность выделения заповедников» для сохранения популяции этого ценного пушного зверя. Историческая значимость данного акта заключается в том, что он представлял собой одну из первых попыток системного решения проблемы истощения охотничьих ресурсов на государственном уровне [Соловьев, 1926, С. 698]. Введенный

мораторий действительно сыграл фундаментальную роль в сохранении соболя, позволив стабилизировать его численность, заложив основы для последующего восстановления популяции.

Администрация Якутской области в 1890 г., проанализировав отчеты окружных исправников, сформулировала позицию о необходимости введения ограничительных правил охоты для основного населения, при этом исключив из-под действия этих норм эвенков и другие кочевые народности, относившиеся к категории «бродячих». Параллельно с административными инициативами развивалась и общественная деятельность – созданное 27 мая 1903 г. в Якутске Общество охоты выступило с рядом природоохранных предложений. В их числе были: запрет на разрушение нор при добыче лисиц, предотвращение массового истребления зайцев на островных территориях, а также установление возрастного ценза для охотников – не моложе 17 лет.

Проводимая администрацией региона политика в сфере регулирования охотничьего промысла отличалась непоследовательностью и низкой эффективностью. Предпринимавшиеся властями попытки внедрения новых правил охоты преимущественно оставались нереализованными, сохраняясь лишь на уровне официальной документации. Более того, отдельные распоряжения местной администрации демонстрировали полное непонимание специфики традиционного уклада жизни населения [Богораз-Тан, 1930, С. 68].

В традиционной охотничьей культуре народов Якутии сложился комплекс неписаных правил взаимопомощи, обеспечивавших выживание в суровых условиях Севера. Одной из устоявшихся практик было оставление в промысловых избушках запасов сухих дров, спичек и минимального продовольственного резерва для случайных путников, что демонстрирует глубоко укоренённый принцип коллективной ответственности.

Не менее показательной была система распределения добычи, основанная на принципах уравнительного перераспределения. Данный обычай отражал общинный характер хозяйства, в рамках которого успех отдельного охотника рассматривался как результат коллективных усилий всей

общины. Указанная практика обеспечивала социальную защищённость нетрудоспособных членов общины и одновременно поддерживала баланс в условиях высокой экономической нестабильности промысловой деятельности.

Под влиянием развития товарно-денежных отношений и усиления роли торгового капитала происходила постепенная трансформация традиционных охотничьих практик. Сложившаяся веками система равного распределения добычи начала уступать место индивидуалистическим подходам, нарушались традиционные сроки охоты, участились случаи хищнического промысла. Эти изменения сопровождались постепенным изменением морально-этических норм, исторически характерных для охотничьего сообщества.

Яркой иллюстрацией данного процесса стало судебное разбирательство 1890 г., когда «третейский суд» рассматривал дело о досрочном начале промысла белки оленными эвенами. Нарушители традиционных регламентов смогли урегулировать конфликт, откупившись несколькими оленями [Иохельсон, 1898, С. 29-31].

На рубеже 1910-х гг. участились случаи взаимных обвинений в хищениях пушной добычи, что отражало углубляющийся кризис традиционных охотничьих этических норм. Индигирские мещане активно обвиняли якутских охотников в изъятии песцов из установленных пастей, однако, как отмечают источники, «сами грешили этим изрядно». В Русском Устье подобные дела стали приобретать регулярный характер, ежегодно поступая на рассмотрение местных судебных инстанций [Зензинов, 1914, С. 110].

Наблюдалось системное нарушение традиционных охотничьих запретов, в частности, существовавшего обычая, запрещавшего выкапывание лисиц из помеченных крестообразными знаками нор. В Верхоянском улусе представители зажиточных слоев, обладая материальными ресурсами в виде лошадей, практиковали объезд таких нор с последующим извлечением лисят в ранневесенний период.

Такая практика подрывала и традиционные этические нормы, и природоохранные принципы рационального промысла. В ответ малоимущие охотники, стремясь опередить состоятельных конкурентов, начинали раскапывание нор ещё раньше. В результате преждевременно изымался молодняк, и воспроизводство популяции лисиц оказывалось под угрозой.

Ясак изначально служил важным источником пополнения казны Императорского Кабинета, а в XVII–XVIII вв. — и региональной администрации. Со временем он превратился в инструмент экономического влияния местной социальной элиты. Государственная политика строилась на простом принципе: право пользования охотничьими угодьями давалось только тем, кто исправно платил ясак. Просрочка вела к потере доступа к промысловым территориям.

С конца XIX в. положение коренного населения ухудшилось. Давление нарастало с нескольких сторон: произвол сборщиков податей, необходимость вносить платежи за умерших родственников, сокращение поголовья пушного зверя. В этих условиях предприимчивые торговцы и тойоны, уже монополизировавшие соболиный промысел и меховую торговлю, начали выступать в роли финансовых посредников. Они погашали ясачные долги за целые роды и наслеги, тем самым ещё больше укрепляя свою власть над рядовыми охотниками.

Эта практика, формально оказывавшая помощь общинникам, фактически представляла собой скрытую форму кредитования с взиманием процентов через отработки, поставки пушнины или продукции животноводства. Подобная система зависимых отношений, получившая широкое распространение, приводила к систематическому обнищанию ясачных плательщиков и их постепенному закабалению, подрывая основы традиционного уклада жизни коренных народов Якутии.

Традиционная охотничья деятельность коренных народов Якутии, изначально подчинённая задачам натурального хозяйства, с XVII в. начала меняться под давлением государственной политики. Введение ясака

переориентировало промысел, и из способа обеспечения жизненных потребностей он превратился в экономический рычаг администрации.

Богатые пушиной экосистемы Якутии подверглись интенсивной эксплуатации. К концу XIX в. численность ценных видов, особенно соболя, заметно сократилась: в районах, прилегающих к освоенным территориям, его практически истребили. Истощению охотничьих угодий способствовали и природные факторы, и деятельность человека, такая как вырубка лесов для золотодобычи, судостроения и строительства и т.д.

Административное деление Якутской области на округа, улусы и наслеги закрепило промысловые территории за отдельными родами и семьями. Формально сохранялось общинное землепользование, однако на практике постепенно прорастали элементы частной собственности на угодья. Напряжённость в этой сфере хорошо видна на многочисленных конфликтах между якутами, эвенками, русскими крестьянами и другими группами из-за прав на охотничьи участки.

Ясачная система, пройдя путь от натуральной формы к денежной, стала для коренного населения тяжёлым бременем. Сборщики ясака злоупотребляли властью, налог взимали даже за умерших сородичей, а обмен с торговцами был заведомо неэквивалентным, что вело к обнищанию плательщиков. Местная верхушка при этом не только не страдала, но и использовала ясак как рычаг контроля, так, погашая долги за общинников, она закрепляла их зависимость через отработочные отношения.

Государство пыталось регулировать охоту, но его меры, как правило, запаздывали и оказывались недостаточными для сохранения биоресурсов. И всё же традиционные нормы охотничьей этики частично удержались даже под натиском товарно-денежных отношений.

Ясачная политика Российской империи в Якутии стала главной пружиной изменений в охотничьем промысле. Традиционное природопользование уступало место коммерческой эксплуатации ресурсов в интересах государства и только зарождавшегося торгового капитала. За этим

стояли экологические последствия, социальное расслоение и перестройка всей системы землепользования. Вместе они и задали траекторию развития региона на XX век.

2.2. Организационно-хозяйственные модели советского периода: этапы модернизации

Советское правительство с первых лет своего существования приступило к наведению порядка в сфере охотничьего хозяйства, принимая комплекс законодательных актов [Дементьев, 1971]. «Декрет о земле» 1917 г. провозгласил национализацию всех земельных ресурсов, а «Декрет о лесах» 1918 г. закрепил право граждан на свободный доступ в леса и ведение охоты. Декрет 1919 г. ввел важные природоохранные ограничения и государственную монополию на заготовку пушнины.

В 1920 г. функции регулирования охотничьей отрасли были закреплены за Наркомземом, а для их реализации выстроена трехуровневая управленческая структура. Знаковым событием стал созыв I Всероссийского съезда охотников, наметившего масштабные преобразования. В 1922 г. были утверждены «Правила производства охоты», ставшие первым систематизированным сводом охотничьего законодательства [Охотничье хозяйство..., 1973, С. 201].

Параллельно шло организационное становление отрасли: в 1922 г. образовано Военно-охотничье общество, а Всероссийский союз охотников был преобразован во Всероссийский производственный союз (ВПСО). В 1924 г. на его базе создан Всероссийский промыслово-кооперативный союз (Всекохотсоюз), сосредоточивший усилия на рациональном освоении ресурсов и создании специализированных охотничьих промысловых хозяйств (ОПХ) [Мартынов, 2024, С. 30].

В 1923 г. были приняты два важных нормативных акта: постановление «О праве охоты», упразднившее возрастные ограничения и обязательные

удостоверения, и постановление «Об охотничьем сборе», введившее систему налогообложения [Соловьев, 1926, С. 176].

Период Гражданской войны и послевоенной разрухи негативно сказался на состоянии отрасли и популяциях ценных видов [Дементьев, 1971, С. 115]. Для упорядочивания системы в 1924 г. исключительное право на заготовку пушнины было закреплено за пятью уполномоченными организациями. Наркомвнуторг взял под контроль ценообразование, а в 1925 г. введены единые стандарты качества [Мартынов, 2024, С. 31].

В 1930 г. было принято «Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР», введившее новую классификацию территорий и создание государственных производственно-охотничьих станций (ПОС) [Мартынов, 2024, С. 30]. В 1932 г. управление отраслью было передано Наркомвнешторгу, где создано объединение «Союзпушнина». При Наркомземе организовали Управление по охотничьему хозяйству и звероводству для научно-методического обеспечения [Мартынов, 2024, С. 31].

Коллективизация изменила организацию промысла, так, в 1933 г. было установлено, что ведение охотничьего хозяйства должно осуществляться через колхозы, но эта система показала низкую эффективность. Были попытки компенсировать снижение добычи ценных видов через акклиматизацию ондатры, норки и енотовидной собаки. Также, для увеличения численного количества соболя в 1935 г. был введен пятилетний запрет на его добычу [Мартынов, 2024, С. 32]. Частые реорганизации системы управления создавали серьезные препятствия для эффективного ведения промысла [Охотничье хозяйство..., 1973, С. 203].

В 1931 г. все функции регулирования и заготовки были переданы Союзпушнине, но уже в 1933 г. Всекохотсоюз был упразднен. К 1935 г. полномочия вернулись к Наркомзему СССР, а на Крайнем Севере управление перешло к Главному управлению Северного морского пути (ГУСМП). В этот период была образована Государственная охотинспекция [Мартынов, 2024, С. 33]. Подавляющая часть пушнины реализовывалась через международные

аукционы в Ленинграде, для которых был построен специальный Дворец пушнины [Экономика охотничьего..., 1971, С. 107].

В годы Великой Отечественной войны требуемые объемы добычи существенно возросли, и основная тяжесть работы легла на колхозных охотников. [Мартынов, 2024, С. 34]. В 1944 г. Госохотинспекция была преобразована в Главное управление по делам охотничьего хозяйства при СНК РСФСР. Послевоенная политика укрупнения населенных пунктов увеличила расстояние между местами проживания охотников и промысловыми угодьями, что снизило экономическую эффективность хозяйства [Мартынов, 2024, С. 35].

В 1953 г. было образовано Главное управление по заповедникам и охотничьему хозяйству при Минсельхозе СССР, но в 1955 г. оно было включено в состав Главного управления лесного хозяйства [Мартынов, 2024, С. 35]. В 1957 г. было принято постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», что привело к созданию сети специализированных промысловых хозяйств (коопзверопромхозов). К 1981 г. их количество достигло 125 [Стахровский, 1985, С. 63]. Параллельно в районах Крайнего Севера формировались крупные многоотраслевые совхозы [Мартынов, 2024, С. 35].

Постановление «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» вышло в 1959 г., оно предусматривало закрепление угодий на срок не менее 10 лет. В РСФСР началось межхозяйственное охотоустройство [Охотничье хозяйство..., 1973, С. 204]. Руководство охотничьим хозяйством было возложено на Министерство сельского хозяйства СССР, а в РСФСР – на Главохоту РСФСР, организовавшую охотоустроительные экспедиции [Охотничье хозяйство..., 1973, С. 204].

Экономико-правовые основы охотничье-промысловой политики в Якутской АССР в 1960-е гг. формировались под влиянием двух ключевых факторов: общесоюзных реформ охотничьего хозяйства и специфических условий северного региона. Особенностью якутской модели организации

охотничьего хозяйства стало уникальное сочетание двух основных типов промысловых предприятий. Оно сложилось в результате адаптации общесоюзных нормативов к специфическим условиям региона.

С одной стороны, это государственные промысловые хозяйства (госпромхозы). Они находились в ведении Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР (Главохота РСФСР) и составляли основу государственного сектора. С другой стороны, это кооперативные зверопромысловые хозяйства (коопзверопромхозы). Они были организованы системой потребительской кооперации («Роспотребсоюз») и сочетали государственное регулирование с элементами кооперативной собственности.

К 1960 г. в республике насчитывался 21 промыслово-оленоводческий совхоз. Он обеспечивал более 50% республиканских заготовок пушнины [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 3]. Эти комплексные хозяйства представляли собой уникальный формат, не имевший прямых аналогов в других северных регионах СССР. Их организационная структура отличалась значительной сложностью. В ней органично сочетались три основных направления деятельности: охотничий промысел, оленеводство и клеточное звероводство.

Госпромхозы, подчинявшиеся непосредственно Главохоте, характеризовались строгой централизацией управления и полным государственным финансированием. Эти хозяйства обладали разветвлённой сетью стационарных баз, оснащённых современной по тем временам техникой, а именно снегоходами, радиосвязью, мощностями для первичной обработки пушнины. В их штате состояли не только охотники промысловики, но и зоотехники, ветеринары, егеря, что позволяло осуществлять комплексный мониторинг состояния охотничьих угодий и популяций промысловых животных.

Коопзверопромхозы, находившиеся в системе потребительской кооперации, имели более гибкую структуру управления и могли оперативнее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Они активно занимались

не только заготовкой пушнины, но и развитием товарного оленеводства, а также организацией клеточного звероводства, то есть разведением песцов и лисиц в неволе, что позволяло поддерживать стабильные объёмы производства даже в годы снижения численности диких промысловых животных.

Госпромхозы преимущественно концентрировались в наиболее продуктивных южных и центральных районах республики, тогда как коопзверопромхозы охватывали труднодоступные северные и арктические территории, где требовалась большая автономия в принятии хозяйственных решений. Такая дуальная система позволяла, с одной стороны, обеспечивать выполнение государственных плановых заданий через госпромхозы, а с другой стороны, поддерживать экономическую активность в отдалённых районах через кооперативный сектор. Однако, как показывают архивные документы, это порождало и определённые противоречия: конкуренцию за охотничьи угодья и трудовые ресурсы, а также различия в социальных гарантиях для работников двух систем [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 5-7].

В 1961 г. ввели новую систему оплаты труда охотников-промысловиков: гарантированный минимум плюс прогрессивные надбавки за перевыполнение плана. Позже закупочные цены на пушнину повысили на 90% — так пытались компенсировать сокращение числа охотников и падение добычи ценных видов. Тогда же начали стандартизировать учёт и оценку пушно-мехового сырья. В 1963 г. появился единый республиканский стандарт качества пушнины, с помощью которого точнее контролировали выполнение планов и боролись со сбытом некондиционной продукции [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 12. Л. 11 об.].

В Якутии реорганизация охотничьего хозяйства велась по нескольким связанным направлениям. Ликвидировали экономически слабые колхозы и на их базе создавали крупные совхозы и промысловые хозяйства. Параллельно

проводили техническое перевооружение: механизировали сам промысел и развивали транспортную инфраструктуру.

Внедрение авиационного мониторинга с вертолётами МИ-4 считалось одним из самых заметных новшеств [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 27]. Это позволяло не только бороться с браконьерством, но и вести учёт зверя в труднодоступных местах. Не менее важным стало появление механизированного транспорта — снегоходов и мотонарт. Мобильность охотников значительно повысилась. Однако, как показывают интервью с промысловиками, новая техника приживалась тяжело. Механиков не хватало, запчасти доставали с трудом, а многие охотники старшего поколения относились к техническим новшествам с недоверием [ПМА, июль 2025 г., Усть-Янский район РС(Я)].

Тогда же совершенствовали учёт поголовья промысловых животных. В 1960-х гг. внедрили методику авиаучёта. Она давала гораздо более точные результаты, чем традиционные способы — наземные тропления и опросы охотников. К 1970 г. госпромхозы перешли на систему ежегодных зимних маршрутных учётов, что позволило более обоснованно устанавливать лимиты добычи. Однако на фоне этих позитивных изменений сохранялись системные проблемы, многие из которых носили хронический характер. Материалы заседаний Совета Министров ЯАССР за 1960-1969 гг. свидетельствуют о постоянном дефиците квалифицированных кадров: по состоянию на 1961 г. были укомплектованы лишь 35 из 42 предусмотренных штатных единиц егерей, причём особенно остро проблема стояла в северных улусах, а именно в Нижнеколымском, Среднеколымском, Верхоянском. Причины были многообразны: низкая зарплата, тяжёлые условия работы, отсутствие благоустроенного жилья [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 23-26].

Серьёзной проблемой оставалось снабжение охотников современным снаряжением и оружием. Особую критику вызывала деятельность Роспотребсоюза, не обеспечивавшего своевременные поставки необходимого оборудования в отдалённые районы. В отчете о работе Госохотинспекции при

СМ ЯАССР за 1960 г. прямо указывалось: «Систематические срывы поставок зимней одежды, обуви и палаток со стороны кооперативных организаций ставят под угрозу выполнение плановых заданий» [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 5].

Влияние государственной охотничье-промысловой политики на традиционные сообщества коренных народов Якутии носило глубокий и противоречивый характер. С одной стороны, создание стабильных промысловых хозяйств с гарантированным сбытом продукции и элементарной социальной инфраструктурой (медпункты, школы-интернаты, магазины) способствовало заметному повышению уровня жизни охотников. С другой стороны, происходила глубокая трансформация традиционного уклада жизни. Профессиональная специализация вела к утрате комплексного природопользования, когда охота перестала быть органичной частью жизненного цикла, превратившись в отдельную профессию с чёткими нормативами и отчётностью. Укрупнение поселений, активно проводившееся в 1960-е гг., разрывало многовековые связи между родовыми общинами и освоенными территориями. Наиболее показательной является трансформация идентичности. Так, по словам нашего информанта С.М. (около 1960 г.р., муж.), который в 1970-80 гг. был одним из передовиков пушной промышленности своего района, охотники-промысловики – это профессионалы своего дела и для них охота скорее как работа: *«Для нас охота это была и есть работа, так было у промысловиков моего детства, так и сейчас, мы больше полагаемся больше на себя, конечно. Обычно я кормлю только огонь, но не каждый раз, только когда почувствую, что пришло время»* (ПМА, март 2021 г., Среднеколымский район, РС(Я)).

Интервью с охотниками-промысловиками выявляют смену нарратива. Так, опрошенный информант описывает охоту как «работу», что противопоставляется охоте как сакральной практике, требующей соблюдения ритуалов. Ритуал «кормления огня» становится не регулярной практикой, а

спорадическим действием, совершаемым по наитию, что маркирует угасание традиционной мировоззренческой системы.

Экологические последствия проводимой политики проявились в нескольких аспектах. Введение научно обоснованных лимитов на добычу лося и других ценных видов, способствовало восстановлению их популяций, так, численность поголовья в ЯАССР в 1960 г. егерями оценивалась как высокая [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 45]. Особенно показательной стала ситуация с соболем – традиционно главным объектом пушного промысла в Якутии. После пятилетнего запрета (1935-1940 гг.) и последующего восстановления популяции к 1960-м гг. добыча соболя вновь стала важной статьёй дохода, которая требовала жёсткого государственного регулирования.

Введение системы лицензирования позволило стабилизировать заготовки пушнины на уровне 6 тысяч шкурок в год. В 1961 г. из выданных 6 тысяч лицензий было распределено 4825 штук. Это предотвратило угрозу истощения ресурсов [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 43]. Однако, данная система постоянно сталкивалась с проблемой браконьерства. Так, в 1961 г. было зафиксировано 5 случаев незаконной добычи [НА РС(Я). Ф. Р976. Оп. 5. Д. 10. Л. 28]. Кроме того, эта система, основанная на централизованном учёте, часто вступала в противоречие с традиционными экологическими знаниями. Охотники поколениями наблюдали за поведением животных что давало им возможность видеть более гибкие и адаптивные подходы к квотированию чем государство.

В предвоенные годы в стране стал развиваться еще один источник пушнины – звероводство. После войны наблюдался особенно бурный рост данной отрасли хозяйства. Если в 1936–1940 гг. удельный вес звероводческой пушнины составлял 3,9%, то в 1966–1970 гг. – 90,4% общих заготовок пушного сырья в закупочных ценах [Охотничье хозяйство..., 1973, С. 209]. На зверофермах стали выращивать норок, песцов, лисиц. Объем промысловых заготовок многих массовых видов пушнины в 1960-х гг. уменьшился, в частности, из-за сокращения числа охотников-промысловиков. Удельный вес

в экспорте пушно-мехового сырья промышленной пушнины в это время составлял всего около 25%. Поэтому с 1968 г. закупочные цены на пушнину, добываемую в районах Крайнего Севера и приравненных к ним, были повышены на 50%, а с 1970 г. в остальных районах – на 90% [Мартынов, 2024, С. 36].

К началу 1970-х гг. системные противоречия в охотничье-промысловом хозяйстве Якутии лишь усугубились. Анализ состояния отрасли выявляет устойчивую ведомственную диспропорцию: при доминировании совхозов Министерства сельского хозяйства, обеспечивших 77% общего объема заготовок [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 6], сохранялась низкая эффективность системы потребительской кооперации (90,3% выполнения плана) и вновь создаваемых государственных промысловых хозяйств (75,3% выполнения) [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 8]. Значимым ограничивающим фактором развития отрасли выступал системный кризис клеточного звероводства, обусловивший невыполнение общего плана заготовок пушнины на 334,1 тысяч рублей при плановом показателе 9200 тысяч рублей [Федоров, 2025b].

Кризис клеточного звероводства был обусловлен нехваткой квалифицированных кадров и ресурсов в целом что повлекло за собой системные нарушения в правилах ухода за зверьми, повышением их смертности ввиду неудовлетворительной санитарно-эпидемиологической ситуации на местах [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д.2 0, Л. 2].

Территориальная организация охотничьего хозяйства отражала экстенсивный характер освоения северных территорий. Процесс институционального закрепления угодий оставался незавершённым: лишь 37 из 85 хозяйств юридически оформили право пользования, что создавало устойчивые правовые коллизии, особенно в районах реорганизации колхозов в совхозы [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 5]. Социально-демографические показатели свидетельствовали о глубоком кадровом кризисе: невыполнение плана по привлечению охотников на 14,5%, отрицательное положение с

подготовкой молодой смены (41% от плановых показателей) указывали на прогрессирующее старение промыслового сообщества, риск утраты традиционных навыков охотничьего промысла [РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 14].

Экологический мониторинг 1970 г. фиксировал критическое состояние популяций косули (0,5-1,0 тысяча особей) [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 22] и глубокую депрессию ресурсов боровой дичи (заготовлено 300 шт. при плане 12 тыс.) [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 8]. Рост численности волка приносил значительный ущерб животноводству, достигавший 493 тыс. рублей ежегодно [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 35]. Инфраструктурные ограничения проявлялись в транспортной недоступности угодий и отсутствии пунктов первичной переработки, приводивших к значительным потерям продукции. Яркой иллюстрацией данных проблем являлась ситуация в Булунском районе, где 1000 туш северного оленя не могли быть эвакуированы вследствие неблагоприятных метеоусловий, приведших к приостановке авиасообщения, что вызвало частичную порчу продукции [НА РС(Я), Ф. Р976, О. 5, Д. 20, Л. 20].

Охранно-надзорная деятельность, при формально широком охвате (639 выявленных нарушений), характеризовалась низкой эффективностью правоприменения и географическим охватом контроля. Таким образом, к 1970-м гг. охотничье-промысловая деятельность Якутии сохраняла экстенсивный характер с выраженной зависимостью от природных циклов, требующей перехода к интенсификации через укрепление материально-технической базы, развитие инфраструктуры и решение кадровых проблем.

В 1970–1980-х гг. наиболее крупной из производственно-заготовительных организаций была система потребительской кооперации, осуществлявшая свою деятельность через коопзверопромхозы и заготовительные конторы. Большую работу вели также госпромхозы Главохоты РСФСР, совхозы и колхозы районов Севера Минсельхоза РСФСР. Любительская охота сосредоточивалась в системе добровольных охотничьих

обществ, включающей, в частности, Всесармейское военно-охотничье общество (ВВОО) и общество «Динамо».

В 1993 г. по предложению Минсельхоза России Главное управление охотничьего хозяйства при Министерстве было упразднено, а в составе центрального аппарата образован Департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов (Охотдепартамент). Специально уполномоченным государственным органом по охране и регулированию использования охотничьих животных на территории Российской Федерации стало Министерство сельского хозяйства Российской Федерации куда вошел Охотдепартамент. В период с 1980 по 1991 гг. занятие охотой, включая пушной промысел, в основном регламентировалось общесоюзным (от 25.06.80) и российским (от 14.08.82) законами «Об охране и использовании животного мира» [Мартынов, 2024, С. 37].

В первые годы советской власти охотничье хозяйство Якутии подверглось радикальной реорганизации. Национализация земель и лесов (декреты 1917–1918 гг.), монополия на заготовку пушнины (1919 г.) и создание Центрзоохоты и Всеохотсоюза заложили основы плановой эксплуатации ресурсов. В 1920-е гг. появились нормативные акты, декларировавшие научный подход, запрет добычи редких видов и регулирование сроков охоты. Но реализация этих мер тормозилась гражданской войной, разрухой и браконьерством.

Коллективизация 1930-х гг. ликвидировала охотничью кооперацию, передав угодья колхозам. Эффективность промысла упала. Частая реорганизация управленческих структур и послевоенное укрупнение поселков отдалили промысловиков от угодий.

В 1950–1980-е гг. государство сделало ставку на специализированные промысловые хозяйства. Повышение закупочных цен на пушнину (1968–1970 гг.) и развитие звероводства частично компенсировали падение добычи, но ключевой оставалась противоречивая нормативная база: угодья закрепляли за

хозяйствами на 10 лет, но оборот пушнины жестко регулировался — шкурки ценных видов предписывалось сдавать государству.

В Якутской АССР эти процессы шли через объединение «Якутпромохота» (с 1988 г.) и концерн «Сахабулт» (с 1992 г.). Упразднение Главохоты (1993 г.) и сокращение полномочий Охотдепартамента в 2000-х ослабили контроль за ресурсами [НА РС(Я), Ф. Р976].

У коренных народов Якутии традиционная система охотничьего промысла охватывала все стороны жизни. Охота давала белковую пищу, сырьё для одежды и жилищ, а также входила в духовную культуру, где была связана с верованиями, обрядами, экологическими представлениями. Существовала разветвлённая система табу и ритуалов, которая регулировала промысел и формировала этическое отношение к природе.

Советская модернизация перестроила эту систему и в рамках плановой экономики возникли промхозы и коопзверопромхозы. Одновременно шло техническое перевооружение: механизация транспорта, новые орудия лова, радиосвязь. В 1968–1970 гг. закупочные цены на пушнину повысили дифференцированно (особенно для районов Крайнего Севера) — это стимулировало заготовки. Охота стала официальной профессией с нормативами и системой поощрения.

Преобразования затронули и экономику, и социальные связи. Общинное природопользование, основанное на родовом распределении угодий и добычи, заменили централизованным плановым хозяйством. Связи между охотничьими коллективами и освоенными территориями, складывавшиеся веками, прервались. Кроме того, проводилась политика укрупнения посёлков: коренных жителей переселяли в крупные сёла, отрывая от родовых угодий. Вместе с территорией утрачивалось детальное знание — миграции зверя, сезонных изменений, природных примет.

Особенно заметной стала дальнейшая трансформация ценностных ориентаций. В традиционной культуре успех промысла во многом зависел от соблюдения сложной системы обрядов и табу, а в новых условиях главным

критерием становилось выполнение и перевыполнение плановых показателей. Данные изменения имели неоднозначные последствия, так, с одной стороны, они способствовали росту экономической эффективности отрасли, а с другой — привели к утрате многих элементов традиционной охотничьей культуры и экологического мировоззрения. Охотник-промысловик перестал быть хранителем сакральных знаний и посредником между мирами, он стал специалистом-исполнителем, которого оценивают по проценту выполнения плана. Отдельные элементы обрядности в отдаленных районах сохранились, но их смысл был утрачен — они превратились в бытовой анахронизм. Кроме того, немаловажную роль в трансформации мировоззренческой составляющей охоты сыграла системная борьба советского государства с религией и шаманизмом, внедрение в сознание народа атеистического мировоззрения и советской идеологии, широкомасштабное и активное развитие образования и медицинского обслуживания населения, а также бурное развитие научно-технического прогресса.

Экономика промысла строилась на переплетении плановых и рыночных механизмов. Центральным инструментом были государственные закупочные цены, которые реформировали несколько раз. Повышение цен 1968–1970 гг. стало компенсацией за сокращение числа охотников. Снабжение промхозов оружием, боеприпасами, транспортом и снаряжением шло через трест «Якутпромохота». Охотникам предоставляли целевые кредиты через потребкооперацию. Однако отчетные документы фиксируют одни и те же жалобы: дефицит качественного снаряжения, сезонные сбои поставок, негибкость системы при колебаниях мирового пушного рынка.

2.3. Государственное и общественное регулирование современной охотничьей деятельности

Современная система регулирования охоты в Якутии формировалась под влиянием двух разнонаправленных процессов. Распад СССР в 1991 г.

привёл к демонтажу централизованной плановой модели, в рамках которой охота рассматривалась исключительно как отрасль народного хозяйства. В то же время новое законодательство не создавалось на пустом месте: оно вбирало в себя советское правовое наследие, адаптировало его к рыночным отношениям и, хотя и в меньшей степени, учитывало традиционные нормы природопользования коренных народов.

Ключевой сдвиг произошёл с принятием Закона РФ «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ [Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 г.]. Этот нормативный акт закрепил за охотником право собственности на добытые объекты животного мира и произведённую из них продукцию. В юридической логике это означало принципиально новое положение: объекты охоты, находящиеся в естественной среде обитания, остаются государственной собственностью, однако после их изъятия право собственности переходит к лицу, осуществившему добычу. На практике охотник получил возможность не только использовать мясо и шкуру для личного потребления, но и продавать, дарить, обменивать или закладывать добытую продукцию. Советские нормы, предписывавшие обязательную сдачу пушнины государству и запрещавшие самостоятельное распоряжение ценными видами, формально не были отменены. Однако они фактически утратили силу, поскольку вступали в прямое противоречие с новым законодательством. В результате сложилась ситуация правовой коллизии, при которой устаревшие регламентирующие положения, включая предусмотренные ими санкции за нарушения, сохранились в правовом поле, но фактически утратили силу в связи с коренным изменением подходов к регулированию охотничьей деятельности в постсоветский период.

Последующее развитие охотничьего законодательства в Российской Федерации осуществлялось через принятие ряда нормативных актов, конкретизирующих и развивающих положения Федерального закона «О животном мире» [ФЗ «О животном мире» от 24.04.1995 г.]. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 1995 г. № 1289 [Постановление

Правительства РФ от 26 декабря 1995 г.] утвердило перечень объектов животного мира, отнесённых к объектам охоты, установив тем самым правовые границы охотничьей деятельности. Дальнейшая конкретизация регулирования была осуществлена Постановлением от 18 июля 1996 г. № 852 [Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г.], которое определило правила, сроки и перечни разрешённых орудий и способов добычи объектов животного мира, отнесённых к федеральным природным ресурсам, с одновременным закреплением полномочий субъектов федерации по установлению соответствующих нормативов для региональных охотничьих ресурсов.

Существенной деталью этих документов стало сохранение в переходный период системы закрепления охотничьих угодий [Письмо Охотдепартамента Минсельхозпрода России от 18 марта 1996 г.], согласно которой угодья оставались закреплёнными за государственными, кооперативными и общественными организациями на срок не менее десяти лет. Данный подход, зафиксированный в ведомственных документах рассматриваемого периода, позволил сохранить управление охотничьими ресурсами в переходный период до принятия федерального закона «Об охоте». В совокупности эти нормативные акты сформировали правовую основу современной системы охотничьего хозяйства России, сочетающей централизованное регулирование с учётом региональной специфики. Для Якутии, где традиционные формы природопользования имеют особый статус, данное решение оказалось критически важным: оно способствовало сохранению устойчивости охотничьих хозяйств в условиях социально-экономических преобразований 1990–2000-х гг.

Финансово-экономический механизм регулирования охоты оформлялся с заметными колебаниями. Постановление Правительства РФ от 8 февраля 1999 г. № 138 впервые ввело предельные тарифы на выдачу лицензий, однако уже в августе 1999 г. данное регулирование было пересмотрено, и указанное постановление утратило силу. Окончательное нормативное оформление

система платежей получила в Постановлении Правительства РФ от 4 января 2000 г. № 1 «О предельных размерах платы за пользование объектами животного мира, отнесёнными к объектам охоты, изъятие которых из среды их обитания без лицензии запрещено» [ФЗ от 24 июля 2009 г.]. Конкретные размеры платы за лицензии на добычу охотничьих ресурсов определяются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах установленных федеральным законодательством лимитов. При расчёте стоимости лицензий региональные власти учитывают расходы на охрану, воспроизводство и рациональное использование объектов животного мира, финансирование научно-исследовательских работ в области охотничьего хозяйства, а также затраты на другие мероприятия, направленные на обеспечение устойчивого существования популяций диких животных и сохранение их природных местообитаний. Для Якутии, с её обширными территориями и особенностями промысловой деятельности, принцип определения конкретных размеров платы на региональном уровне имел особое значение, позволяя учитывать местные экономические и экологические условия.

Действующее федеральное законодательство базируется на ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ]. Этот нормативный акт детально регламентирует все аспекты охотничьего хозяйства — от порядка пользования охотничьими ресурсами до вопросов их охраны и воспроизводства. Закон установил механизмы согласования экономических интересов охотпользователей с экологическими требованиями сохранения биоразнообразия, что приобретает особое значение для Якутии, где традиционные формы природопользования занимают значительное место в жизнедеятельности местного населения. Анализ эволюции охотничьего законодательства показывает, что нормативная база обновлялась примерно каждые десять лет, причём каждый новый акт учитывал как накопленный

опыт правоприменения, так и изменявшиеся социально-экономические условия. В результате сформировалась комплексная система регулирования, сочетающая традиционные принципы охотничьего хозяйства с современными требованиями устойчивого природопользования. В Якутии современная система регулирования охоты включает несколько ключевых элементов: государственное управление через лицензирование и квотирование добычи охотничьих ресурсов, общественный контроль через участие местных сообществ и объединений охотников, учёт традиционных знаний и практик коренных народов, а также научное обоснование принимаемых управленческих решений [ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ].

На уровне повседневных практик современная охота в Якутии распадается на три типа, которые в реальности редко существуют в чистом виде.

Промысловая охота представляет собой профессиональную деятельность, направленную на получение продуктов питания и пушнины как товарной продукции. Для коренных малочисленных народов Севера и значительной части сельского якутского населения она составляет основу экономического существования. В Якутии промысловая охота редко существует изолированно: она, как правило, переплетена со скотоводством, коневодством, оленеводством, рыболовством и собирательством. В экстремальных климатических условиях ни одна из этих практик по отдельности не гарантирует устойчивого выживания; только их совокупность образует комплексную систему жизнедеятельности. Промысловик, как правило, обладает детальным знанием охотничьих угодий, способен различать следы и помнить особенности поведения животных на протяжении многих лет. При этом традиционные навыки соседствуют с использованием современных технических средств — снегоходов, радиосвязи, навигационного оборудования. Промысловики участвуют в государственных программах поддержки и подчиняются требованиям природоохранного законодательства (лимиты добычи, лицензирование, сезонные ограничения).

Именно этот синтез традиции и инноваций обеспечивает устойчивость промысловой охоты, которая остаётся экономической основой и маркером культурной идентичности для значительной части коренного населения Якутии.

Любительская охота занимает структурно промежуточное положение между утилитарно-экономической деятельностью и рекреационной практикой. Для большинства её участников это не столько способ заработка, сколько возможность добыть мясо для семьи, отдохнуть и компенсировать последствия урбанистического отчуждения от природы. Данный тип охоты статистически шире распространён среди городского населения, однако вовлечены в него и сельские жители. Типичный пример — житель Якутска, работающий в офисе и выезжающий на охоту в выходные дни. Мотивация в таких случаях носит смешанный характер: пополнение семейных пищевых ресурсов, психологическая разгрузка и поддержание связи с традицией. Согласно этносоциологическим исследованиям, для 51% сельской и 45,5% городской молодёжи Якутии охота остаётся важным элементом культурной идентичности [Идентичность, язык и культура..., 2022, С. 105]. Для молодого горожанина охотничья практика выступает не только способом добычи, но и механизмом трансляции этнокультурных ценностей, связующим звеном между поколениями. Любительская охота органично вписывается в ритм современной жизни: она не требует полной занятости, как промысел, но позволяет сохранить традиционные навыки и передать их следующим поколениям [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 гг.].

Спортивная охота отличается от промысловой по целеполаганию. Здесь добыча пропитания не является главной задачей, на первый план выходят отдых и состязательность. У данного типа охоты формируются собственные ценностные установки и нормативные регулятивы. Отличительной чертой выступает трофейная направленность, когда зверя отбирают по заданным параметрам — размеру рогов или качеству меха. Одновременно наблюдается активное применение технических средств: квадроциклов, снегоходов,

приборов ночного видения, тепловизоров, GPS-навигаторов. Важную роль играет и коммерческая составляющая, а именно организация платных охотничьих туров для местных и иностранных охотников. Сами участники, согласно их самооценкам, называют главными мотивами азарт, желание посоревноваться и соображения престижа. Утилитарные цели — добыча мяса или шкуры — отступают на второй план. Таким образом, в охотничьей деятельности наблюдается сдвиг от хозяйственной модели к рекреационно-спортивной [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 гг.].

В якутском контексте спортивная охота тесно связана с развитием специализированного охотничьего туризма, который постепенно набирает обороты, формируя соответствующую инфраструктуру и сервис. Данный сегмент характеризуется формированием элитных охотничьих хозяйств, предоставляющих комплекс услуг высшего класса — от организации транспорта и размещения до профессиональных егерских услуг и последующей таксидермической обработки трофеев. При этом сохраняется определённая экологическая ответственность, проявляющаяся в соблюдении принципов селективного отстрела и устойчивого природопользования, что позволяет сочетать рекреационные цели с задачами сохранения биоразнообразия уникальных экосистем Якутии [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 гг.].

Сложившаяся типология демонстрирует адаптацию традиционных охотничьих практик к современным социально-экономическим условиям, где параллельно существуют экономически значимый промысел, рекреационно-хозяйственная деятельность и спортивно-коммерческое направление. Существование и развитие указанных типов охотничьей деятельности обеспечивается соответствующей нормативно-правовой базой, центральное место в которой занимает система лицензионных платежей.

Современное охотничье сообщество Якутии неоднородно. В нём можно выделить несколько устойчивых социальных типов, различающихся по

профессиональному статусу, экономическим мотивам и культурным установкам.

Наиболее архаичный и тесно связанный с традиционным укладом жизни тип — потомственный промысловик-сельчанин, представленный преимущественно представителями коренных малочисленных народов Севера и старшим поколением сельских якутов. Для этой группы охота составляет основу жизнедеятельности и является неотъемлемым компонентом культурной идентичности. Промысловики данного типа отличаются глубинным знанием местности, приверженностью традиционным методам охоты и соблюдением ритуальных практик, направленных, по их представлениям, на поддержание баланса в отношениях с природой. Экономическая стратегия этой группы ориентирована на комплексное самообеспечение и получение стабильного дохода от реализации пушнины, что составляет основу товарного охотничьего хозяйства в удалённых районах республики. Сохраняя преемственность поколений, потомственные промысловики выступают носителями уникального пласта традиционных знаний, включая способы ориентации на местности, методы выслеживания зверя, технологии обработки пушнины и приготовления традиционных продуктов охоты. Именно в этой среде этноэкологическая культура, основанная на принципах рационального природопользования и сакрального отношения к природным ресурсам, наиболее полноценно сохраняется [Федоров, 2025а].

Второй социальный тип — городской охотник-любитель, для которого охота не является основным источником дохода. Представители этой группы, как правило, имеют постоянную работу в населённых пунктах и рассматривают охоту как форму досуга, способ пополнения семейных пищевых ресурсов или средство поддержания связи с традиционной культурой. Их мотивация носит смешанный характер, а регулярность занятий охотой значительно ниже, чем у промысловиков. В процессе активной урбанизации и глубокой трансформации традиционного уклада жизни в

Якутии сформировался наиболее массовый и социально разнородный тип охотника-любителя, представляющий собой сочетание различных социальных страт. Данная категория объединяет как сельских жителей, сохраняющих генетическую связь с многовековыми промысловыми традициями, так и представителей урбанизированного населения, обращающихся к охоте как к компенсаторной форме рекреации в условиях отрыва от природной среды. Социокультурный феномен охотника-любителя отражает сложные процессы адаптации традиционных практик к реалиям современного общества, где происходит постоянное переосмысление роли и функций промысловой деятельности.

Третий тип — спортсмен-охотник, ориентированный на трофейную охоту и коммерческую организацию охотничьих туров. Для этой группы на первый план выходят соревновательные мотивы, престиж и использование современных технических средств. Данный тип активно формирует специализированную инфраструктуру охотничьего туризма и в наибольшей степени интегрирован в рыночные отношения. На противоположном полюсе охотничьего сообщества располагается тип «спортсмена-трофейщика» — наиболее коммерциализированный и технологически оснащённый сегмент. Его представители, как правило, имеют высокий доход, городской образ жизни и предпринимательскую ментальность. Они активно используют квадроциклы, снегоходы, тепловизоры, приборы ночного видения, современные GPS-навигаторы и беспилотные летательные аппараты. В данном случае техническая оснащённость становится не только инструментом, но и статусным маркером. В трофейной охоте переплетаются спортивный азарт, соревновательный интерес, стремление к рекордам и соображения престижа, связанные с демонстрацией успеха. Трофей превращается в форму социальной коммуникации и материальное доказательство достижений. Спортсмены-трофейщики селективны в выборе объектов охоты: они отдают предпочтение ценным и редким видам с высоким трофейным потенциалом, выбирают эксклюзивные охотничьи угодья с

развитой инфраструктурой и участвуют в коммерческом, в том числе международном, охотничьем туризме. При этом, по наблюдениям исследователей, многие из них сохраняют отдельные элементы традиционной охотничьей этики: соблюдают установленные нормы добычи, уважают местные обычаи и следуют негласному профессиональному кодексу. Спортсмен-трофейщик представляет собой продукт рыночных отношений, в рамках которых охота трансформируется в элитарный досуг, находящийся на стыке роскоши, экстрима и престижа. Однако в якутском контексте даже этот коммерциализированный сегмент сохраняет определённую связь с местными традициями, адаптируя их к глобальным условиям [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 г.].

Таким образом, охотничье сообщество Якутии представляет собой социально дифференцированную структуру, в которой сосуществуют и взаимодействуют группы с различными — подчас противоположными — ценностными ориентациями и экономическими стратегиями. Эта внутренняя разнородность создаёт как потенциал для развития отрасли, так и источник противоречий, требующих учёта при разработке и реализации охотничьей политики в регионе.

У охотников в Якутии можно выделить сложный комплекс мотивов, в котором переплетаются как досуговые, так и хозяйственные элементы. Среди наиболее значимых побуждений — охотничий азарт, потребность в отдыхе и общении с природой, а также практическая задача пополнения пищевых запасов. Для городских жителей охота выполняет компенсаторную функцию, помогая преодолевать технологическое отчуждение и восстанавливать психоэмоциональное равновесие через прямой контакт с природной средой. В молодёжной среде охота выступает значимым элементом культурной идентичности. Согласно опросам, 51% сельской и 45,5% городской молодёжи Якутии считают охоту важной частью самоидентификации [Идентичность, язык и культура..., 2022, С. 105]. Для молодых людей промысел становится механизмом сохранения связи с наследием предков и способом компенсации

последствий урбанизации, позволяя соединять традиционные ценности с жизнью в современном обществе.

Разнообразие социальных типов охотников обуславливает широкий спектр функций охоты в современном якутском обществе. Социокультурная и идентификационная функция обеспечивает передачу этнокультурного кода через ритуалы, табу, язык и фольклор, формирует субкультуру и преемственность поколений. Экономическая функция сохраняет своё значение: для значительной части сельского населения промысел остаётся источником пищи и дохода, особенно в сегменте регулируемого государством промысла пушных видов. Рекреационная и психологическая функция наиболее востребована городскими жителями, для которых охота выступает формой экологического туризма и способом психологической разгрузки. Экологическая функция коренится в традиционном мировоззрении, основанном на представлении о природе как о партнёре по взаимодействию. Многие охотники демонстрируют ответственное отношение к природным ресурсам и высказывают критическое отношение к «нечестной» охоте, связанной с избыточным применением технических средств [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 г.].

Якутская система охотничьего регулирования прошла долгий путь от советской централизованной модели, где охота считалась просто отраслью хозяйства, к нынешнему гибриднему состоянию. В нём федеральные нормы сочетаются с региональной спецификой, а формальные законы вынуждены считаться с традиционными практиками природопользования коренных народов. Переломным моментом стало принятие Закона «О животном мире» в 1995 г., который закрепил за охотником право собственности на добытые ресурсы [ФЗ «О животном мире» от 24.04.1995 г.]. Именно эта норма создала правовую базу для всего разнообразия современных форм охоты — от традиционного промысла до коммерческой рекреации.

В современной Якутии сложились три типа охоты, которые редко встречаются в чистом виде, но хорошо различимы по целевым установкам и

мотивации. Промысловая охота остаётся основой выживания для коренных малочисленных народов и сельского населения. Любительская охота занимает промежуточное положение: для большинства участников она не заработок, но и не просто развлечение, а способ добыть мясо для семьи, отдохнуть и удержать связь с традицией. Спортивная охота ориентирована на трофеи, коммерцию и рекреацию; здесь на первый план выходят азарт, состязательность и престиж.

Охотничье сообщество Якутии внутренне разнородно. Потомственный промысловик-сельчанин, городской любитель и спортсмен-трофейщик различаются по профессиональному статусу, доходам и отношению к традиции. Первый хранит знания о лесе, следах и повадках зверей, передавая их из поколения в поколение. Второй, живущий в городе, через охоту восстанавливает связь с природой и собственными корнями. Третий, технологически оснащённый и ориентированный на рынок, превращает охоту в элитарный досуг. При всех различиях их объединяет одно: даже в трансформированном виде у каждой из этих групп сохраняются элементы традиционного экологического сознания — представление о природе как о партнёре, с которым нужно договариваться, а не просто кладовой [ПМА, г. Якутск, 2023-2025 г.].

Эффективность современной системы регулирования держится на нескольких опорах. Гибкая шкала лицензионных платежей позволяет учитывать местные условия. ФЗ «Об охоте» 2009 г. создал механизмы согласования экономических интересов охотников с требованиями сохранения биоразнообразия [ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ]. Но даже эти законы работают постольку, поскольку на местах сохраняется уважение к неписаным правилам — взаимопомощь, запрет на хищнический промысел, сезонные ограничения, выработанные веками.

Охота для жителей Якутии — не просто способ добычи пищи или дохода. Этносоциологические опросы показывают, что для 51% сельской и 45,5% городской молодёжи она остаётся важным элементом культурной

идентичности [Идентичность, язык и культура..., 2022, С. 105]. Для молодого человека, выросшего в городе, охота становится мостом между прошлым и настоящим, механизмом, который позволяет ощутить себя частью традиции, не отказываясь от жизни в современном цифровом мире.

В итоге сложилась многоуровневая система, в которой переплелись государственное лицензирование и квотирование, общественный контроль охотничьих объединений, учёт традиционных знаний и научное обоснование решений. Эта система не идеальна — разрыв между федеральными нормативами и местными практиками сохраняется, — но она работает. Она позволяет сохранять охотничью культуру Якутии в условиях социально-экономических перемен, подтверждая, что охота остаётся значимым экономическим, социокультурным, рекреационным и экологическим феноменом. И пока охотник, выходя в тайгу, помнит не только о лицензии, но и о том, что лес — живой, а зверь — не просто мясо и шкура, эта культура будет жить.

ГЛАВА III. ОХОТНИЧЬИ ПРАКТИКИ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЯКУТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

3.1. Социокультурный облик и хозяйственные стратегии современного охотничьего сообщества

В традиционной системе жизнедеятельности у якутов-скотоводов охота занимала важнейшую роль. Так, по воспоминаниям этнографа С.И. Николаева о собственном детстве, его отец, рядовой скотовод и ремесленник, обеспечивал постоянный приток свежего мяса для пропитания. Автор отмечает, что охотник занимался добычей, не отрываясь от основной своей деятельности – скотоводства, данную охоту он классифицировал как «околодомовую». Только одна осенняя охота на зайцев приносила мяса равнозначного около одной туши якутской коровы. В зимний период так же стабильно для пропитания один охотник-скотовод добывал, помимо 4-5 зайцев в неделю различную боровую дичь: тетеревов, рябчиков, изредка глухарей и куропаток, попавших на петлю, либо подстреленных во время осмотра снастей на зайцев. В весенне-летний период основу добычи составляла водоплавающая дичь [Николаев, 2009].

Проведенный в ходе исследования опрос сельского населения показал, что из 196 опрошенных сельских жителей из 42,9% занимаются охотой, из них 75% – мужчины и 25% – женщины. В разрезе возраста: 14,3% – 18–22 года, 19% – 23–34 года, 22,6% – 35–44 года, 16,7% – 45–54 года, 19% – 55–64 года, 4,8% – 65–74 года, 2,4% – старше 75 лет. 33,7% из числа охотников, указали, что охотятся в родовых, семейных угодьях, 72,3% в пределах своего района, 8,4% выезжают для охоты за пределы района. Из них 83,3% респондентов указали, что охотятся для личного пользования, 46,4% из этих опрошенных добавили, что для них охота является видом активного отдыха; 13% отметили «другое» [ПМА, 2023 г.]. Таким образом, были выделены две группы охотников: первая группа охотится только для личного потребления добычи,

а вторая группа помимо прагматичной цели участия в охоте, рассматривает ее как вид активного отдыха.

Респонденты, ответившие, что занимаются охотой для личного потребления, отличаются материальным положением от опрашиваемых, указавших, что охота для них также вид активного отдыха. В опросах они чаще отмечали свое менее благополучное материальное положение.

Таблица 1

Виды животных, являющихся объектом охоты в разрезе основной цели охоты респондента (в %) [ПМА, 2023 г.].

	Для личного потребления	Для активного отдыха
Птица (утка, гусь, боровая птица)	89,7	97,4
Заяц	47,4	46,2
Грызуны (белка, бурундук, бобер, ондатра)	3,8	2,6
Парнокопытные животные (косуля, лось, олень и т.д.)	43,6	41
Мелкие хищники (лиса, соболь и т.д.)	20,5	25,6
Крупные хищники (медведь, волк, рысь и т.д.)	1,3	0

Как видно из таблицы мелкие хищники и птицы чаще становятся объектом охоты для активного отдыха. В остальных случаях, отличия находятся в рамках статистической погрешности [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 2023 г.; г. Якутск, 2023 г.].

Относительно применения животных в охотничьей деятельности следует отметить, что среди тех, для кого важно было отметить, что охота является видом активного отдыха 79,5% используют собаку, 10,3% – лошадь, 12,3% – подсадную птицу. В свою очередь, среди тех, кто охотится для личного пользования, 74,3% использует собаку, 15,7% – лошадь, 12,9% –

подсадную птицу [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгилю, 2023 г.; г. Якутск, 2023 г.]. Несмотря на то, что в целом данные в двух группах мало отличаются, с собаками чаще охотятся респонденты, относящиеся к охоте как к одному из видов активного отдыха, с помощью лошади – респонденты, охотящиеся для личного потребления. С собакой чаще охотятся на птицу, зайца, а с лошадью – на парнокопытных.

Благодаря активной внутренней миграции из сельской местности в городскую, увлечение охотой стало распространяться среди городского населения. В большинстве случаев в сезон охоты городские охотники выезжают на малую родину, либо в охотничьи угодья людей из своего близкого окружения. Зачастую городские охотники оставляют инвентарь и технику в селах (См. Рис. 3.21), которые близко расположены к охотничьим угодьям. Например, информант, проживая сам в г. Якутск, оставлял всю необходимую амуницию, а также внедорожную технику у своих родственников в поселке [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.]. Городские охотники в большинстве случаев оставляют в сельской местности не только инвентарь и технику, но и животных-помощников, так как их достаточно сложно содержать в городских условиях. При этом нужно отметить, что транспорт или другой инвентарь передают-принимают на хранение не очень охотно, но животных, напротив, оставляют более часто, так как они продолжают участвовать в охоте уже вместе с местными охотниками и продолжают приносить пользу. Таким образом, благодаря охоте, сохраняются социальные связи между деревней и городом. Лишь небольшое количество охотников выезжают на совершенно малознакомые охотничьи места.

В 2024 г. проанализированы отношения, выстраивающиеся между охотником и его живыми помощниками в охоте – собакой, лошадью и подсадными утками. Хорошая охотничья собака всегда ценилась дорого и знающие настоящую цену охотники не могли расстаться с ними даже за большие деньги. М.Г. Дмитриева-Сулима, исследователь-собаковед Сибири, в

своей работе отметила: «К концу XIX в. приблизительная цена на лаек составляла: худшие от 3-5 руб. и до 50 руб., выдающаяся до 100 руб. и более. В Якутской области цена за породистых собак достигала 100-600 руб.» [Дмитриева-Сулима, 1898, С. 102]. На сегодняшний день собака породы «Лайка» обходится в среднем в 15 000 руб. По описаниям исследователей в конце XIX в. в Вилюйском округе была распространена тунгусская лайка, в бассейнах Лены и Оленька – якутская [Миддендорф, 1878, С. 743]. В работах современных исследователей якутская собака была изучена не только в качестве биологического вида [Войлочникова, 2012, С. 311-312], но и в качестве актанта во взаимоотношениях с человеком [Васильева, Яковлев, 2023, С. 102-125].

Полевые материалы показали, что отношение к собаке может варьироваться в зависимости от мотивов собаководов. В настоящее время в среднем у промысловиков в сельской местности проживают до 6 собак [ПМА, г. Якутск, 2024 г.]. Часть этих собак являются «рабочими», что подразумевает под собой активное вовлечение в охотничью деятельность. Остальные – собаки более молодого помета. Опытные собаки своим примером натаскивают и обучают молодых псов промыслу. Наиболее ценными являются собаки, охотящиеся на медведя, крупных копытных и на пушных зверей [ПМА, г. Якутск, 2023 г.].

У профессиональных охотников-промысловиков охотничьи собаки чаще рассматриваются как инструменты для достижения охотничьих целей. Прагматический подход к использованию охотничьих собак включает строгую дрессировку и тренировки, направленные на развитие определенных навыков и качеств. Про обучение собаки главенствует мнение, что даже собаку с самыми лучшими вводными данными необходимо приучать и работать с ней. Далее приводим слова информанта (Ю.Б., муж., 1963 г.р.) [ПМА, г. Якутск, 2024 г.], руководителя питомника «Байанай»: *«С собакой нужно работать постоянно, выезжать в лес, водить на охоту, иначе от такой собаки не будет никакого толка...когда я отдаю щенка новому хозяину,*

я говорю, что даю ему высококлассное «тесто» и теперь он решает, что из этого «теста» готовить. Если не будет заниматься с собакой, то ничего путного не выйдет. Если же он будет возить его постоянно на охоту, на поля, даст общаться с другими опытными собаками, то этот щенок вырастет первоклассным охотничьим инструментом и верным другом. Щенки быстро учатся. Бывает так, что собака плохо воспринимает обучение, они ведь как люди – кто-то умнее, кто-то более туго воспринимает учебу...».

Успешное взаимодействие между охотником и собакой зависит от множества факторов, включая дрессировку, эмоциональную связь и социальную интеграцию. Эти взаимодействия формируют сеть, в которой каждый актер играет важную роль, способствуя достижению общих целей и успешной охоте. Различные элементы сети взаимодействуют и влияют друг на друга, создавая сложную и динамичную систему. Охотник, как ключевой актер, не только передает свои знания и опыт, но и активно участвует в формировании эмоциональной связи с собакой. Эта связь, в свою очередь, укрепляется через постоянное взаимодействие и совместное времяпрепровождение, что способствует развитию взаимного доверия и привязанности. Собака, как социальное животное, также играет активную роль в этом процессе, проявляя преданность и готовность к сотрудничеству.

По использованию в охоте утки бытует иное мнение. Здесь мы видим полностью инструментальный характер отношения к животному. Охота с подсадными утками представляет собой метод, основанный на использовании специально обученных уток для привлечения диких сородичей. Подсадные утки своим голосом привлекают внимание диких селезней, которые подлетают к ним в поисках пары и в момент подлета селезней охотник, находящийся в укрытии, начинает стрельбу. Хорошие экземпляры подсадных уток содержатся по несколько лет и ежегодно используются в охоте. Охотники относятся к таким подсадным уткам не иначе как к «инструменту», так, в ходе интервью один из охотников (П.Д., муж., 1984 г.р.) сообщил следующее: «Эта

утка «ветеран», осталась в живых с прошлого года. Зимой содержалась у товарища в теплом помещении, надеюсь этот год тоже переживет, посмотрим» [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.]. На территории Якутии охота с подсадными утками стала развиваться в 2010-х гг., однако наибольшую популярность приобрела после запрета, установленного Приказом Минприроды России № 477 от 24 июля 2020 г. [Приказ Минприроды России от 24 июля 2020 г.] на использование электронных манков. Данные устройства были относительно доступными, но их мощность слишком большая для любительской охоты. Большинство охотников отмечает, что при использовании электронных манков охота значительно облегчается, но это создает неравные возможности для охоты между охотниками, оснащенными подобной техникой и тех, кто ее не имеет. Таким образом подсадные утки пришли на смену запрещенным электронным манкам, используемым при охоте на водоплавающую дичь. За короткое время в республике сформировался свой собственный рынок подсадных уток, как привозных, так и выведенных местными. Стоимость подсадной утки варьируется от 5 до 7 тысяч рублей, причем сумма может меняться в зависимости от сезона, возраста и такой характеристики утки как крикливость [ПМА, Хангаласский район, с. Улах-Ан, 2023 г.].

Лошадь, как единственный вид транспорта, часто использовалась в охотничьей деятельности, потому к ней было соответствующее отношение. Так, еще в XIX в. В.Л. Серошевский писал, что якуты «страстно любят лошадей», так же он отмечает, что никогда не видел, чтобы якут бил или ругал лошадь, по словам опрошенных «Кони умны, как люди: нельзя оскорблять их. Ты только посмотри, как они ходят по лугам, они никогда зря, подобно коровам, не топчут, не разоряют копен, они берегут человеческий труд» [Серошевский, 1994, С. 264]. Р.К. Маак среди всей информации о якутских лошадях отметил, что «...хорошие лошади, кроме того, бывают приучены к тому, чтобы, сидя на них, можно было стрелять» [Маак, 1898, С. 151]. Привлечение лошадей в качестве помощников в охоте напротив постепенно

отходило на второй план в связи с тем, что технологии сильно упростили охотничью деятельность. Так, начиная с 1980-х годов с появлением легкой гусеничной техники [Хоботов, 1973, С. 29] в зимнее время начали постепенно отказываться от лошадей. Информант из с. Аргахта Среднеколымского района, охотник-промысловик (С.М., муж., около 1960 г.р.) отметил [ПМА, Среднеколымский район, с. Аргахта, 2021 г.], что поддержка государства в то время была значительной: оплачивали затраты на деятельность, обеспечивали всем необходимым оборудованием, оружием, амуницией и т.д.; кроме того, до охотничьих угодий доставляли на вертолетах, т.е. на дальние расстояния использовалась летная техника. Постсоветское время характеризуется спадом поддержки государства техническими новшествами местного населения. Однако, в это время на рынок начали поступать другие технические средства. Например, стали использоваться самодельные болотоходы. В настоящее время охота верхом на лошади явление достаточно редкое. Так, информант, пожелавший остаться инкогнито (Н.Н., муж., прим. 1970 г.р.) сообщил [ПМА, Среднеколымский район, с. Аргахта, 2021 г.], что в наступающем году охота будет более удачной, так как сельчане закупили довольно много колесных болотоходов. С учетом болотистой местности вокруг села, это приобретение наиболее выгодно, чем покупка автомобилей, трактора, мотоциклов и т.д. Информант из с. Черкех Таттинского района (А.К., муж., 1994 г.р.) говорит [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.], что, на его взгляд, болотоходы выгодно отличаются от лошадей своей неприхотливостью, вместительностью и возможностью проезда не только по твердому грунту, но и по топким болотам, небольшим водоемам, что намного облегчает и сокращает путь. Другой информант из того же села (Н.Н., муж., 1984 г.р.) сообщил о том, что приобретение снегоболотохода позволило емукратно увеличить количество добычи [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.]. Данные, приведенные информантами, показывают нам, что выбор между лошадей и современной техникой для современных охотников

очевиден, для тяжелого физического труда – охоты – главенствующее значение играют удобство и неприхотливость транспорта.

Помимо ранее перечисленных новшеств в настоящий момент в арсенале некоторых охотников появились тепловизионные окуляры и прицелы, с помощью которых охотники добывают зверей в темное время суток. Некоторые из наиболее дорогих приспособлений охотники приобретают совместно, группой, затем пользуются ими при групповых выездах. Основные покупки совершаются задолго до начала сезона охоты. Подготовка и планирование к следующему сезону охоты начинается практически сразу после завершения предыдущего сезона. Некоторые приспособления часть охотников воспринимают как орудие браконьерства. Так, в ходе полевых работ информант (Н.Н., муж., 1965 г.р.) из с. Тумул Хангаласского района сообщил [ПМА, Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.], что местные охотники коллегиально решили не использовать тепловизионные устройства для охоты, потому устройства, имевшиеся в наличии у охотников села, были выведены из употребления. Информант исключает возможность нарушения данного негласного правила, так как верит в особую охотничью солидарность, уважение к коллегиальной договоренности общества охотников села. Кроме того, большинству охотников не нравится использование запрещенных законом, но тем не менее пользующихся большой популярностью электронных манков при охоте на водоплавающую дичь, так как в радиусе нескольких километров этот манок привлекает всех пернатых без особых усилий – требуется всего лишь подключить устройство и ждать приводнения птиц. Данные устройства стоят относительно недорого и являются автономными, но их мощность слишком большая. Информант (С.Т., муж., 1994 г.р.) из г. Якутска сообщил [ПМА, г. Якутск, 2022 г.], что *«Если электронные манки есть на соседнем озере, то считай охота не задалась. Будешь сидеть и смотреть как высоко над тобой пролетают птицы и садятся к соседям с манком, и только слышно будет их выстрелы. Лучшие уж сразу собраться и пойти домой»*. В настоящий момент использование таких

манков пошло на спад, так как его запретили как устройство, которое используется для уничтожения слишком большой популяции пернатых.

Проведенный анализ охотничьих практик в Якутии демонстрирует их значимость как в традиционной системе жизнедеятельности, так и в современном социокультурном пространстве. Высокая востребованность охоты подтверждается статистическими данными: плотность специализированных магазинов [Электронный справочник «2ГИС»] в Якутске (1 магазин на 4616 человек) существенно превышает аналогичные показатели в других регионах России [Итоги Всероссийской переписи...].

К началу 2023 г. в Республике Саха (Якутия) было зарегистрировано 94 465 владельцев гражданского оружия с общим количеством вооружения в 164 733 единицы [ЯСИА]. Количество совершеннолетних жителей Якутии составляет 703 066 чел. [Итоги Всероссийской переписи...], в процентном соотношении 13,5% взрослого населения имеют огнестрельное оружие, что делает Якутию одним из самых вооружённых субъектов Российской Федерации. Для сравнения, в России общее количество совершеннолетних жителей составляет 119466511 [Итоги Всероссийской переписи...] чел., а зарегистрированных владельцев оружия – 3745503 [Статистические данные...] гражданина, что в 2022 г. составило 3,13 %. Эти цифры отражают не только экономическую роль охоты – источника дохода и продовольствия для сельских жителей, – но и её культурную преемственность, поддерживаемую миграцией сельского населения в города.

Современные технические средства заметно меняют традиционные способы промысла и вызывают споры об этичности их применения (См. Рис. 3.22). Некоторые охотничьи сообщества добровольно отказываются от таких новшеств. Вероятно, это можно рассматривать как свидетельство сохранения элементов экологической этики. Главными помощниками охотников по-прежнему остаются собаки. Их селекция и дрессировка соединяют традиционные приёмы с современными методами тренировки. Однако отношение к животным-помощникам, включая подсадных уток, становится

всё более прагматичным. Нередко их воспринимают как функциональные «инструменты», а не как равноправных участников охоты.

Исторически охота в Якутии была встроена в натуральное хозяйство и обеспечивала значительную часть рациона. В наши дни, несмотря на широкое внедрение техники, она сохраняет мультифункциональность — сочетает экономическую, рекреационную и идентификационную роли. Можно говорить о постепенном смещении акцентов: от сакрального взаимодействия с природой к более технократическому подходу. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, особенно в части соотношения традиционных норм и антропогенной нагрузки на экосистемы. Охота остаётся важной частью якутской культуры. Насколько удастся согласовать инновации с этноэкологическими традициями — во многом определит её дальнейшую судьбу.

Еще одним фактором трансформации охотничьей деятельности является климатические изменения. Эти изменения беспокоят практически всех местных жителей. Например, происходящими изменениями и трансформациями в природе обеспокоены жители села Сыдыбыл. Вот что сообщила жительница данного села (А.П., жен., 1940 г.р.): *«...когда я была моложе, весной, когда просыпалась природа, стоял терпкий и густой хвойный аромат, а сейчас даже если ты будешь нюхать хвою с руки, ничем не пахнет. Я думаю, что всё это результат увядания природы. К тому же, я заметила, что растения и деревья желтеют очень рано, такого в моём детстве не было. Так же, многие озера уменьшились, а то и вовсе высохли и пропали. Зима стала слишком теплой, это очень плохо для нас якутов, сейчас нет настоящих морозов под -50 градусов. Однако, лето, наоборот, холодное. Конечно же, огромного влияния климатических изменений лично в своей жизни мы не чувствуем, просто в целом изменения заметны, скорее всего изменения более заметны для тех, кто проводит больше времени в лесу...»* [ПМА, Вилуйский район, с. Сыдыбыл, 2017 г.]. Другой информант (П.А., муж., 1949 г.р.) из того же села отмечает не только климатические изменения,

но также говорит об их пагубном влиянии на подсобное хозяйство и на охотничью деятельность: «...изменений в климате очень много. Весна приходит слишком рано, осень наступает слишком поздно, а зимой не холодает от слова совсем, поэтому, можно сказать, что потепление идет. Лето совсем засушливое, жаркое, трава нормально не растет. Я думаю, что наступает засуха: озера потеряли очень много воды, некоторые совсем исчезли. Когда наступит засуха, повысится популяция зайцев, а популяция уток уменьшится. Когда я был маленьким, да, были холода, помню, что была температура -62 градуса. Лет десять еще назад температура зимой неделю держалась ниже -50, а сейчас совсем тепло стало, даже не опускается ниже -50. Такое потепление, лично для меня, может пагубно влиять на моё хозяйство, может затопить пастбища, при засухе может произойти дефицит сена...» [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2017 г.].

Одним из последствий современного климатического кризиса является изменение ареала обитания диких животных. В результате глобального потепления многие виды животных вынуждены мигрировать в поисках новых мест обитания, где условия окружающей среды будут более благоприятными для их существования. Одним из последствий миграции животных является затруднение поиска подходящей дичи охотниками, которым приходится уходить на большие расстояния от дома, чтобы добыть ту или иную дичь. Иногда такой климатический кризис способствует полному исчезновению некоторых видов животных из определенной местности. Кроме того, повышение среднегодовой температуры влечет за собой деградацию почвы, что также негативно сказывается на среде обитания животных. Деградация почвы может привести к уменьшению количества растительности, которая является источником пищи для многих видов животных, а также к уменьшению доступности воды.

В связи с изменением ареала обитания животных участились случаи обнаружения хищных животных (медведи, волки) вблизи населенных пунктов. Животные в поисках пищи исследуют окрестности поселений, в

качестве пропитания используют продукты человеческой жизнедеятельности, отходы и т.д. оставляемые в местах сбора бытового мусора. Так же фиксируются неоднократные эпизоды нападения на сельскохозяйственных и домашних животных. В Республике, в связи с этим, проводятся различные мероприятия по регулированию численности хищников (См. Рис. 3.23-3.27).

Высокий спрос на охотничью деятельность обусловлен тем, что данные виды промысла могут служить дополнительным источником дохода. Например, для одного из опрошенных нами информантов (Н.Н., муж., ок. 1960 г.р.) в с. Исит существенную часть бюджета составляла добыча струи кабарги, которая имеет высокую востребованность на рынке охотничьей продукции [ПМА, Хангаласский район, с. Исит, 2017 г.]. Охота играет значительную роль в качестве источника дохода, особенно для жителей отдалённых и малонаселённых регионов, где ограничены возможности трудоустройства. Кроме того, охота и рыбалка являются способом получения свежих продуктов питания, что также имеет большое значение для сельских жителей, которые зачастую имеют ограниченный доступ к привозной продукции.

Обеспечение устойчивости промысла всегда требовало эффективных способов хранения добычи, которые сегодня подвергаются серьёзным испытаниям. Более традиционным для охотников Якутии способом сохранения добычи является использование лабазов. Лабазы могли отличаться конструктивно. Например, в одной из глав работы «Народы Северо-Востока Сибири», посвященной юкагирам, отмечено, что лабазы представляли из себя выполненные из дерева помосты на четырех столбах, скрепленные четырьмя поперечными перекладинами, на которые уложен настил из жердей [Плужников, Шадрин, 2010, С. 658]. Эвены же, как отмечает Е.К. Алексеева, обычно устраивали лабазы на стволах близко стоящих деревьев. В таком случае спиливалась кроны деревьев и оставались стволы высотой в 1,5–2 м. Такой лабаз также имел бревенчатый настил [Алексеева, 2024]. Вместе с тем, вне зависимости от своего устройства, лабазы обладали в целом схожим функционалом – позволяли с помощью «ресурсов холода» сохранять на

безопасном от хищников удалении добытую продукцию до установления надежного пути к своим поселениям, либо же выступая в качестве хранилища запасов продовольствия, которыми можно было воспользоваться в период зимнего промысла.

Дальность выезда предполагает охоту на местах охотничьих угодий в течении длительного времени, в связи с чем требуется место для хранения дичи для дальнейшей транспортировки в поселок. Для этого ранее активно использовались вырытые у охотничьих изб ледники – булуус. В ходе полевых работ не удалось найти полностью функционирующий ледник в местах охоты, все имеющиеся булуусы были затоплены либо обвалены в связи с проникновением талых вод. Одним из интересных примеров адаптации является хранилище, найденное в Вилуйском районе. В местности Кебйи местные охотники соорудили конструкцию для хранения водоплавающей дичи в период охотничьего сезона: было вырыто четырехугольное углубление, внутри которого была закопана половина металлической бочки в вертикальном положении с самодельной крышкой, дно было застелено ПВХ-тентом, который выступает так же изоляционной прослойкой. Со слов информанта (П.Д., муж., 1984 г.р.), данная конструкция сохраняет добычу до 10 дней в хорошем состоянии. Информант так же поведал о планах усовершенствовать своё хранилище, в скором времени он планирует таким же образом закопать не функционирующий бытовой холодильник. Информант надеется на увеличение продолжительности срока хранения добычи [ПМА, Вилуйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.].

Эти адаптации являются прямым ответом на растущую проблему «дефицита холода», которая самым непосредственным образом ударяет по традиционным практикам. Информанты единодушно отмечают, что прежние способы хранения перестают быть надежными. В этой связи показательны сведения, полученные от информанта из Олекминского района (А.С., муж., 1975 г.р.): *«Раньше, даже в 2010-х гг., мы с отцом охотиться на сохатых ездили в сентябре. После добычи часть мяса мы забирали с собой, часть –*

оставляли на лабазе. Потом, в последующем, мы спокойно ели это мясо, когда приезжали на пушную охоту. А сейчас, когда ты так же его оставляешь, то это мясо невозможно потом есть, оно уже с душком» [ПМА, Олекминский район, с. Юнкюр, март 2023 г.].

Другой проблемой, связываемой информантами с «дефицитом холода» и деградацией ММП (многолетнемерзлых пород), является ухудшение транспортной доступности их угодий, в целом – большая ресурсозатратность процесса перемещения из своего населенного пункта к промышленным участкам. Прежде всего, отмечается разрушение лесных дорог и троп. Зачастую теперь для того, чтобы добраться до своих охотничьих угодий, сельчанам требуются тракторы, вездеходы, снегоболотоходы и т.д. которые, во-первых, стоят довольно дорого, во-вторых, потребляют большее количество топлива. Это приводит к тому, что охотникам исключительно на дорогу приходится тратить существенно больше материальных ресурсов. С подобной проблемой столкнулся, например, наш информант (Д.Н., муж., 1988 г.р.) из Таттинского улуса. Несколько лет он не мог успешно добывать копытных, т.к. из-за ухудшения состояния лесных дорог к отдаленным угодьям у него не было возможности добраться до них даже на внедорожнике. Ситуацию позволило решить лишь приобретение специальной высокопроходимой техники [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.]. Респонденты, опрошенные в Вилюйском районе, сообщают, что раньше они могли добираться до охотничьих угодий на легковых автомобилях от места своего проживания, однако сейчас для этого необходим транспорт повышенной проходимости или лошадь. Также свой отпечаток накладывает изменение среды обитания промысловых животных, в результате чего охотникам приходится преодолевать большие расстояния в их поиске [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.].

Картину последствий «дефицита холода» и сезонных сдвигов для охотничьей деятельности в контексте транспортной доступности дополнил также информант из с. Юнкюр (С.П., муж., 1957 г.р.): *«Когда я только начинал*

охотиться, то трудился на «земле», т.е. на пашнях и ждал, когда работа на полях закончится и замерзнет земля для того, чтобы можно было уехать на охоту. Помню, сперва спрашивал у стариков про примерное число и мне отвечали, что земля замерзает 11 октября. Действительно потом мог убедиться, что так и было. Выезжали в октябре и уже к 7 ноября из охоты все возвращались. Сейчас некоторые только начинают выезжать в ноябре, т.к. до замерзания грунта невозможно проехать к охотничьим угодьям: все болота, озера, реки талые. Кроме того, мех у пушнины еще не «вызрел», т.к. тепло» [ПМА, Олекминский район, с. Юнкюр, март 2023 г.].

Помимо деформации непосредственно полотна лесных дорог и троп, ухудшение транспортной доступности охотничьих угодий жители исследованных нами сел Якутии связывают с процессами термоэрозии на окружающих пути сообщения участках. В результате нее происходит блокирование проездных путей валежником. К примеру, другой охотник-любитель из с. Юнкюр (А.С., муж., 1975 г.р.) отметил следующее: *«Чтобы переехать с одного участка на другой мы проезжали через просеку, которую вырубил для геофизических работ. В конце сентября 2022 г. мы собрались выехать на эту дорогу, но весь путь был завален валежником. В результате, чтобы проехать эти 150 м, первые два раза я объехал данный участок, потратив в районе 2,5 ч. В третий раз, вооружившись пилой и затратив 2 ч, очистил даже не проезд, а проход для лошади с сумами. Вообще же – очень трудно стало проезжать через тайгу, конь постоянно проваливается в западины» [ПМА, Олекминский район, с. Юнкюр, сентябрь 2023 г.].*

Информанты сообщают о появлении случаев высыхания озёр и возникновении болот или озёр на ранее засушливых участках. Дополнительно они отмечают, что ранее передвигались на легковых автомобилях до места дислокации, но в настоящее время проезд до угодий возможен только на транспорте повышенной проходимости, а также лошадях. Кроме того, изменение ареала обитания животных накладывает необходимость выезжать всё дальше в поисках дичи. Интересным наблюдением является то, что сейчас

опытные водители-охотники примерно знают, когда начинается оттайка почвы, и во время весенней охоты стараются выехать на удовлетворительную дорогу задолго до наступления оттепели, так как после того как почва оттаёт, возможные пути проезда на транспорте резко снижаются [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

В условиях низкой рентабельности охотничьей деятельности в Якутии, невысоких закупочных цен принимающими добытый продукт организациями, подобные природные вызовы, естественно, повышают риски для тех сельских жителей, у которых охота является основной статьёй дохода и, в первую очередь, конечно же, для профессиональных охотников. В данном отношении интересные и весьма репрезентативные сведения сообщил нам профессиональный охотник из с. Аргахта (М.С., муж., ок. 1960 г.р.): *«В сезон тратится около 2 т бензина. За весеннюю или осеннюю охоту на уток нужно около 500 патронов. Деятельность покрывает расходы, остаётся немного на приобретение пищи, необходимых вещей. Во времена Союза было лучше, конечно же. Исправно платили зарплату, обеспечивали всем необходимым. Сейчас расходы на плечах охотника, не особо выгодно. Кроме того, сказываются последствия изменения климата. Сезоны перелёта птиц сместились. Миграция птиц изменилась, турпаны гнездятся севернее. Так же изменилась миграция диких оленей и сохатых, теперь их стало сложнее добыть. Нужно ехать дальше, тратить больше бензина. Т.е. из-за пожаров и изменения климата звери ушли дальше на север. Раньше добывали ондатру в большом количестве. Рекорд – 5500 особей, в среднем 4500–5000. Из-за того, что ондатру перестали ловить, они перегрызли друг друга, их осталось мало. Плюс к этому засушливое время, озера засохли – ондатры ушли. Пушнину теперь принимают за бесценок – 2000–3000 руб., раньше (лет 10 назад) платили 7000 руб. за шкурку. Цены же с тех пор сами знаете, как изменились...»* [ПМА, Среднеколымский район, с. Аргахта, 2021 г.]. Кризис охотпромысла, например, в с. Аргахта уже имеет следствием «перепрофилирование» значительной части из порядка 30 ледников,

расположенных на отдаленных угодьях, под нужды рыболовства [ПМА, Среднеколымский район, с. Аргахта, 2021 г.].

Охотничья практика в Якутии глубоко трансформировалась: от основы системы жизнедеятельности она эволюционировала в сложный социокультурный феномен. Исторически охота была встроена в натуральное хозяйство как «околодомовая» деятельность и обеспечивала значительную часть рациона. Этнографические данные подтверждают: только за осенний сезон добыча могла равняться туше якутской коровы.

Современное состояние охоты двойственно. Её экономическое значение сохраняется для 83,3% охотников, особенно среди менее обеспеченных групп. Одновременно набирает силу рекреационная функция, важная для 46,4% опрошенных. Эта двойственность проявляется и в выборе объектов промысла: мелких хищников и птиц чаще добывают ради активного отдыха, тогда как для личного потребления различий в выборе дичи почти нет [ПМА, 2023 г.].

Технологическая модернизация существенно изменила охотничью практику. Лошадей сменила высокопроходимая техника, появились тепловизоры и электронные манки, порождающие среди охотничьего сообщества закономерные этические споры. Часть охотников добровольно отказалась от новшеств, стремясь сохранить элементы экологической этики. Перемены затронули и отношения с животными-помощниками. Если раньше к лошадям относились почтительно, то теперь собак используют прагматично, а подход к подсадным уткам стал полностью инструментальным — последние, кстати, заменили запрещённые электронные манки.

Климатические изменения создали серьёзный вызов. Возник так называемый дефицит холода: из-за него нарушились традиционные способы хранения добычи, ухудшилась и транспортная доступность угодий — сказывается деградация вечной мерзлоты. Меняются ареалы обитания животных и сезонные миграции, в следствие чего охотникам приходится преодолевать большие расстояния, а значит, растут затраты на промысел. Все

эти факторы, наряду с низкими закупочными ценами, снижают рентабельность охоты, особенно для профессионалов.

Важнейшим адаптационным механизмом остаётся устойчивая социальная структура охотничьего сообщества. В ней сохраняются родовые угодья, поддерживаются связи между городскими и сельскими жителями, передаются традиционные знания. Именно эта структура позволяет промыслу выживать в условиях экономического и климатического давления.

3.2. Предметный мир, социо-нормативные и символические аспекты охоты в современном контексте

Изучение неформальных сообществ укоренено в традиции социальных наук и сохраняет исследовательскую значимость на протяжении нескольких десятилетий. В зарубежной академической литературе анализ субкультурных феноменов опирается на концептуальный аппарат, разработанный классиками культурных исследований. Дик Хэбдидж [Hebdige, 1979] в работах, посвящённых стилю и практикам сопротивления, показал, каким образом маргинальные группы используют символические ресурсы для конструирования коллективной идентичности. Стюарт Холл [Hall, 1973], развивая теорию кодирования и декодирования культурных смыслов, раскрыл механизмы производства и рецепции субкультурных значений в контексте доминирующей идеологии. Теодор Роззак [Roszak, 1969] в исследованиях контркультурных движений обосновал трансформационный потенциал неформальных сообществ в условиях позднего модерна.

Для сравнительного анализа охотничьих сообществ значимой представляется работа Джона Литтлфилда [Littlefield, 2011], посвящённая охотничьей субкультуре южных штатов США. Автор рассматривает охоту как многосложный социокультурный комплекс, выполняющий не только экономические функции, но и выступающий механизмом социализации в сельских сообществах. Литтлфилд подчёркивает, что охотничьи практики

формируют устойчивые социальные сети, обеспечивают межпоколенную передачу традиционных ценностей и порождают особые формы солидарности, основанные на общем опыте взаимодействия с природной средой. Указанные исследования создают теоретическую основу для анализа охотничьих сообществ в различных культурных контекстах, в том числе в якутской традиции.

В культурных исследованиях субкультура определяется как социальный феномен, возникающий в процессе самоорганизации групп внутри доминирующего культурного пространства. Субкультуры не сосуществуют параллельно с мейнстримной культурой, но активно конструируют альтернативные системы значений через выработку собственных норм, ценностей и поведенческих практик. Эти системы формируют символический язык, позволяющий членам сообщества идентифицировать «своих» и дистанцироваться от «чужих». Ключевое значение в этом процессе приобретают визуальные маркеры идентичности, которые, согласно Стюарту Холлу [Hall, 1973], служат важнейшим средством культурного кодирования. Внешний вид выступает в качестве текста, декларирующего принадлежность к определённой социальной группе и её ценностным ориентациям.

Охотничье сообщество современной Якутии представляет собой показательный случай для исследования указанных процессов. Традиционные элементы охотничьего костюма органично сочетаются с современными технологичными элементами экипировки: термобельём, мембранными тканями, навигационными устройствами. В результате формируется гибридный стиль, не сводимый к простому смешению традиции и инновации. Этот визуальный код выполняет не только утилитарные функции, обусловленные суровыми климатическими условиями, но и выступает значимым маркером профессиональной и культурной идентичности. Через него транслируются ценности, значимые для северного сообщества: связь с природой, преемственность традиций и особый статус охотника, понимаемый

как способность к автономному существованию в природной среде и поддержанию баланса в отношениях с ней.

Среди якутских охотников сформировалась особая система предпочтений в выборе одежды и экипировки, представляющая собой сложный семиотический комплекс, где материальные объекты приобретают глубокий символический смысл. Как отмечают исследователи материальной культуры, в частности Пьер Бурдьё [Bourdieu, 1977] в своей теории практик, подобные предпочтения выходят далеко за рамки простого утилитарного выбора, превращаясь в значимый символический капитал, который не только обозначает принадлежность к субкультуре, но и конструирует социальные границы внутри сообщества.

В якутском охотничьем сообществе сложился своеобразный стандарт среди предпочитаемых брендов: международные марки типа «Remington», «Sitka» или «Kuiu» соседствуют с местными производителями, адаптирующими глобальные охотничьи тренды к специфическим условиям якутской тайги [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.; Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.; Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.; Хангаласский район, с. Техтюр, 2025 г.; г. Якутск, 2023 г.; Якутск, 2024 г.; г. Якутск, 2025 г.].

Визуальные характеристики этой одежды, а именно камуфляжные расцветки (лесной, болотный, зимний) и специализированный крой, обеспечивающий свободу движений и многослойность в резко континентальном климате, решают не только практические задачи. Они выполняют и важную семиотическую функцию. Судя по полевым наблюдениям, охотники нередко носят такую экипировку и в городе, когда не собираются на промысел. По терминологии Ирвинга Гофмана [2000], это можно рассматривать как «представление себя» в определённом социальном круге. В охотничьей субкультуре эти предметы гардероба становятся значимыми символами. Конкретные модели камуфляжа, типы обуви, ножи

определённых марок выступают невербальными маркерами. Они могут указывать на специализацию владельца, его опыт, принадлежность к локальной группе, участие в престижных коллективных охотах. Иными словами, материальная культура якутских охотников работает как знаковая система, где экипировка служит средством коммуникации и поддержания групповой идентичности.

Для постороннего человека эти визуальные маркеры ничего не значат. Такая избирательная доступность типична для неформальных сообществ: внешние атрибуты отделяют «своих» от «чужих». В якутском случае эта граница имеет сложную конфигурацию, поскольку субкультура складывается на пересечении традиционных практик природопользования и современных веяний, включая технологичные материалы, брендовую экипировку и навигаторы. Двойственность проявляется и в языке. Якутская охотничья лексика детально разработана. Как показывает Скрябина [2017, С. 178–180], в ней зафиксированы тонкие различия в поведении зверей, типах снежного наста, сезонных изменениях ландшафта. Например, в якутском языке есть несколько десятков названий для следов животных в зависимости от вида зверя, возраста следа, направления движения и времени суток. Однако сегодня этот пласт размывается. Молодые охотники всё чаще используют русские и английские заимствования (снегоход, квадроцикл, эхолот, GPS), а традиционные термины уходят в пассивный словарь или забываются. Охотничий дискурс якутского сообщества демонстрирует, таким образом, противоречивую динамику: с одной стороны, сохраняется ядро лексики, связанной с непосредственным взаимодействием с природой; с другой — активно заимствуется терминология, описывающая техническое оснащение промысла. В этом проявляется общая для многих традиционных обществ закономерность: язык дольше всего удерживает те понятия, которые связаны с практическим выживанием, и быстрее всего меняется в сферах, где появляются новые технологии.

Современный охотничий жаргон якутов представляет собой сложный лингвистический гибрид, где архаичные термины соседствуют с неологизмами, отражающими технологическую модернизацию промысла. В работах социолингвистов особо подчеркивается активный процесс заимствования англоязычной лексики, который сопровождается фонетической и семантической адаптацией к якутской языковой системе. Характерно появление своеобразных «брендовых» нарицательных имен, когда торговые марки становятся именами нарицательными [ПМА ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.; Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.; Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.; Хангаласский район, с. Тэхтюр, 2025 г.; г. Якутск, 2023 г.; Якутск, 2024 г.; г. Якутск, 2025 г.]

Эти лингвистические процессы отражают глубинную трансформацию самой охотничьей культуры якутов, где традиционные знания вступают в сложный диалог с современными технологиями и глобальными культурными влияниями. Как показывают полевые исследования, современный охотничий жаргон выполняет не только номинативную функцию, но и служит важным маркером групповой идентичности, позволяя членам сообщества мгновенно распознавать «своих» по специфическому словоупотреблению. Этот динамичный языковой пласт продолжает активно развиваться, представляя собой живой пример языковой креативности в условиях культурных трансформаций.

В охотничьем жаргоне коммерческие названия техники нередко перерастают в нарицательные термины. Болотоходы-квадроциклы на шинах низкого давления охотники прозвали «соколом» — по названию бренда, который первым выпустил популярную модель такого вездехода. Самодельные вездеходы изначально называли «каракатицами» из-за их характерного вида. Позже это прозвище дало название целому классу мотоболотоходов — «каракаты» [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

В этом примере видно, как визуальные ассоциации и первые удачные конструкции закрепляются в профессиональном языке.

С электронными устройствами происходит то же самое. Электронные манки торговой марки «Plurifon» подарили охотникам слова «плюрофон» и ласкательное «плюрик». Теперь так называют любые электронные манки, независимо от производителя.

Подобное превращение торговых марок в нарицательные имена встречается во многих профессиональных сообществах. Оно показывает, насколько важны конкретные технологические новинки для повседневных практик — именно они задают язык, на котором говорят охотники.

Современный охотничий жаргон активно включает и другие заимствования, отражающие технологические изменения в промысле: «Турок» – обобщенное название турецких ружей, которые, благодаря доступной цене и приемлемому качеству, заняли значительную нишу на рынке охотничьего оружия. Это обозначение подчеркивает не только страну производства, но и определенное отношение к данному типу оружия в среде профессиональных охотников. «Тепляк», по-другому – «тепловизионное устройство», стал незаменимым инструментом для ночной охоты. Данное название появилось путем сокращения. Появление этого термина отражает революцию в методах промысла, связанную с внедрением современных оптических технологий. «Коптер» – упрощенное название квадрокоптера с камерой, используемого для разведки местности и поиска дичи. Это заимствование демонстрирует, как высокотехнологичные устройства становятся частью традиционного промысла, порождая новые языковые формы и адаптируясь в новой языковой среде [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Мегино-Кангаласский район, с. Тюньюлю, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.; Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.; Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.; Хангаласский район, с. Тэхтюр, 2025 г.; г. Якутск, 2023 г.; Якутск, 2024 г.; г. Якутск, 2025 г.].

Эти примеры иллюстрируют, как современные охотники создают собственный лингвистический код, сочетающий традиционные элементы с новыми заимствованиями и метафорическими обозначениями. Такой жаргон выполняет несколько важных функций: он не только облегчает профессиональную коммуникацию, но и служит маркером принадлежности к сообществу, а также отражает стремительные изменения в самой охотничьей практике.

Изучение современного охотничьего жаргона в Якутии открывает перспективы для понимания более широких социокультурных процессов: адаптации традиционных сообществ к технологическим изменениям, механизмов формирования профессиональных субкультур и трансформации языковых практик в условиях глобализации. Дальнейшие исследования в этом направлении могли бы проследить, как новые термины интегрируются в традиционные нарративы охотников и какое влияние они оказывают на передачу знаний между поколениями.

Визуальные и цифровые маркеры, связанные с культом Байанай – духом-покровителем охоты в традиционной якутской мифологии, приобрели в современном охотничьем сообществе Якутии характер сложного семиотического комплекса, синтезирующего архаичные верования и актуальные культурные практики. В условиях урбанизации и цифровизации происходит трансформация сакральных образов в новые формы визуальной коммуникации, сохраняющие при этом свою глубинную связь с традиционным мировоззрением. Данные изменения фиксируются повсеместно [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.; Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.; Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.; Хангаласский район, с. Тэхтюр, 2025 г.; г. Якутск, 2023 г.; Якутск, 2024 г.; г. Якутск, 2025 г.]

Атрибутика, связанная с почитанием Байанай, сегодня существует в нескольких взаимосвязанных пластах материальной и виртуальной культуры.

В физическом пространстве это проявляется в особом оформлении личных вещей охотников: ножны и поясные сумки украшаются стилизованными изображениями духа-покровителя, на оружие и снаряжение наносятся сакральные символы (круги, спирали, зооморфные мотивы), восходящие к древним петроглифам региона. Особое значение приобретают автомобильные наклейки, выполненные в характерной стилистике (контурные рисунки, минималистичная цветовая гамма) и представляющие собой сложный семиотический код: стилизованный образ Байаная в облике рогатого духа, следы медведя или лося, композиции с охотничьими трофеями.

Как показывают беседы с информантами, эти визуальные элементы выполняют три взаимосвязанные функции:

- 1) социально-дифференцирующую (маркировка принадлежности к охотничьему сообществу),
- 2) протективную (обережная символика, восходящая к древним практикам «алгыса» – благословения),
- 3) коммуникативную (невербальная передача информации о статусе и опыте владельца).

В цифровом пространстве культ Байанай приобретает новые формы выражения: тематические аватары в социальных сетях, цифровые обереги в мессенджерах, специализированные фильтры для фото с охотничьей атрибутикой. Характерно, что многие охотники используют подобные цифровые маркеры, причем их семантика часто дублирует «аналоговые» символы, создавая единое семиотическое поле [ПМА, г. Якутск, 2023 г., Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2023 г.].

Можно также отметить парадоксальное сочетание в этих практиках архаичных элементов с современными медийными форматами [ПМА, г. Якутск, 2023 г., Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2023 г.]. Традиционные верования не исчезают, а переплавляются в новые формы. В современной якутской охотничьей субкультуре культ Байанай, духа-покровителя охоты, существует не только в устных рассказах и ритуалах, но и

в визуальных образах. Они работают на нескольких уровнях: помогают охотнику обозначить себя, защищают (пусть и символически) и передают традиционные ценности тем, кто уже не застал живого бытования культа.

Многие промысловики ставят в мессенджерах и соцсетях аватары фотографии с добычей, таёжные пейзажи или рисунки, связанные с Байанай. По этим картинкам они узнают друг друга, показывают удачу и подтверждают: «я свой, я из тайги». Художники и сами охотники изображают духа по-разному. Иногда это седой старец в традиционной одежде. Такие рисунки можно увидеть на личных вещах, в татуировках, на украшениях и элементах декора.

Особенно показательно, что культ Байанай живёт и в группах социальных сетей. Вот три примера (данные на 2023 г.): «Байанай – журнал об охоте, рыбалке и охотничьих собаках» — 1020 участников; «Байанай – SHOP купля, продажа, обмен» — 656 участников; «Купи продай Охотничьи принадлежности» — 743 участника. В этих группах обсуждают не только цены на патроны и способы разделки туши, но и сны, приметы, ритуалы, связанные с Байанаем. Люди спрашивают: «Что значит, если приснился лось?», «Как задобрить хозяина тайги перед сезоном?». Членство в таком сообществе — не просто доступ к информации. Это заявка на принадлежность к особой группе, где традиционные знания передаются уже не в избушке у костра, а через смартфон.

Цифровые артефакты, включая автомобильные наклейки, виртуальные аватары и стикеры в мессенджерах, выступают посредниками между традиционными верованиями и современной цифровой средой. Опосредованное экраном взаимодействие тем не менее сохраняет сакральные отношения между охотником и духами природы. Центральное место в традиционных верованиях якутских охотников занимает культ Байаная, духа-покровителя охоты и распорядителя таёжных угодий. Согласно полевым материалам, благосклонность Байаная рассматривается как необходимое

условие промысловой удачи [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

Несмотря на урбанизацию и технический прогресс, современные охотники продолжают соблюдать ряд архаичных норм, связанных с почитанием духов. Ключевой ритуальной практикой выступает подношение духам местности и Байаная, без которого успешный промысел, по убеждению охотников, невозможен. Перед выходом на охоту совершаются обязательные обряды: в тайге оставляют угощение либо произносят особые заклинания, направленные на установление контакта с потусторонними силами.

По пути к месту охоты делаются остановки в сакрально значимых точках – урочищах, перевалах, священных деревьях или камнях, где оставляются подношения. В качестве даров традиционно используются оладьи, молочные продукты, специально приготовленные для этой цели. В случае отсутствия этих продуктов духам преподносятся мучные изделия, сливочное масло, а в некоторых регионах – табак или алкоголь. Эти действия направлены на обеспечение благосклонности духов, от которых зависит удача в охоте [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.].

Важным элементом традиционной охотничьей этики является соблюдение запретов, связанных с погребальными обрядами. Согласно поверьям, человек, переживший смерть близкого родственника или участвовавший в похоронной церемонии, не должен заниматься охотой в течение 40 дней [ПМА, г. Якутск, 2024 г.]. Нарушение этого табу, по представлениям охотников, приводит к тому, что Байанай перестаёт покровительствовать провинившемуся, и тот остаётся без добычи. Данный запрет сохраняет свою актуальность и в современной среде, демонстрируя устойчивость архаичных верований в условиях меняющейся реальности.

Таким образом, охотничья субкультура Якутии представляет собой сложную систему визуальных, лингвистических и ритуальных практик, обеспечивающих ее устойчивость и адаптивность в современных условиях. Одним из наиболее значимых и узнаваемых аксессуаров, синтезирующих все

эти аспекты, является якутский нож. Его эволюция от утилитарного орудия охотничьего промысла до статуса национального символа отражает глубину культурной трансформации всего охотничьего комплекса. Функциональность ножа, изготовленного местными кузнецами-ножеделами, всецело определялась потребностями промысла – асимметричный клинок с односторонней заточкой идеально подходил для свежевания туш, снятия шкур и разделки добычи. От качества этого инструмента напрямую зависела сохранность продукции охоты, а значит, и благосостояние охотничьей семьи. Эта практическая незаменимость в жизненно важном промысле способствовала сакрализации ножа, который в традиционном мировоззрении воспринимался не просто как орудие труда, но как предмет, наделенный особой силой, что находило отражение в почитании божественного кузнеца Кудай Бахсы как покровителя ремесла.

Якутский нож представляет собой универсальный инструмент, органично интегрированный в хозяйственно-культурный комплекс коренного населения Якутии (См. Рис. 1.7-1.10). Его полифункциональность проявляется в разнообразных сферах традиционной деятельности. В охотничьем промысле нож незаменим для первичной обработки добычи: эффективного снятия шкур, квалифицированного потрошения туш, а также для изготовления и ремонта деревянных ловушек. В контексте рыболовства инструмент используется для обработки улова – чистки и разделки рыбы, создания и восстановления рыболовных снастей [ПМА, Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.].

Бытовое применение инструмента отличается исключительным разнообразием: от участия в строительстве временных и постоянных жилищ, где требуется точная подгонка деревянных элементов, до использования в приготовлении пищи – разделки мяса, нарезки продуктов. Особая режущая геометрия клинка делает его эффективным инструментом для художественной резьбы по дереву и кости, создания предметов утвари и ритуальных принадлежностей. Параллельно с утилитарными функциями якутский нож обладает статусом важнейшего атрибута национального костюма, что ярко

проявляется во время празднования Ысыаха, где его ношение на поясе является обязательным элементом мужского облачения [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Неммеря, 2025 г.].

При этом нож не считается исключительно мужским атрибутом. Специальная модель «бысычча» уменьшенного размера предназначена для использования женщинами и подростками, идеально адаптируясь к задачам рукоделия, кухонных работ и иных повседневных нужд. Социокультурная значимость ножа как универсального дара подтверждается практикой взаимного дарения в период календарных праздников, что, по свидетельствам информанта (С.З., муж., 1996 г.р.), стимулирует значительный рост продаж [ПМА, Мегино-Кангаласский район, п. Нижний-Бестях, 2025 г.].

Якутский нож, помимо своего утилитарного и статусного значения, выполняет важнейшую ритуальную функцию в свадебной обрядности, выступая символическим связующим звеном между родами. Согласно устойчивому канону, вручение ножа зятю со стороны тестя и тёщи во время свадебной церемонии является обязательным и строго регламентированным действием, неукоснительно соблюдаемым в традиционной среде [ПМА, г. Якутск, 2025 г.]. Этот акт символизирует признание мужчины полноценным членом нового рода, наделение его правами и обязанностями главы семьи, а также доверие со стороны родителей невесты. Однако, в соответствии с архаичным обычаем, простое дарение ножа категорически исключено – ритуал предполагает обязательный символический выкуп подарка со стороны одариваемого. Данный обмен, носящий характер ритуальной купли-продажи, имеет глубокую семиотическую нагрузку. Уплата зятем определённой, пусть и чисто символической суммы денег, выполняет несколько сакральных функций. Прежде всего, это действие служит символическим актом взаимности, предотвращающим возникновение магической зависимости принимающей стороны от дарителей и нейтрализующим потенциальную негативную энергетику. Выкуп ножа подтверждает серьёзность намерений молодого мужчины, его готовность к ответственности и материальному

обеспечению семьи. С практической стороны, этот обычай оформляет переход права собственности: нож перестаёт быть просто вещью и становится «освоенным» предметом, который, по поверьям, приносит владельцу удачу [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

Со временем утилитарное значение ножа дополнилось культурным. Он превратился в неотъемлемый атрибут охотника, показатель его мастерства и статуса. В современную эпоху произошла окончательная символическая трансформация. Кузнецы, работающие в Якутии, сочетают традиционные приёмыковки (например, клин с асимметричным лезвием и деревянную рукоять из берёзового капа) с современными материалами (порошковые стали, термообработка). Появление авторских клейм превратило нож в продукт узнаваемого бренда: имя мастера служит гарантией качества. Рынок ножей сегодня стратифицирован: от недорогих «рабочих» моделей для тайги до эксклюзивных коллекционных экземпляров, украшенных гравировкой и инкрустацией [ПМА, г. Якутск, 2024 г., интервью с кузнецом И. Е. Слепцовым].

Этот переход получил юридическое закрепление в двух статусах. Во-первых, нож включён в Регистр объектов нематериального культурного наследия как носитель уникальных технологий и традиций якутского кузнечного ремесла. Во-вторых, регистрация Роспатентом географического указания «Якутский нож» законодательно закрепила территориальную привязку производства: только в Якутии могут изготавливаться изделия с этим названием [Роспатент]. Для кузнецов, поколениями сохранявших секреты мастерства, эта правовая защита стала воплощением давней мечты — она позволяет бороться с контрафактом и сохранять аутентичность промысла [ПМА, Намский район, с. Аппаны, 2024 г., беседа с мастером В. П. Поповым]. Современный статус ножа — одновременно объекта нематериального наследия и продукта с защищённым географическим указанием — юридически закрепляет его двойственную природу. Он остаётся рабочим инструментом: им разделывают туши, строгают лучину, режут кожу. Но он же

выступает мощным культурным символом, элементом этнической идентичности. В этом качестве нож появляется на сувенирных прилавках, на гербах некоторых улусов, на фотографиях в охотничьих интернет-сообществах [ПМА, г. Якутск, 2025 г., анализ групп в социальных сетях].

В современной Якутии стрельба из лука существует в двух основных форматах: классический вид спорта и особая дисциплина — стрельба из традиционного лука. Вторая практика прочно укоренилась в программе крупнейших национальных спортивных форумов. В рамках спартакиады «Игры Манчаары» и многоборья «Игры Дыгына» эта дисциплина утверждена как обязательная [ПМА, г. Якутск, 2024 г.]. Символический компонент здесь выходит на первый план. Участники соревнуются в меткости, поражая не стандартные круговые мишени, а стилизованные изображения зайца, белки или утки. Такой выбор не случаен: он напрямую отсылает к ключевым объектам исторического промысла. Спортивное состязание превращается в символическую реконструкцию охотничьего акта, в ритуал, воспроизводящий связь человека с традиционными видами хозяйственной деятельности. Один из участников «Игр Манчаары» 2024 г. так объяснил это: *«Когда стреляешь по деревянному зайцу, вспоминаешь, как отец учил стрелять по настоящему. Мишень не заяц, но дух тот же»* [ПМА, г. Якутск, 2024 г.].

Аналогичная трансформация прослеживается и в других стрелковых дисциплинах. В День охотника (первая суббота апреля), который отмечается по всей республике, проводятся масштабные турниры по стендовой и вскидочной стрельбе. Эти виды спорта используют современное огнестрельное оружие — гладкоствольные ружья, часто импортные (Browning, Venelli), но в своей основе имитируют реальные охотничьи ситуации: стрельбу по движущимся мишеням (тарелочкам), внезапное вскидывание ружья. Один из организаторов турнира в Хангаласском улусе отметил: *«Мы не просто стреляем по тарелкам. Мы вспоминаем, как отец учил: "Ружьё — продолжение руки. Увидел утку — вскинул, не думая"»* [ПМА, Хангаласский улус, с. Октём, 2024 г.]. Даже технологически

модернизированные формы стрелкового спорта сохраняют генетическую связь с промысловой практикой, выступая её современной, спортивно-игровой адаптацией.

Охота в Якутии давно перестала быть исключительно способом добычи мяса или пушнины. В современных условиях она функционирует также как социально значимый досуг, приобретающий игровые и спортивные формы. Показателен в этом отношении стрелковый спорт, исторически связанный с традиционными охотничьими практиками. На официальных соревнованиях по стрельбе из традиционного лука охотничьи навыки и связанные с ними ценностные установки транслируются в ритуализированной, символической форме. Хозяйственная необходимость, складывавшаяся веками, постепенно превращается в культурный ресурс. Следовательно, речь идёт не об утрате традиций, а об их эволюции и адаптации к меняющимся историческим и технологическим условиям.

Якутская охотничья субкультура даёт возможность проследить, каким образом традиционные сообщества встраиваются в технологическое общество, сохраняя при этом глубинные, архаические слои мировоззрения. Визуальные маркеры и атрибутика решают здесь две задачи одновременно: они сохраняют промысловую полезность и выступают символическими посредниками между дохристианскими верованиями и современностью. Якутский нож, внесённый в Регистр нематериального культурного наследия, едва ли не с максимальной полнотой выражает эту двойственность — практическую утилитарность и знаковую насыщенность.

Сходные процессы фиксируются и в языковой сфере. Как показывают полевые материалы [Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.], коммерческие названия снаряжения постепенно переходят в разряд нарицательных: традиционные языковые модели осваивают новые технологии, встраивая их в привычную семантическую сетку. Цифровизация сакральных символов, вопреки ожиданиям, не вытесняет традиционные верования, но придаёт им новые формы существования. Ритуальные практики, связанные с культом

Байанай, по-прежнему включают сложные системы запретов и толкований снов. Следовательно, архаические элементы сохраняют жизнеспособность в современном промысле. Спортивно-игровые формы, в свою очередь, иллюстрируют трансформацию охоты из хозяйственной необходимости в символическую практику без полного разрыва с реальным промыслом.

В совокупности якутская охотничья субкультура предстаёт как сложная система механизмов сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Замена старого новым здесь отсутствует; напротив, наблюдается взаимное проникновение разновременных элементов, порождающее гибридные формы. Подобная закономерность фиксируется и для других традиционных сообществ: модернизация не уничтожает архаические структуры сознания, но трансформирует их, находя для них новые ниши существования.

3.3. Ритуально-мифологические комплексы и этно-экологические знания в современных охотничьих практиках

Феномен охоты в якутской культуре представляет собой сложный синтез хозяйственной практики и сакрального мировоззрения, где промысловая деятельность неотделима от системы духовных представлений. На протяжении веков сформировалась уникальная традиция, в которой природные объекты и животные наделяются не только утилитарной, но и глубокой символической ценностью. Особое место в этой системе занимают хищные птицы и медведь, чей сакральный статус демонстрирует удивительную устойчивость, сохраняясь, несмотря на технологическую модернизацию и трансформацию традиционного уклада жизни. Изучение этих представлений позволяет выявить не только механизмы культурной преемственности, но и глубинные основы экологического сознания якутского народа, где охота выступает как форма диалога между человеком и природой. В системе традиционных охотничьих верований якутов сохранился

уникальный феномен сакрального диалога между человеком и природой, наиболее ярко проявляющийся в отношении к хищным птицам и медведю. Эти животные, занимая особое место в мифологической картине мира, продолжают оставаться значимыми актантами в современной охотничьей практике, демонстрируя удивительную устойчивость архаичных представлений в условиях технологической модернизации. Их ритуальное почитание, в отличие от многих других обрядов, не только сохранилось, но и адаптировалось к новым реалиям, что свидетельствует о глубинных механизмах культурной преемственности.

Среди многообразия традиционных охотничьих верований и обрядов якутов наиболее устойчивыми оказались практики, связанные с хищными птицами и медведем. Именно эти животные занимали особое место в сакральной картине мира, выступая как посредники между людьми и духами, а также как равноправные участники охотничьего диалога. Их ритуальное почитание сохраняется и в современной практике, в отличие от многих других обрядов, подвергшихся забвению. Потому именно эти формы духовной обрядности вызывают особый интерес. Сакральный статус «когтистых» птиц и медведя был закреплён в мифологии и родовых культурах, что обеспечило их устойчивость даже в условиях трансформации традиционного уклада. Ворон, орёл или филин воспринимались не просто как дичь, а как существа, напрямую связанные с духами-покровителями. Убийство таких птиц требовало сложных искупительных ритуалов (например, вкладывание в клюв ворона части добычи), что закрепляло их особое положение в сознании охотников. Медведь, считавшийся «хозяином тайги», долгое время оставался символом силы и равноправным соперником в охотничьей практике. Его добыча сопровождалась строгими правилами (например, запрет на убийство в спящем состоянии), что подчёркивало его сакральный статус. Даже сегодня, несмотря на изменения в законодательстве и методах охоты, многие якутские промысловики сохраняют элементы почтительного отношения к медведю, что свидетельствует о глубине этих представлений. Сакральное поведение

диктовало особую программу коммуникации животных и людей. В традиционном якутском обществе табуированные к умерщвлению, тем более к употреблению в пищу птицы были объединены общим названием «когтистые» (тынырахтаахтар): все виды сокола, орлы, филин, сова, коршун и др., что означало особое почитание и магическую силу природных агентов.

Кроме «когтистых» к употреблению не подлежат пернатые, которые являются тотемными птицами различных родов. Говоря о тотемных животных, необходимо упомянуть, что по данным А.Е. Кулаковского, в пантеоне якутов существуют отдельные божества, которые являются покровителями различных зверей и птиц: Куруо Дьёогой Тойон – бог-покровитель лошади, Иьэгэй Иэйэхсит – бог-покровитель крупного рогатого скота, Хомпоруун Хотой-Айыы – бог-покровитель птиц, Хара Сылгылаах Суорун Тойон – отдельный бог-покровитель ворона [Кулаковский, 1979]. Это может говорить нам о том, что животные находились на одном уровне с человеком, имели такие же права, покровителей среди божеств.

С табуированными к добыче пернатыми охотник взаимодействовал весьма настороженно. Например, охотниками считалось, что если они случайным образом покалечат ворона, то душа последнего летит к своему покровителю Хара Сылгылаах'у с жалобой на обидчика. Тогда этот бог страшно карает обидчика-охотника, насылая на него ужасную болезнь. Чтобы избежать этого, охотник проводил следующие действия: убив ворона, он клал ему в рот что-нибудь из частей тела добытого ранее животного вместе с клочком шкуры. Когда ворон является к Хара Сылгылаах'у с жалобой, последний вызывал на суд «кут» – душу провинившегося во время его сна. При допросе во время суда кут-душа оправдывается тем, что будто бы он убил ворона за постоянное воровство его добычи, причем «кут» указывает на вложенные в рот ворона части животного, как на вещественное доказательство своего объяснения; улики же оказываются на самом деле во рту у ворона. После такого объяснения Хара Сылгылаах прощает охотника за его

провинность, считая зачинщиком ворона. Такое же уважительное отношение к себе требовали хищники [Кулаковский, 1979].

Одним из наиболее почитаемых зверей, считавшийся хозяином таёжных земель считался медведь. Любое взаимодействие человека с медведем было сопровождалось магическими обрядами и условностями. Медведь воспринимался равным по правам и значимости для божеств существом, медведь так же, как и человек имел право на жизнь, отняв его жизнь охотник подвергался большой опасности не только в физическом плане, но и в метафизическом. Ввиду этого охотник, боясь кары, всячески скрывает свои планы при добыче медведя, пользуясь большим количеством жаргонизмов. Кроме того, борьба с животным должна быть «честной», т. е. медведя следует добыть «лицом к лицу». Для этого перед непосредственной добычей медведя, спящего в берлоге, необходимо разбудить тычками или скручиванием шерсти длинной палкой. В случае же преследования и поимки медведя, который нанес ущерб хозяйству, необходимо так же, как и с птицами вложить в пасть добытого медведя кость убитого им скота, чтобы медведь осознал свою вину и не держал злость на обидчиков [ПМА, Среднеколымский район, с. Аргахта, 2021 г.].

Описанные выше принципы взаимодействия человека с миром зверей и птиц практикуется и в настоящее время. Информант из с. Тюнгиюлю, пенсионер и охотник-любитель (А.И., муж., 1962 г.р.) сообщил, что он, случайно подстрелив неизвестную ему птицу, вложил в клюв кусочек мяса с шерстью [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2014 г.]. Свое действие он связал с незнанием покровителя птицы, который возможно мог бы наслать на него беду и неудачу в охоте. Другие информанты сообщали о том, что соблюдение различных табуированностей и обычаев связано с воспитанием – близкие родственники объясняли о недопустимости различных действий ещё в младшем возрасте [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2021 г.]. Подтверждение этому мы можем найти в коллективной монографии, посвященной вопросам идентичности у молодежи коренных

народов Севера. Этносоциологические исследования якутских ученых в области ценностных сфер этничности молодежи коренных народов Севера, проведенные в 13 улусах (районах) Якутии, показали, что передача культурных знаний и традиций новому поколению, преемственность в сохранении этнической идентичности чаще реализуется в сельском социуме [Идентичность как культура..., С. 105].

При этом нельзя игнорировать и высказывания с негативной коннотацией. Так, сельская молодежь, говоря о последних 10 годах, акцентирует внимание на таких явлениях, как ухудшение отношения к природе (19,2%), изменение моральных и нравственных ориентиров (13,7%) [Идентичность как культура..., С. 107]. Вместе с тем, в шкале значимости элементов культуры в обыденной жизни молодежи северных народов «охота, рыболовство» у сельской молодежи занимают 51% у городских 45.5% [Идентичность как культура..., С. 150]. Иными словами, охота и рыболовство имеют не последнюю роль в культуре сельской и городской молодежи. Все это еще раз указывает на глубокую экологическую связь коренных жителей Севера с природой.

Другой подход к определению иерархии человека и животного мира дан в двух других интервью. Интервьюируемый из г. Якутска Р.И. (1966 г.р.) в ходе беседы сообщил следующее: *«Как-то раз на Севере, в 2010-х гг., мы плыли по небольшой реке во время охоты и увидели на берегу медведя, который рыбачил. Когда мы проплывали мимо то медведь увидел нас и бросил в нашу сторону большую корягу. Он действовал совсем как человек. Думаю, что он пытался отогнать нас от рыбного места, увидел в нас конкурентов. Но как только он услышал звук затвора ружья – тут же ретировался в противоположную от нас сторону. Мы посмеялись его попытке нас отогнать и проплыли дальше, не стали стрелять»* [ПМА, г. Якутск, 2023 г.]. Следующие интересные сведения передал руководитель фермерского хозяйства, охотник-любитель из села Тюнгиюлю Мегино-Кангаласского района (Н.Б., муж., 1980 г.р.): *«Поздней осенью 2020 г. у нас пропала дойная*

корова, мы её искали довольно долго на наших угодьях и пастбищах, обычно коровы далеко не уходят и пасутся около привычных мест обитания. На третьей неделе поисков нам позвонили наши знакомые из соседнего Усть-Алданского района (около 80 км от изначальной точки нахождения) и сообщили, что видели нашу корову, бредущую по обочине дороги в сторону соседнего района. Мы сели в автомобиль и выехали в сторону предполагаемого местонахождения скота. Приехав, мы действительно обнаружили бредущую вдоль дороги пропавшую корову, у которой на боку были различные царапины, сделанные каким-то хищником. По дороге обратно мы заметили волчицу, которая довольно долго нас преследовала, кроме того, мы обнаружили следы волка по дороге обратно на тех же местах, где проходила корова. Мы предположили, что волчица отгоняла добычу ближе к своим сородичам и своему помету, действие, которое мы ранее никогда не встречали у хищников. После нашего путешествия мы обратились к знакомым охотникам из Усть-Алданского района за разъяснениями, они подтвердили о наличии волчьей стаи, у которой предводителем была самка, и это была именно та волчица, которая угнала корову. Таким образом, наши предположения полностью оправдались – волчица была в роли пастуха и гнала корову по открытой местности, а сама сопровождала добычу находясь в лесу, вне поле зрения людей. Мы были крайне поражены и удивлены тактике хищника, волчица действовала точно, как человек» [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 2021 г.]

В описанных выше охотничьих ситуациях можно увидеть, что коммуникации между человеком и хищником довольно разнообразные и зависят от ситуации, когда происходит контакт. В двух последних случаях контакта с животными информанты обозначили животных как равных человеку, отождествляя их действия с человеческими, т. е. в охотничьем пространстве человек и хищник находятся в равном иерархическом положении, более того они находятся в одном и том же мире, передают друг другу и считывают одни и те же знаки-индексы. Если ранее человек обращался

к миру животных посредством знаков, которые были обращены согласно порядкам животного мира, то в описанных выше случаях можно увидеть мысль охотника о том, что животным приходится действовать по правилам человеческого мира, посылать знаки, которые может понять человек, ввиду того что человек в некоторых случаях является главным актантом в происходящем действии, другие участники коммуникации должны приспособиться под него.

Известный антрополог Т. Ингольд, основоположник направления «чувствующей экологии», анализируя отношение восприятия окружающей среды и поведение человека, приходит к важному заключению, что нет возможности определить, где заканчивается человеческий мир и начинается существующее независимо от первого природное, физическое пространство – поэтому и не следует противопоставлять друг другу сферы природы и культуры [Ingold, 2022].

Вместе с тем в различных средствах массовой информации и сервисах обмена сообщениями распространяются новости о жестоком обращении с животными, в том числе по отношению к медведям и волкам [МК.ru; Amur.life; LIFE; Комсомольская правда; SAKHALIFE], которые разрушают традиционный фонд экологический знаний и этнокультурных традиций северян. Данные публикации вызвали бурную реакцию среди читателей, многие осуждали такое жестокое поведение по отношению к животным. Среди всего прочего, были мнения, что данные действия квалифицируются как убийство животных, находящихся в беззащитном положении, и нельзя это расценивать как охоту. В ходе интервьюирования, охотник-любитель из села Тюнгиюлю Мегино-Кангаласского района (А.Б., муж., 1984 г.р.) сообщил, что не поддерживает охоту на зверей с использованием автотехники повышенной проходимости, беспилотных летательных аппаратов, приборов ночного видения и т.д. С его слов, охота должна проходить на равных условиях, с добычей нужно бороться лицом к лицу, чего в настоящее время мало кто придерживается [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю,

2021 г.]. Другими словами, интервьюируемый сообщил о том, что охотник должен быть максимально на одной иерархической ступени с добываемым животным. Такая же позиция прослеживается и в рассказе охотника – промысловика из Вилуйского района В.В., добывшего 20-го по счету хищника в феврале 2023 г. Частые случаи появления в деревне волков и медведей он объясняет изменением экологии (использование недр, пожары, наводнения и др. – прим.авторов), в результате чего сдвигаются границы естественного обитания диких животных. По словам охотника перед тем как убить хищника, по традиции, следует посмотреть ему в глаза и попросить прощения, чтобы он достойно ушел к своим предкам [В последний миг...]. Все это демонстрирует, что промысловая деятельность на Севере сохраняет традиционные «тексты» и генерирует эту память культуры в повседневную жизнь современных якутян.

Все это позволяет говорить о том, что животное перешло от «независимого, равноправного» статуса в «зависимый» от человека актанта коммуникации. Возможно это можно объяснить тем, что человеку более нет необходимости состязаться с животными в вопросах выживания, сейчас практически любой охотник-любитель в состоянии добыть зверя, несмотря на его размеры, место обитания или опасность. Животные более не представляют фатальной опасности для человека, уже человек является главным таёжным хищником. Этому может свидетельствовать вроде бы незначительное, но широко распространенное мнение среди охотников: практически каждый медведь боится именно звука затвора ружья. Практически все охотники вскользь упоминают об этой особенности, не придавая ему особенного значения, однако, один этот небольшой факт говорит о том, что медведь считывает «знаки», которые передает человек, хищник уже заранее знает, что звук затвора не сулит ничего хорошего. Медведь, ранее не знакомый с человеком или принципом работы ружья, уже понимает опасность представляющую человека с характерным звуком затвора [ПМА, г. Якутск, 2023 г.].

Проанализированный материал позволяет утверждать, что методология изучения природы и социального мира сегодня далеко выходит за границы этнографии и включает такие пространства как антропология, антропозология, психология и т.д. В якутском обществе существует единое пространство «природа», которую можно охарактеризовать как природный социум, куда входит вся флора и фауна, в том числе традиционно находится и человек, нарушение этого пространства вызывает различные проблемы в отношениях между людьми и животными. Например, нарушение природной системы, а именно вхождение одного актора в ареал обитания и подконтрольную территорию другого актора, вызывает разрушение традиционного образа мировоззрения и существования: появление человека в ранее не заселенные леса вынуждает животных оставлять места обитания, появление диких животных около поселений, дорог, жилищ вызывает бурную реакцию у населения. Всё это может свидетельствовать о том, что ареал обитания людей и животных внутри пространства «природа» четко разграничена, и на посылаемую информацию, которая исходит от одного из участников взаимоотношений вызывает ответные действия, не только от другого участника действия, но и от самого пространства. Естественно то, что разделение пространства на несколько частей ставит в противоположные стороны участников в борьбе за ареал обитания в пространстве. Однако, нельзя не учитывать то, что само пространство так же является полноправным актором. В этой связи здесь имеет место применить концепцию обратной связи, согласно которой «природа» является системой принятия решений, действия которой основываются на потоках информации, и любой импульс, направленный с адресатом или без в пространстве «природа» будет зафиксирована и внедрена в единый информационный поток, который будет влиять на поведение акторов, находящихся внутри этого пространства.

В якутском обществе человек уживался и сосуществовал в едином пространстве с животными, как с домашними, так и дикими, а с некоторыми даже дополняли друг друга. Всё это давало предпосылки к тому, что человек

и животные стояли на одном социальном уровне, с животными обращались осторожно и уважительно, даже после умерщвления. Все зафиксированные исследователями обряды и условности призваны задобрить божеств охоты, привлечь удачу в добывании ресурсов, и именно то, что охота – дело удачи и конец никогда не бывает предсказуемым, заставляло людей относиться с большой осторожностью, уважением ко всему, что связано с животными и охотой на них. Из ранее существовавших общеизвестных преданий об охоте и охотничьих животных сейчас повсеместно практикуется кормление огня, духов местности и охоты, не практикуется особое отношение к медведю, не упоминаются обряды с лисой, косулей и т.д. В настоящее время ввиду того, что животное не является главным ресурсом в системе жизнедеятельности якута, прослеживается трансформация взаимоотношений между человеком и хищником, а именно заметно изменение социальных ролей, положения во взаимодействии каждого актанта. В современном мире деятельность человека меняет повседневную жизнь животных и считывая поступающую от человека информацию в виде знаков и икон, таежные хищники строят свою систему жизни уже в рамках человеческих знаков и законов.

Отношение якутских охотников к хищнику формируется на основе двух сосуществующих моделей. Первая, традиционная, восходит к представлениям о едином природном социуме, где человек и зверь находятся в отношениях коммуникативного равенства. Вторая складывается под воздействием технологической модернизации и климатических изменений: животное адаптируется к доминирующей роли человека, распознавая антропогенные сигналы — звук затвора, запах смазки, шум снегохода, изменение границ леса из-за пожаров и вырубок.

Новая модель не вытесняет традиционную. Многие охотники, даже использующие тепловизоры и снегоходы, продолжают соблюдать ритуалы. Современная охота в Якутии представляет собой не противостояние традиции и прогресса, а их взаимопроникновение. Технологии и климат

трансформируют условия промысла, но не отменяют коммуникативного диалога с природой.

Непосредственным практическим воплощением этих архаичных представлений о сакральном статусе хищных птиц и медведя служит комплекс ритуальных практик, сохраняющихся в современной охотничьей деятельности. Если теоретический фундамент традиционного мировоззрения нашел свое отражение в мифологических конструкциях и системе табу, то его живым воплощением выступают ежедневно воспроизводимые обряды, демонстрирующие удивительную адаптивность древних верований к современным условиям. Этот переход от теоретического осмысления сакрального статуса животных к практической реализации этих представлений в повседневной охотничьей практике особенно ярко проявляется в системе ритуальных действий, сопровождающих промысел.

В плане традиций и ритуальных обрядов современные охотники придерживаются некоторых правил. Первый и обязательный ритуал заключается в подношении духам местности, а также духу охоты [ПМА, Вилуйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.]. По пути следования на место охоты некоторые охотники делают небольшие остановки в значимых и культовых местах для организации подношений духам местности. При задабривании духов предпочтение дается оладьям, молочным напиткам, которые берутся специально с такой целью [ПМА, Вилуйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.]. Если упомянутое пожертвование отсутствует, то задабривают мучным изделием и маслом, в некоторых случаях табаком и алкоголем. Информанты расходятся во мнении о необходимости сопровождающей речи-прошения. Одна часть информантов считает, что не обязательно просить устно, можно ограничиться прошением в уме, другая часть считает, что необходимо проговорить вслух, так как посредством даров жертвователю устанавливается одностороннюю связь с духами, которые могут выслушать просящего [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.]. Прибыв на предполагаемое место охоты, помимо духов местности охотники задабривают духа огня, они

разводят костер и кормят его, бросая в огонь угощения. Как сообщают информанты «нельзя кормить огонь мясом, колбасой», по всей видимости, данный запрет является остаточным запретом при традиционной охоте, в котором запрещалось предавать огню мясо добытого лося, медведя, лисы и т.д. Вместе с этим, также через огонь просят и всячески задабривают подношениями духа охоты [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

Во время полевых работ на охотничьих угодьях два информанта решили выехать в соседнюю местность на болотоходе к знакомым охотникам. Выехав на обратный путь, информанты заблудились, хотя, как высказался один из информантов, места, в которых они заблудились, были знакомы ему с детства. Через несколько часов, осознав, что они заблудились, один из охотников понял причину блуждания: они не покормили духов той местности, куда они приехали в гости. Быстро спешившись, вдвоем сделали подношение духам тем, что у них было под рукой – сигаретами. После чего, со слов информанта, всего через несколько минут выехали на знакомую тропу и успешно добрались до своей избы. Информанты были уверены, что всё дело в том, что они не задобрили духов, в связи с чем они не хотели их отпускать [ПМА, Виллюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.].

Таким образом, кормление духов происходит многократно: при остановках на культовых и значимых местах задабривают духов местности, в основном стационарном лагере, кроме духов местности, дополнительно делают подношение духу огня и духу охоты.

Одним из практикующихся до сегодняшних дней традиционных правил в охоте является запрет в течении 40 дней заниматься охотой человеку, который пережил смерть близкого человека или присутствовал на церемонии погребения умершего. Нарушившего запрет охотника Байанай наказывает игнорированием, в следствие чего в дальнейшем промысловику не будет попадаться дичь, он останется без добычи. Современными охотниками этот запрет соблюдается в обязательном порядке. Такого охотника называют «киртийбит» т.е. «загрязненный». Информанты сообщают, что возможно

«обойти» данный запрет, либо смягчить запрет особым ритуалом. Так, «обход» запрета возможен, в случае если охотник перед выездом на угодье вымажет лицо грязью, как бы маскируя свое лицо. Второй способ – очищение с помощью дыма: необходимо найти дерево, пораженное молнией, взять оттуда лучину, поджечь и потушить так, чтобы лучина тлела и дымилась и этим самым дымом охотнику необходимо провести вокруг себя три раза. Данный способ похож на ранее описанный нами традиционный способ очищения от «скверны». По сообщениям информантов, данная маскировка и очищение способны скрыть либо очистить человека, и охотник уже не боится наказания от духа охоты и промысла [ПМА, г. Якутск, 2024 г.].

Говоря о запретах, необходимо упомянуть запрет на добычу медведя в берлоге. По мнению почти всех опрошенных охотников, в связи с тем, что запретили добычу медведя в берлоге, исчезает целый пласт религиозно-обрядовых условностей. Более нельзя проводить обряды инициации в медвежатники, забываются старые обычаи и условности охотников. Помимо этого, популяция медведей сильно выросла, что создает большую опасность для домашнего скота и человека. Любимые байки среди охотников вокруг костра связаны чаще всего со встречей кого-либо из знакомых с медведем. Ввиду того, что такие истории участились, практически каждый второй охотник знает пережившего встречу с медведем человека. Как говорят охотники, это свидетельствует о чрезмерном увеличении популяции и смене ареалов обитания медведей [ПМА, Олекминский район, с. Юнкюр, март 2023 г.].

Один из интереснейших моментов современной охоты является толкование снов. Так, некоторые охотники верят в то, что добытчику в ночь перед успешной охотой должна присниться женщина. Подтверждением этого служит пример одного из информантов (Р.И., муж., 1966 г.р.): *«Однажды мы выехали в удаленное место на охоту, приехали, обустроились и легли спать. Рано утром один из охотников резко закричал на всю избушку «Приснилась, приснилась!», мы все проснулись, обрадовались и быстро позавтракав вышли*

на угодые. В тот день мы добыли лося, сон моего товарища не соврал. Если одному или нескольким охотникам снится женщина, то к нему в тот день благосклонен Байанай, остальные охотники должны следовать указаниям провидца и надеяться на его чутье» [ПМА, г. Якутск, 2023 г.]. Возможно, сны, в которых присутствует женщина, восходят к древним представлениям о том, что Байанай – это не единоличный дух-покровитель леса, а род, в котором есть множество духов, включая женщин [Ионов, 1916, С. 49].

Дополнительно можно упомянуть о двух религиозных представлениях, зафиксированных при полевых работах: первое, среди охотников бытует представление о том, что нельзя брать с собой в качестве провизии мясо дикого зверя или птицы так как дух охоты может отказать в успешной охоте, ссылаясь на то, что у охотника уже имеется добыча. Второе верование касается оружия: при первом успехе из нового ружья необходимо его обмазать кровью добычи, данный обычай был призван задобрить свое ружье, чтобы оно стреляло без промаха, не давало осечек и т.д. [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.].

К предвестникам успешной охоты так же можно отнести ворона. По мнению охотников, встреча на пути к охотничьим угодыям или во время охоты ворона сигнализирует об успешной охоте, так как считается, что ворон находится рядом с успешными охотниками, которые оставят после разделки дичи много съедобного. У современных якутов в обиходе используют поговорку «*Кыыс төрөөтөбүнэ ыт үөрэр, уол төрөөтөбүнэ суор үөрэр*», что переводится как «При рождении девочки – радуется собака, при рождении мальчика – ворон». Данное выражение означает, что девушка отдает остатки пищи со стола собаке, юноша оставляет часть дичи духу охоты, чем и кормится ворон [ПМА, г. Якутск, 2023 г.].

В настоящее время охота ведется на дичь, которая разрешена государством. Туда входят практически все виды животных и птиц, на которые традиционно охотились якуты. Разделение на «Байанайдаах булт» и табуированные виды, в настоящий момент не придерживаются. Вся

деятельность проходит в рамках законодательства. Разумеется, нельзя вести охотничью деятельность без специальных разрешений и лицензий. В связи с ужесточением количества возможной добычи, сейчас охота – это прежде всего азарт и спортивный интерес. В настоящий момент не встречается изготовление, хранение и использование охотничьего идола-амулета. Сейчас чаще встречается амулет, сделанный из лапы медведя, но используемый не как сугубо охотничий амулет, а амулет широкого спектра пользования. Повсеместно в качестве ритуала современные якуты обходятся кормлением духа огня, водоема, местности [ПМА, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 2023 г.; Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2023 г.; Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.; Хангаласский район, с. Тумул, 2024 г.; Намский район, с. Ымыяхтах, 2025 г.; Хангаласский район, с. Тэхтюр, 2025 г.; г. Якутск, 2023 г.; Якутск, 2024 г.; г. Якутск, 2025 г.].

В традиционном якутском обществе охота не сводилась к хозяйственной деятельности, а представляла собой систему сакральных отношений между человеком и животными, регулируемую мифологическими представлениями, системой табу и ритуальными практиками.

Особый статус принадлежал хищным птицам — соколам, орлам, филинам, совам, коршунам, обозначаемым в якутской традиции как «когтистые» (тынырахтаахтар). Убийство и употребление этих птиц в пищу находилось под строгим запретом. Согласно полевым материалам, собранным в Таттинском улусе, информанты объясняли этот запрет представлением о соколе как о птице, связанной с шаманским миром: её убийство, по поверьям, влекло за собой несчастье, поскольку сокол воспринималась как существо, обладающее способностью видеть то, что недоступно человеку [ПМА, Таттинский район, с. Черкех, 2023 г.]. Аналогичные запреты распространялись на птиц, выступавших тотемными символами родовых культов. В этой системе животные не противопоставлялись человеку, а рассматривались как существа, обладающие собственными покровителями и правами.

Более сложный комплекс представлений складывался вокруг медведя, занимавшего в якутской традиции положение «хозяина тайги». Добыча медведя регламентировалась обязательными ритуальными предписаниями. Охотники избегали прямых номинаций, касающихся предстоящей охоты, используя эвфемизмы. Сам процесс добычи должен был отвечать принципу «честного» поединка: медведя следовало разбудить в берлоге, предоставив ему возможность для равной борьбы. В случаях нападения медведя на домашний скот убийство зверя сопровождалось символическим актом: в пасть медведя вкладывали кость убитого животного, что интерпретировалось как ритуальное подтверждение его вины перед духами.

Современные этнографические исследования фиксируют сохранение многих из этих представлений в охотничьей практике, хотя их интерпретация претерпела изменения. Ритуалы всё чаще осмысляются не как необходимость поддержания баланса с духами, а как обычай, передаваемый по семейной линии. Информант из Хангаласского улуса отмечал, что, не разделяя веры в персонифицированное присутствие духа-покровителя охоты Байаная, он тем не менее продолжает совершать подношения (например, оставляет табак под берёзой), следуя примеру старших поколений [ПМА, Хангаласский улус, с. Тэхтюр, 2024 г.].

В нарративах современных охотников животные нередко наделяются чертами, близкими к человеческой рациональности. В Намском улусе зафиксирован рассказ о медведе, бросившем корягу в лодку с охотниками, что описывалось информантами как действие, напоминающее прицеливание. В Таттинском улусе записан сюжет о волчице, которая в течение нескольких дней «пасла» угнанную корову, не позволяя ей уйти в лес [ПМА, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгиюлю, 2024 г.]. Подобные нарративы свидетельствуют о трансформации восприятия: если в традиционной культуре животные выступали равноправными участниками коммуникации, то в современных интерпретациях они оказываются вынужденными

адаптироваться к доминирующей роли человека, распознавая создаваемые им сигналы (например, звук затвора ружья как маркер опасности).

Архаические представления сохраняются, но в изменённых формах. Запрет на добычу медведя в берлоге, ранее регулировавшийся обычным правом, в настоящее время закреплён законодательно. Связанные с этим ритуалы инициации практически утрачены. Вместе с тем многие обрядовые практики продолжают функционировать. В Таттинском улусе зафиксирован обычай перед началом охотничьего сезона бросать в огонь кусочек лепешки — действие, интерпретируемое как «кормление» огня для обеспечения удачи. Сохраняется табу на охоту в течение определённого времени после похорон (киртийбит, состояние ритуальной нечистоты).

Сакральные аспекты якутской охоты претерпевают направленные изменения. Система жёстких табу и ритуальных компенсаций постепенно уступает место более гибким практикам. Традиционные запреты не исчезают вовсе, однако начинают действовать параллельно с писаными правовыми нормами и техническими новшествами. Характерный пример: охотник может пользоваться винтовкой и снегоходом, но при этом воздерживается от произнесения вслух имени медведя или толкует сон перед выходом на промысел.

Животные утратили тот статус равноправных участников природного социума, который зафиксирован в архаических ритуалах и фольклорных текстах. Вместе с тем они не низведены и до положения исключительно ресурсных объектов. Между охотником и добычей сохраняется опосредованная символическая связь. Она уже не предполагает сакрального диалога в полном объёме, но и не сводится к чисто утилитарному отношению. Эта связь поддерживается через отдельные ритуальные действия, устные предания, бытовые приметы — то есть через то, что в полевой этнографии принято обозначать как «остаточные формы» традиционного мировоззрения. В таком контексте охота продолжает выполнять функцию культурного маркера, хотя прежняя жёсткая ритуальная регламентация уже не действует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое в работе исследование охотничьей культуры якутов позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, непосредственно вытекающих из положений, выносимых на защиту.

Исследование подтвердило, что традиционная охотничья культура якутов представляла собой не просто совокупность промысловых навыков, а целостную социо-экосистему. В её рамках рациональное природопользование оказалось неразрывно связано с мифоритуальным комплексом, социальной организацией и материально-технологической базой. Именно эта системная целостность, а не отдельные экологические знания, обеспечивала многовековую устойчивость жизнедеятельности в экстремальных условиях Севера. Разрушение любого из элементов, как показывают исторические примеры, запускало дисбаланс в остальных сферах промысловой культуры.

Государственная политика, разворачивавшаяся в регионе с XVII по XX вв., выступила ключевым фактором трансформации охотничьего промысла. Ясачная система перевела охоту из натурального хозяйства в фискальный инструмент, инициировав коммерциализацию и долговую зависимость коренного населения. В свою очередь, советский период, связанный с национализацией ресурсов, введением государственной монополии на пушнину, коллективизацией и созданием промхозов привёл к профессионализации охотничьего труда, но одновременно разорвал родовые связи с освоенными территориями. В обоих случаях государство действовало как внешняя сила, подчинявшая традиционные механизмы регуляции своим экономическим задачам. Экологические последствия этой политики оказались предсказуемыми: к концу XIX в. резкое падение численности соболя стало прямым следствием фискального давления, а не нерационального ведения промысла самими охотниками.

Современная охотничья субкультура Якутии не является ни прямым продолжением архаичных форм, ни полностью утраченным наследием. В

работе показано, что это динамичное, гибридное явление. Сегодняшний охотник не выступает в роли архаичного промысловика и не сводится к пассивному потребителю технологий; он вынужден адаптироваться одновременно к рыночным условиям, климатическим изменениям и технологическому давлению. При этом адаптация происходит через селективное сохранение традиционных элементов и их переосмысление в новых контекстах. Охота сохраняется не столько как промысловая необходимость, сколько как значимый маркер этнокультурной идентичности — особенно для городских якутов, для которых выезд в тайгу приобретает характер возвращения к родовым истокам.

Механизм культурной устойчивости охотничьих традиций в современных условиях не сводится к музейной консервации. Устойчивость обеспечивается, напротив, трансформацией и интеграцией в иные социальные контексты. Традиционные образы, обряды и технологии переходят в сферу спортивных соревнований, досуговых и рекреационных практик, сувенирного и брендового производства, а также в цифровую коммуникативную среду. Именно эта пластичность позволяет транслировать традиционные ценности в форматах, актуальных для новых поколений. Консервация без адаптации ведёт к угасанию традиции, тогда как адаптация обеспечивает её дальнейшее существование.

В XXI в. возник новый, ранее не действовавший фактор системного значения — климатический кризис. Дефицит холода, деградация многолетней мерзлоты, нарушение сезонных ритмов и ухудшение транспортной доступности угодий провоцируют прямой системный вызов экологической и экономической устойчивости традиционного природопользования. Традиционные методы хранения добычи становятся ненадёжными; зимние санные пути размываются; рентабельность промысла неуклонно снижается. В отличие от предшествующих столетий, когда главным агентом перемен выступало государство, сегодня к нему добавилась природная стихия, меняющая сами базовые условия существования охотничьего хозяйства. Без

учёта этого фактора любые прогнозы о будущем традиционного природопользования в Якутии будут неполными [Федоров, 2024b].

В работе показан фундаментальный сдвиг в отношениях по линии «человек — животное». Традиционная культура якутов знала модель сакрального диалога: зверь воспринимался как равноправный участник природного социума. Эта модель регулировала не только поведение на промысле, но и эмоционально-нравственную сферу. Современная практика, напротив, обнаруживает антропоцентрическую модель. Животные адаптируются к человеку и меняют повадки, привыкают к технике, осваивают антропогенные ландшафты. Человек же, с одной стороны, прагматизирует образ зверя, рассматривая его как ресурс, трофей или туристическую аттракцию, а с другой стороны, превращает его в символический капитал. Сакральная коммуникация уступает место технологическому контролю или ностальгической репрезентации. Исключение составляют отдельные локальные контексты, где архаические элементы сохраняются, как например, медвежий культ у части потомственных охотников, хотя и в адаптированной, полускрытой форме [Федоров, 2025a].

Охотничья культура якутов прошла путь от целостной социо-экосистемы через этапы принудительной фискализации, советской модернизации и постсоветской гибридизации к современному состоянию, в котором традиция удерживается не вопреки инновациям, а через их переработку. Ключевой вывод настоящего исследования заключается в следующем: устойчивость этой культуры в XXI в. определяется не архаикой, а способностью к трансформации. Вместе с тем границы этой способности уже очерчены климатическим кризисом, который ставит под вопрос саму возможность традиционного природопользования в ряде районов Якутии. Дальнейшая судьба якутской охотничьей культуры будет зависеть от того, сумеет ли государственная политика перейти от режима фискальной эксплуатации и монопольного регулирования к режиму поддержки культурной адаптации. Не менее важно, насколько полно удастся учесть

голоса самих промысловиков так как их практические знания остаются важнейшим, но пока недостаточно востребованным ресурсом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Закон Респ. Саха (Якутия) от 19 апр. 2013 г. №1279-IV «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/453127735?marker>

Общие сведения о ведении охотничьего хозяйства по группам охотпользователей // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Респ. Саха (Якутия). – URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Охотхозяйства\(1\).xls](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Охотхозяйства(1).xls)

Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Респ. Саха (Якутия). – URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Осн.%20показатели%20ИП\(4\).doc](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Осн.%20показатели%20ИП(4).doc)

Письмо Охотдепартамента Минсельхозпрода России от 18 марта 1996 г. №12-3-16 «О порядке ведения охотничьего хозяйства и выдачи лицензий на добычу охотничьих животных» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9042659>

Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 852 «О правилах, сроках и перечнях разрешенных к применению орудий и способов добывания объектов животного мира» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110477/

Постановление Правительства РФ от 26 декабря 1995 г. №1289 «О перечне объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/2107851/>

Постановление Совета Министров РСФСР от 11 мая 1959 г. №478 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» // Портал «История России». – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409352>

Постановление Совета министров СССР от 12 янв. 1966 г. №27 «О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья» // Портал «История России». – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/413686>

Постановление Совета Министров СССР от 5 февр. 1968 г. «О материально-техническом обеспечении нужд пушного промысла и звероводства» // Портал «История России». – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355546>

Приказ Минприроды России от 24 июля 2020 г. №477 «Об утверждении Правил охоты» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565612496>

Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. №52-ФЗ «О животном мире» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/

Федеральный закон от 24 июля 2009 г. №209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25589/

СПРАВОЧНЫЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вся Сибирь: Справочно-адресная книга на 1924 г. – Л.: Изд-во Ленингр. губ. исполкома, 1924. – 30 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I. – 536 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. – Новосибирск Наука, 2021. – Т. II. – 215 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск Наука, 2021. – Т. III. – 591 с

История Якутской АССР. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 419 с.

Охотничье хозяйство СССР / под ред. Н.Н. Гракова. – М.: Лесн. промышленность, 1973. – 407 с.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

- Полевые материалы автора**, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 15.07.2017 г.
- Полевые материалы автора**, Вилюйский район, с. Сыдыбыл, 10.05.2023 г.
- Полевые материалы автора**, г. Якутск, 21.10.2022 г.
- Полевые материалы автора**, г. Якутск, 06.06.2023 г.
- Полевые материалы автора**, г. Якутск, 06.05.2024 г.
- Полевые материалы автора**, г. Якутск, 17.10.2025 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, п. Нижний-Бестях, 06.11.2025 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Табага, 26.03.2024 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 07.07.2014 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 16.03.2021 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 14.08.2023 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, 23.03.2024 г.
- Полевые материалы автора**, Мегино-Кангаласский район, с. Неммеря, 20.06.2025 г.
- Полевые материалы автора**, Намский район, с. Ымыяхтах, 08.07.2025 г.
- Полевые материалы автора**, Олекминский район, с. Юнкюр, 11.03.2023 г.
- Полевые материалы автора**, Олекминский район, с. Юнкюр, 10.09.2023 г.
- Полевые материалы автора**, Среднеколымский район, с. Аргахта, 15.03.2021 г.
- Полевые материалы автора**, Таттинский район, с. Черкех, 15.10.2023 г.
- Полевые материалы автора**, Усть-Янский район, 16.11.2025 г.
- Полевые материалы автора**, Хангаласский район, с. Исит, 13.09.2017 г.
- Полевые материалы автора**, Хангаласский район, с. Тумул, 23.03.2024 г.

Полевые материалы автора, Хангаласский район, с. Улах-Ан, 19.06.2023 г.

Полевые материалы автора, Хангаласский район, с. Тэхтюр, 18.10.2025 г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Иркутской области:

Ф. 25, Оп. 10, Д. 1991 – О составлении новых правил обложения инородцев Забайкальской и Якутской области ясачной подати.

Ф. 293, Оп. 1, Д. 468 – Ливадин В.В. Отчет об Якутской экспедиции.

Ф. 293, Оп. 1, Д. 640 – Шкловский И. Заметки о крайнем Северо-Востоке Якутской области.

Муниципальный архив Среднеколымского района Республики Саха (Якутия):

Ф. Р-1062, Оп. 1, Д. 9 – Хозяйственно-экономический очерк Средне-Колымского района (приложение к проекту землеустройства).

Национальный архив Республики Саха (Якутия):

Ф. И12, Оп. 1, Д. 1951 – Указ Якутского областного управления и его переписка с Верхоянским окружным полицейским управлением о передаче рыболовных песков в арендное содержание, взыскании пошлин с рыбопромышленников, запрещении ввоза винно-водочных изделий и игральных карт в Жиганский улус.

Ф. И12, Оп. 1, Д. 3189 – Журналы Общего присутствия Якутского областного правления.

Ф. И12, Оп. 1, Д. 9057 – Дело о рассмотрении вопроса о присоединении г. Охотска и порта Аян к Якутской области.

Ф. И12, Оп. 1, Д. 17027 – Дело о проведении значительных сборов с кочующих тунгусов.

Ф. И12, Оп. 2, Д. 5263 – Дело о сборе ясака по области за 1910 год.

Ф. И12, Оп. 2, Д. 6350 – Дело о выдаче жалованья медицинским чинам 3-го участка Якутского округа.

Ф. И12, Оп. 2, Д. 10457 – Дело об обмене облигации внутреннего 5% займа 1905 г. нашедшейся в специальных средствах МВД по счету на капитал инородца Алексеева Степана.

Ф. И12, Оп. 6, Д. 2771 – Дело о поступлении ясачного сбора по области

Ф. И15, Оп. 1, Д. 33 – Алфавит решенных дел за 1867 год.

Ф. И15, Оп. 1, Д. 268 – Дело о взыскании денег с инородцев 1-го и 2-го Одейских наслегов Соловьева Петра и Новгородова Семена за кражу лошадей у священника Охлопкова Евтрофия.

Ф. И15, Оп. 1, Д. 6602 – Документы (указы, предписания, донесения и др.) о злоупотреблениях инородческого правления по Баягантайскому улусу, о порядке производства, взыскании податей и повинностей.

Ф. И15, Оп. 6, Д. 983 – Дело по жалобе инородца Хоринского наслегу Западно-Кангаласского улуса Михайлова Ивана о незаконных действиях старосты Борисова Дмитрия.

Ф. И15, Оп. 10, Д. 415 – Тетрадь записи выдачи винтовок и патронов.

Ф. И15, Оп. 10, Д. 2737 – Дело о награждении должностных лиц по округу

Ф. И15, Оп. 11, Д. 215 – Дело по жалобе тунгуса Бытальского бродячего рода Майского ведомства Архипова Федота об ограничении его охотничьих угодий тунгусами 1-го Эжанского рода.

Ф. И23, Оп. 1, Д. 2980 – Окладные листы Виллюйского окружного полицейского управления о взыскании налогов с тунгусов Брагатского рода за 1903 год.

Ф. И23, Оп. 1, Д. 3102 – Постановление Виллюйского окружного полицейского управления по жалобе старшины Попова Прокопия о незаконном наложении описи на его имущество в погашение недоимок по податям.

Ф. И23, Оп. 1, Д. 3702 – Ведомости (ежемесячные) Виллюйского окружного полицейского управления, инородных управ Виллюйского округа о ценах на продовольствие, фураж, строительные материалы и рабочую силу за 1907 год.

Ф. И26, Оп. 1, Д. 857 – Дело о добровольном пожертвовании денег верхоянским купцом Николаем Васильевым и головой Верхоянского улуса Григорием Ефимовым в пользу голодающих ламутов Тюгясирского рода.

Ф. И62, Оп. 1, Д. 198 – Дело по жалобе Якова Петрова в Бордонскую родовую управу о наследственном имуществе.

Ф. И349, Оп. 1, Д. 3034 – Ревизские сказки о купцах, мещанах, дворовых людях, крестьянах с поселенцами Иркутского тракта, села Амгинской слободы, округов: Охотского, Среднеколымского и Верхоянского и владельных лиц о дворовых людях г. Якутска.

Ф. Р1365, Оп. 1, Д. 31 – Промысловые звери и птицы Якутии и охота на них. Статья. Рукопись.

Ф. Р976, Оп. 5, Д. 10 – Отчет о работе Госохотинспекции при СМ ЯАССР за 1961 г.

Ф. Р976, Оп. 5, Д. 12 – Отчет о работе Управления охотничье-промыслового хозяйства при СМ ЯАССР за 1963.

Ф. Р976, Оп. 5, Д. 20 – Отчет о работе Госохотинспекции при СМ ЯАССР за 1971 год.

Научный архив Института этнологии и антропологии РАН:

Ф. 11, Оп. 1, Д. 51 – И.С. Гурвич Изображения духа-хозяина охоты и некоторые другие предметы промыслового культа у северных якутов

Российский государственный исторический архив:

Ф. 1291, Оп. 84, Д. 209 – Земский отдел Министерства внутренних дел. 1908 г. О введении общественного управления и суда среди чукчей Якутской области по правилам, установленным в Положении об инородцах и об обложении их в пользу казны ясакам.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук:

Ф. 47, Оп. 2, Д. 58 – В. Е. Горикозиц. «Народная медицина у якутов».

Российский государственный исторический архив

Ф. 1276, Оп. 17, Д. 459 – Совет министров. Отчет о состоянии Якутской губернии за 1913 и 1914 годы.

Ф. 1291, Оп. 84, Д. 209 – Земский отдел Министерства внутренних дел. 1908 г.
О введении общественного управления и суда среди чукчей Якутской области
по правилам, установленным в Положении об инородцах и об обложении их в
пользу казны ясакам

МУЗЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Якутский государственный объединённый музей истории и культуры народов Севера имени Ем. Ярославского (ЯГОМ):

Алексеев Семен Николаевич, охотник-стахановец. Атах-Юрях, Олекминского
района, 1952 г. Фотография. ЯГОМ КП № 49315.

Винтовка охотничья с бронзовым стволом и кремневым батарейным замком.
XIX в. ЯГОМ КП № 42601.

Винтовка охотничья с кремневым замком. XIX в. ЯГОМ КП № 11844.

Винтовка охотничья с кремневым замком. XIX в. ЯГОМ КП № 39305.

Во время охоты, с. Сунтар. 1946–1947 гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-28722/5.

Волосяная петля на зайцев. Начало XX в. ЯГОМ КП № 54452.

Дапсы – предохранительная пластинка, привязываемая к кисти левой руки для
защиты её от удара тетивы, из кости мамонта. XIX в. ЯГОМ КП № 28052.

Довольные охотой. Оймякон. Фото Яковлева В.П., 1970-е гг. Фотография.
ЯГОМ КПФ-28052.

Засадка-шалаш для охоты на турпанов. 1925 г. Фотография. ЯГОМ КПФ-
29215/68.

Капкан с круглой подстилкой с 2-мя захватами. Начало XX в. ЯГОМ КП №
12303/2.

Капкан с круглой подстилкой. Начало XX в. ЯГОМ КП № 12303/1.

Капкан. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 12306.

Копье якутское на длинном древке «Үнүү» (якут.). ЯГОМ КП № 12025.

Курочкин Аким Поликарпович. Якут устанавливает (настораживает) пасть на
зайцев (соско). Фотография. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 53463.

Лабаз. Постройка лабаза охотниками. Фотография. Первая половина XX в. ЯГОМ КПФ-8482.

Ловушка – медвежья пасть. Середина XX в. ЯГОМ КПФ-16358.

Лук – самострел (айа). Вторая половина XIX в. ЯГОМ МО КП № 244.

Лук – самострел (айа). Вторая половина XIX в. ЯГОМ МО КП № 245.

Лук якутский сложносоставной. Ох саа (якут.). Период неизвестен. ЯГОМ КП № 11956.

Лук якутский сложносоставной. Ох саа (якут.). XVIII–XIX вв. ЯГОМ КП № 11961.

Лук якутский сложносоставной. Ох саа (якут.). XVIII–XIX вв. ЯГОМ КП № 11964.

Лук якутский. Обтянут оленьей шкурой. Ох саа (якут.). XIX в. ЯГОМ КП № 12026.

Лук-самострел с тетивой. Лук – чачар (якут.), тетива – кирис (якут.). Айа саата (якут.). Первая четверть XX в. ЯГОМ КП № 52563.

Лук, приклад самострела (холорук) с короткой кожаной ленточной веревкой и деревянным курком (элбэрээк). XX в., ЯАССР. ЯГОМ КП № 52561.

Лыжа охотничья, обшитая кусками конской шкуры «Хайыһар» (якут.). ЯГОМ КП № 54069/1 (парные лыжи).

Мака А.П. – охотница колхоза «Турваургин» Нижнеколымского района. 1940–1950-е гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-11713.

Наконечник стрелы железный долотовидной формы. ЯГОМ КП № 52161.

Наконечник стрелы кинжаловидной формы. ЯГОМ КП № 52162.

Наконечник стрелы ромбовидной формы из кости. ЯГОМ КП № 5221.

Наконечник якутского охотничьего копья «Үнүү» (якут.). ЯГОМ КП № 41813.

Наконечники стрел: двурогий и копьевидный. ЯГОМ КП № 52173, ЯГОМ КП № 52172.

Натруска с кожаным ремнем. Комплект: роговая пороховница с деревянной пробкой, двойной мешочек с костяной пробкой для дробы, роговая мерка с

деревянной пробкой для пороха. «Натурууска, нотурууска» (якут.). ЯГОМ КП № 12175.

Нож охотничий из комплекта охотничьего якутского сервиза. ЯГОМ КП № 36883/12.

Нож якутский сувенирный с ножнами со вставками из серебра. ЯГОМ КП № 50554/1.

Оконешников Иннокентий Алексеевич – охотник совхоза «Нижнеколымский». 1969 г. Фотография. ЯГОМ КПФ-23362.

Осенняя охота на зайцев. Фото Яковлева В.П., 1970–1980-е гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-27982.

Охота на зайцев. 1970–1980-е гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-28667/46.

Охотник идет проверить петли на дичь. Туһахчыт. Альбом, составленный Д.К. Сивцевым–Суорун Омоллоном. ЯГОМ КП № 37750/40.

Охотник осматривает ловушку – пасть. Первая половина XX в. Фотография. ЯГОМ КПФ-10055.

Охотник Слепцов К.Д. за установкой капкана на песца, «Турваургин». Нижнеколымский район. Середина XX в. Фотография. ЯГОМ КПФ-11577.

Охотник у костра. Фото Попова И.В., 1960–1970-е гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-37750/43.

Охотник якут на лыжах с собакой (манекен). 1930–1940-е гг. Фотография. ЯГОМ КПФ-3126.

Охотники. Вторая половина XX в. ЯГОМ КП № 49937.

Охотничья изба Черкесского музея под открытым небом. Реконструкция. 2000 г. Фотография. ЯГОМ МО КП № 462/17.

Пальма якутская с короткой деревянной рукоятью «Батыйа» (якут.). ЯГОМ КП № 11873.

Песец в капкане. Середина XX в. Фотография. ЯГОМ КПФ-14010.

Почтовая карточка. Самострел. Начало XX в. ЯГОМ КПФ-17528.

Рубяще-колющее орудие охоты – пальма якутская «Батыйа» (якут.) с ножнами. ЯГОМ КП № 43257.

Ружье охотничье гладкоствольное с капсюльным замком. XIX в. ЯГОМ КП № 39189.

Ружье охотничье гладкоствольное с кремневым батарейным замком. XIX в. ЯГОМ КП № 11839.

Ружье охотничье гладкоствольное с кремневым замком. XIX в. ЯГОМ КП № 11845.

Сатина-копье для охоты на линных уток. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 53470.

Сатина-копье для охоты на линных уток. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 53472.

Скребок для выделки шкуры (кучай). Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 38719.

Скребок для выделки шкуры, двуручный. Рабочий край скребка обработан пальчатыми насечками. Кэдэрээн (якут.). Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 38718.

Скребок для обработки шкур. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 39368/5.

Скребок для первичной обработки шкур (мездровки). Конец XIX – начало XX вв. ЯГОМ КП № 12323.

Стрела «Оноҕос» (якут.) – томар с тупым деревянным наконечником. ЯГОМ КП № 53497.

Стрела к охотничьему самострелу «Айа» с железным листовидным наконечником «Охсор» (якут.). ЯГОМ КП № 39373/6.

Стрела к охотничьему самострелу «Айа» с железным листовидным наконечником «Охсор» (якут.). ЯГОМ КП № 39373/5.

Сушка песцовых шкур в Кюсюре. 1927 г. Фотография. ЯГОМ КПФ №9977.

Трещотка загонщика. Начало XX в. ЯГОМ КП № 11334.

Хотокон. XVIII в. ЯГОМ КП № 42487/114.

Хотокон. XVIII в. ЯГОМ КП № 52519.

Часть якутского самострела – дощечка для установления высоты силка. Айа холото (якут.). Конец XIX – начало XX вв. ЯГОМ КП № 12180.

Чачар. Вторая половина XX в. ЯГОМ КП № 39301.

Черкан. Первая половина XX в. ЯГОМ КП № 39370.

Якутские луки, колчаны и стрелы. Вилюйский район. Фото Боло С.И., 1938 г.
Фотография. ЯГОМ КПФ №3078.

Якутский нож «Быһычча» (якут.). ЯГОМ КП № 55481.

Якутский нож с ножнами «Саха быһаҕа» (якут.). ЯГОМ КП № 41854/1.

Бердигестяхский краеведческий музей (БКМ):

Бууска – самострел охотничий для крупного зверя (медведя, лося, оленя). XX в. БКМ № 1925.

Бууска – самострел охотничий для крупного зверя. XX в. БКМ № 1924.

Лыжи охотничьи деревянные с мехом. XIX в. БКМ № 5185.

Лыжи охотничьи деревянные. XIX в. БКМ № 5186.

Торбоса охотников (эмчиирэ) меховые с ремешком. XX в. БКМ №5 190.

Холо – охотничья лопатка для снега с меркой. XX в. БКМ № 1927.

Холо – охотничья лопатка для снега, на конце мерка. XX в. БКМ № 1926.

Чааркаан (капкан для охоты на горностаю). 1970 г. БКМ № 4193.

Вилюйский краеведческий музей им. П.Х. Староватова (ВКМ):

Пороховница из мамонтовой кости. Буорах ичытэ. Вторая половина XIX в.
ВКМ № 27.

Нюрбинский Музей Дружбы Народов им. К.Д. Уткина (НМДН):

Иванов Семен Семенович во время охоты. 1974 г. Фотография. НМДН ОФ
№ 541.

Сергей Степанович Васильев во время охоты. Усть-Алданский район. 1962 г.
Фотография. НМДН ОФ № 3602.

Стенд «Охотничий промысел якутов». Фото Владимира Федорова. 1989 г.
Фотография. НМДН ОФ № 5300.

Сунтарский музейный комплекс им. С.А. Зверева–Кыыл Уола (СМК МНТиО):

Охотничья шуба. Бульчут соно. XX в. СМК МНТиО ОФ № 306.

Пороховница, рожок для пуль, мерка и воронка – детали пояса-натуски охотничьей. XX в. СМК МНТиО ОФ № 154.

Хангаласский улусный краеведческий музей (ХУКМ):

Дробовое охотничье ружье – доруоп саа. 1850 г. ХУКМ №7/1.

Охотничье копье. Вторая половина XVIII в. ХУКМ №6.

Охотничья железная пальма. XVIII в. ХУКМ №3.

Охотник II отделения. XX в. Фотография. ХУКМ №879/7.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ):

Амулет «Эһэкээн». Фотография. МАЭ № 4774-1.

Амулет «Эһэкээн». Фотография. МАЭ № 4774-2.

Амулет «Сэмэкэй». Фотография. МАЭ № 4774-3.

Амулет «Быйан». Фотография. МАЭ № 4774-4.

Ритуальная оленья лопатка «Долур». Фотография. МАЭ № 4774-9.

Набор из костей для гаданий «Биилкэ». Фотография. МАЭ № 4774-10.

ИНТЕРНЕТ ИСТОЧНИКИ

В последний миг я смотрю волку в глаза и прошу его достойно уйти к своим предкам: охотник из Якутии добыл 20-го хищника // SAKHALIFE. – URL: <https://sakhaday.ru/news/v-posledniy-mig-ya-smotryu-volku-v-glaza-i-proshu-ego-dostoyno-uyti-k-svoim-predkam-ohotnik-iz-yakutii-dobyl-20-go-hishchnika> (дата обращения: 29.08.2023).

В Якутии вахтовики взорвали медведя, который держал в страхе местный посёлок // LIFE. – URL: <https://life.ru/p/1500585> (дата обращения: 23.08.2023)

В Якутии вахтовики убили медведя кострюлей с бомбой // МК.ru. – URL: <https://mk.ru/incident/2022/06/09/v-yakutii-vakhtoviki-ubili-medvedya-kastryuley-s-bomboy.html> (дата обращения: 23.08.2023)

В Якутии живодеры давят машиной стаю волков // SAKHALIFE. – URL: <https://sakhalfelife.ru/v-yakutii-zhivodery-davyat-mashinoj-stayu-volkov/> (дата обращения: 23.08.2023)

В Якутии неизвестные задавили на машине нескольких волков // Комсомольская правда. – URL: <https://krsk.kp.ru/daily/27374/4567517/> (дата обращения: 23.08.2023)

Вахтовики с помощью костюряли взорвали медведя, часто приходившего в поселок // Amur.life. – URL: <https://amur.life/news/2022/06/09/vahtoviki-s-pomoschyu-kastryuli-vzorvali-medvedya-chasto-prihodivshego-v-poselok> (дата обращения: 23.08.2023)

Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake/ (дата обращения: 23.11.2023)

Роспатент. Зарегистрированные ГУ и НМПТ. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/regional-brands/registered> (дата обращения: 23.02.2025)

Саха ыта, Байанай и Булчут сэхэнэ: как отметят День охотника в Якутии в 2025 году // Комсомольская правда. – URL: <https://www.yakutia.kp.ru/daily/27678/5066649/> (дата обращения: 11.08.2025 г.)

Сообщество «Байанай – журнал об охоте, рыбалке и охотничьих собаках», 2025 г. (дата обращения: 22.05.2023)

Сообщество «Байанай – ШОР купля, продажа, обмен охотничьих, рыболовных, туристических товаров», 2025 г. (дата обращения: 22.05.2023)

Сообщество «Купи продай Охотничьи принадлежности», 2025 г. (дата обращения: 22.05.2023)

Статистические данные Росгвардии // Официальный сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/federalnyj-gosudarstvennyj-kontrol-nadzor> (дата обращения 04.03.2022)

Электронный справочник «2ГИС» URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 04.03.2023)

ЯСИА. Население Якутии - самое вооруженное на Дальнем Востоке URL: <https://ysia.ru/naselenie-yakutii-samoe-vooruzhennoe-na-dalнем-vostoke/> (дата обращения: 11.02.2023)

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVIII в. // Исторические записки – М.: Наука, 1962. – Т. 71. – С. 71–95.

Алексеев А.Н. Якуты (Саха) / А.Н. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2012. – 599 с.

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 350 с.

Алексеева Е.К. Жилища и хозяйственные постройки как часть мобильной культуры эвенов // Арктический многоязычный портал. – URL: <https://arctic-megapedia.com/blog/2023/04/04/жилища-и-хозяйственные-постройки-как>

Антонов Н.К. Предание об обряде посвящения в охотники // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 23–25.

Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации) / А. А. Сулейманов, Л. И. Винокурова, В. М. Лыткин [и др.]. – Новосибирск: ФГБУ «Издательство Наука», 2024. – 280 с.

Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения в этнических системах / С.А. Арутюнов, Э.Л. Мелконян // Культура жизнеобеспечения: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – С. 53–60.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

- Арутюнов С.А.** Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. – Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2002. – 356 p.
- Бадмаев А.А.** Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис и динамика / А.А. Бадмаев; отв. ред. И.В. Октябрьская; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, ИАЭТ. – Новосибирск : СО РАН : ИАЭТ СО РАН, 2021. – 379 с.
- Бахрушин С.В.** Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – 211 с.
- Бахрушин С.В.** Труды по источниковедению и историографии России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1987. – 187 с.
- Башарин Г.П.** История земледелия в Якутии (XVII – 1917 г.). В 2 т. Т. 1: Посев и урожай зерновых и картофеля. Общее для обоих томов «Введение». – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. – 350 с.
- Башарин Г.П.** История земледелия в Якутии (XVII – 1917 г.). В 2 т. Т. 2: Овощеводство. Техника и культура земледелия. Система полеводства. Социально-экономическое значение земледелия. Общее для обоих томов «Заключение». – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1990. – 413 с.
- Богораз-Тан В.** Прежде на Севере // Советский Север. – 1930. – № 1. – С. 68–75.
- Бойцов Л.В.** Пушное хозяйство Крайнего Севера. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1941. – 95 с.
- Бравина Р.И.** Якутский сложносоставной лук из фондов Тойбохойского музея / Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 3. – С. 99–106.
- Бутурлин С.А.** Проект новых правил об охоте и его значение для нашего Севера и Северо-Востока // Изв. Арханг. об-ва изучения Русского Севера. – 1909. – № 14. – С. 38–47.
- Василевич Г.М.** Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 112 с.

- Васильева О.В.** Взаимоотношения человека и собаки в культуре якутов: этнографические наблюдения прошлого и современная повседневность села // Этнография. – 2023. – № 4 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimootnosheniya-cheloveka-i-sobaki-v-kulture-yakutov-etnograficheskie-nablyudeniya-proshlogo-i-sovremennaya-povsednevnost-sela>
- Вершинин А.А.** Методические указания по учету численности соболя. – М.: Главохота РСФСР, 1976. – 35 с.
- Вилков О.Н.** Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVIII в. // Сибирь: Период феодализма. – Новосибирск: Наука, 1962. – Вып. 7. – С. 84–96.
- Виллерслев Р.** Жертвоприношение как идеальная охота: объяснение истоков domestikации северного оленя с точки зрения космологии / Р. Виллерслев, П. Витебски, А.А. Алексеев // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 154–175.
- Винокурова А.В.** Правовое регулирование традиционной охоты в Арктике: этнический аспект // Аргуновские чтения – 2023: материалы IX Междунар. конф. – Якутск, 2023. – С. 348–354.
- Войлочникова С.Д.** Концепция возрождения якутской охотничьей лайки / С.Д. Войлочникова, Р.В. Иванов, В.Г. Осипов и др. // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. – 2012. – № 1. – С. 311–312.
- Врангель Ф.П.** Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. Ч. I-II. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1841. – 356 с.
- Врангель Ф.П.** Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. – 2-е изд. – М.: Изд-во ГУСМП, 1948. – 456 с.
- Гаврильева Р.С.** Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1998. – 139 с.
- Гагемейстер Ю.А.** Статистическое обозрение Сибири. Ч. I и II. – СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1854. – 497 с.

- Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов: учеб. пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1980. – 108 с.
- Гоголев А.И.** Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Гоголев А.И.** Мифологический мир якутов. Божества и духи-покровители. – Якутск: Изд-во ЦКиИ им. А.Е. Кулаковского, 1994. – 29 с.
- Гоголев А.И.** Охотничья деятельность у якутов на современном этапе / А.И. Гоголев, С.И. Федоров // Человек и культура. – 2022. – № 2. – С. 30-37.
- Гоголев А.И.** Феномен жизнеспособности в современном обществе культуры охотников, рыболовов и собирателей (на примере эссеистских якутов) / А.И. Гоголев, Н.А. Стручкова, К.М. Яковлева // Человек и культура. – 2022. – № 3. – С. 35–46.
- Гоголев А.И.** «Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов / А.И. Гоголев, С.И. Федоров // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 130-136.
- Гоголев З.В.** Якутия на рубеже XIX-XX вв. – Новосибирск: Наука, 1970. – 33 с.
- Гончаров Н.С.** Животные в нарративах населения посёлка Жиганск Республики Саха (Якутии) // Кунсткамера. – 2018. – № 2. – С. 88–96.
- Гончаров Н.С.** Государственное регулирование как фактор адаптации и социально-культурного взаимодействия на севере Якутии // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее / Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2019. – М.: Издательство «Паулсен», 2020. – С. 90–103.
- Гончаров Н.С.** Роль ресурсов в производстве социального ландшафта на севере Республики Саха (Якутия) // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. – М.: Издательство Восточной литературы, 2020. – С. 163–208.

- Гончаров Н.С.** «Сгущения» пространства в процессе собирательства, рыболовства и охоты: на примере села Жиганск, Республика Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. XXIV, № 2. – С. 181–211.
- Гончаров Н.С.** Представления о переселении душ у полиэтничного населения Нижнеколымского района Якутии // Религиоведение. – 2022. – № 2. – С. 41–52.
- Гофман И.** Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.
- Гурвич И.С.** Техника сбора ясака // Якутия в XVII в. – Якутск: Кн. изд-во, 1953. – С. 276–351.
- Гурвич И.С.** К вопросу об эволюции ясачного сбора в Якутии // Учен. зап. Якутского ин-та языка, лит. и истории. – Якутск, 1954. – Вып. 1. – С. 34–45.
- Гурвич И.С.** Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 269 с.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов оленеводов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А., Гончаров Н.С.** Энергия Арктики: этнографическое измерение. – СПб.: Издательство МАЭ РАН, 2022. – 240 с.
- Дементьев В.И.** Основы охотоведения. – М.: Лесн. пром-сть, 1971. – 231 с.
- Дмитриева-Сулима М.Г.** Лайка и охота с ней. – Тула: Ред. журн. «Псовая и ружейн. охота», 1898. – 102 с.
- Доппельмаир Г.Г.** Пушной и охотничий промысел в Якутии // Якутия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 421–467.
- Дьяконов А.Л.** Пушной промысел в Якутии конца XVIII – середины XX в. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 82 с.
- Захаренко Н.Н.** Пушное хозяйство Якутии // Пушное дело. – 1929. – № 8. – С. 20–30.

- Захаров В.П.** Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1995. – 33 с.
- Зензинов В.М.** В гостях у юкагиров // Этнографическое обозрение. – 1914. – № 1–2. – С. 110–125.
- Зыков Ф.М.** Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1986. – 100 с.
- Иванов В.Н.** Русские ученые о народах Северо-Востока Азии. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 319 с.
- Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / В.Б. Игнатьева, О.В. Васильева, А.Г. Томаска и др.** – Новосибирск: Наука, 2022. – 272 с.
- Ионов В.М.** Медведь по воззрениям якутов. – Петроград: Тип. Имп. АН, 1915. – 57 с.
- Ионов В.М.** Дух – хозяин леса у якутов = Бай хара тыа иччитэ Бай Байанай Бай Барылах. – Петроград: Тип. Имп. АН, 1916. – 20 с.
- Иохельсон В.И.** Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1898. – С. 6–25.
- Иохельсон В.И.** По рекам Ясачной и Коркодону // Изв. РГО. – 1898. – Т. 29, № 1. – С. 29–31.
- Иохельсон В.И.** Полевые дневники из Сибиряковской (Якутской) экспедиции / отв. ред. А.А. Сирина; сост. А.А. Сирина, С.С. Макаров. – М.: Наука – Восточная литература, 2023. – 215 с.
- Козлов В.И.** Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. – М., 1994. – 230 с.
- Комаров В.Л.** Очерки растительности Якутии // Якутия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 199–204.
- Константинов И.В.** Материальная культура якутов XVIII века: (По материалам погребений). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.

- Константинов М.М.** Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. – Иркутск: Тип. № 1, 1921. – 81 с.
- Корнилов И.** Сибирские белки // Магазин земледения и путешествий: Географ. сб. – М., 1852. – Т. 1. – С. 602–615.
- Корнилова Е.И.** Этническая экология Вилюйского округа в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографический аспект традиционного жизнеобеспечения и природопользования населения Вилюйского округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2004. – 202 с.
- Корнилова Е.И.** Эколого-экономические проблемы природопользования и этнологическая экспертиза: сосуществование традиционного и технократического // Реальность этноса. Образование и этническая безопасность: сб. ст. – СПб., 2011. – С. 313–317.
- Корнилова Е.И.** Проблемы природопользования и жизнеобеспечения коренных народов Якутии в условиях современных трансформаций // X конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. – М., 2013. – С. 236.
- Корнилова Е.И.** Проблемы оценки воздействия промышленности на традиционную хозяйственную деятельность коренного населения республики Саха (Якутия) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. – Владивосток, 2020. – С. 148–156.
- Крашенинников С.П.** в Сибири: Неопубликованные материалы о соболином промысле. – М.; Л.: Наука, 1976. – 239 с.
- Крупник И.И.** Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
- Кулаковский А.Е.** Научные труды. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. – 483 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1984. – 176 с.

- Маак Р.К.** Вилюйский округ Якутской области. Ч. II. – СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1886. – 404 с.
- Маак Р.К.** Вилюйский округ Якутской области. Ч. III. – СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1887. – 228 с.
- Майнов И.И.** Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1912. – 207 с.
- Майнов И.И.** Население Якутии // Якутия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 395–396.
- Малиновский Б.** Научная теория культуры – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
- Маркарян Э.С.** Культура, ее жизнеобеспечивающая подсистема и этнос // Культура жизнеобеспечения: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – С. 17–40.
- Мартынов Е.Н.** Охотничье дело. Охотоведение и охотничье хозяйство: учебник для СПО / Е.Н. Мартынов, В.В. Масайтис, А.В. Гороховников. – СПб.: Лань, 2024. – 37 с.
- Мартынов М.И.** Наказы якутов в Комиссию 1767 г. о сочинении проекта нового уложения // Учен. зап. Ин-та языка, лит. и истории ЯФ АН СССР. – Якутск, 1955. – Вып. 3. – С. 56–64.
- Миддендорф А.Ф.** Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1878. – 833 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. Т.3. – М: Восточная литература, 2005. – 598 с.
- Михель Н.** Очерк промысловой охоты в Северо-Восточной Якутии // *Arctica*. – 1937. – № 5. – С. 162–207.
- Никифоров В.В.** Песцовый промысел на Крайнем Севере // *Охотник*. – 1925. – № 3. – С. 12–13.
- Николаев С.И.** Обычай народа саха. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. – 48 с.
- Николаев С.И.** Народ саха / Сомоготто. – Якутск: Якут. край, 2009. – 300 с.

- Однокурцев В.А.** Традиции, ритуалы, обычаи и приметы охотников Якутии // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2020. – № 1 (26). – С. 65–71.
- Осипов В.Г.** Фенотипические особенности собак якутской охотничьей лайки / В.Г. Осипов, Р.Р. Константинов, У.В. Хомподоева, Р.В. Иванов // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 7-2. – С. 109–113.
- Осипов В.Г.** Якутская охотничья лайка: биологические особенности и вопросы возрождения породы / В.Г. Осипов, Р.Р. Константинов // Наука и общество в современных условиях. – 2016. – № 1 (4). – С. 71–73.
- Павлинов Д.И.** Об имущественном праве якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 1–42.
- Павлов П.Н.** Пушной промысел в Сибири XVIII в. – Красноярск: Кн. изд-во, 1972. – 289 с.
- Патканов С.К.** Опыты географии и статистики тунгусских племен Сибири // Зап. РГО по отд. этнографии. – СПб., 1906. – Т. 31, вып. 1–2. – С. 1–50.
- Плужников Н.В.** Юкагиры // Народы Северо-Востока Сибири / Н.В. Плужников, В.И. Шадрин. – М.: Наука, 2010. – С. 650–670.
- Попов В.Г.** Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // СВГВ. – 2019. – № 1 (26). – С. 106–116.
- Потанин Г.Н.** Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – С. 289–290.
- Романов А.А.** Пушные звери Лено-Хатангского края и их промыслы // Тр. Науч.-исслед. ин-та полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. – Л.; М.: Пищепромиздат, 1941. – С. 61–77.
- Романова Е.Н.** Хищник как актант в системе жизнедеятельности якутов: между природой и человеком / Е.Н. Романова, С.И. Федоров // Этнография. – 2023. – № 4 (22). – С. 86–101.

- Сабанеев Л.П.** Соболь и соболиный промысел. – М.: Тип. А.А. Карцева, 1875.
– 58 с.
- Саввин А.А.** Пища якутов до развития земледелия. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. – 153 с.
- Сатаев Р.М.** Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 73–82.
- Сафронов Ф.Г.** Русские крестьяне в Якутии (XVII – начале XX в.). – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – 149 с.
- Сафронов Ф.Г.** Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XX в. – М.: Наука, 1980. – 55 с.
- Селивестров И.И.** Торговля и промыслы русских в Якутии в 40-60-х годах XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1952. – 214 с.
- Серошевский В.Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: Центрполиграф, 1993. – 751 с.
- Силантьев А.А.** Обзор промысловых охот в России. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. – 619 с.
- Силантьев А.А.** Промысловая охота в России // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1907. – С. 633–634.
- Сирина А.А.** Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. – М.: Восточная литература, 2012. – 604 с.
- Скрябина А.А.** Эвфемизмы о тотемных животных в охотничьей лексике якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1-2 (67). – С. 178–180.
- Сирина А.А.** Энергия огня: лесные пожары в Сибири и управление огнем у эвенков // Энергия Арктики и Сибири. Использование ресурсов в

- контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. – М.: Издательство Восточной литературы, 2020. – С. 143–162.
- Сирина А.А.** Эвенкийское оленье седло: некоторые принципы таежной мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 1. – С. 116–125.
- Сирина А.А.** Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ // Известия лаборатории древних технологий. – 2021. – № 4. – С. 78–91.
- Сирина А.А.** Практики дара и дележа // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орочи. Тазы / отв. ред. Л.И. Миссонова, А.А. Сирина. – М.: Наука, 2022. – С. 230–241.
- Слепцов Ю.А.** Охота на волков в прошлом у якутов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2017. – № 1 (4). – С. 16–17.
- Слепцов Ю.А.** Эһэкээн – архаичный образ покровителя охоты в Якутии (на основе архивных материалов И.С. Гурвича) // Культура и цивилизация. – 2020. – Т. 10, № 3-1. – С. 247–253.
- Соколов И.И.** Собаководство на Севере СССР // Тр. Науч.-исслед. ин-та полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Сер. промыслового хозяйства. – Л., 1939. – Вып. 1. – 92 с.
- Соловьев Д.К.** Основы охотоведения. Ч. 2. – Пг.: Наука и школа, 1922. – 324 с.
- Соловьев Д.К.** Основы охотоведения. Ч. 4. – М.: Новая деревня, 1926. – 888 с.
- Соловьев Д.К.** Охота в СССР. – Л.: Красная газета, 1926. – 256 с.
- Соломонов Н.Г.** Животный мир Якутии: (птицы и млекопитающие) – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. – 181 с.
- Стахровский Е.В.** Организация охотничьего хозяйства / Е.В. Стахровский, В.Н. Дерягин, В.В. Дежкин. – М.: Агропромиздат, 1985. – 160 с.

- Степанов А.Д.** Дюпсинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1 (41). – С. 32–36.
- Стрелов Е.Д.** Акты архивов Якутской области: (с 1650 г. до 1800 г.). – Якутск: Издательство Якутской областной ученой архивной комиссии, 1916. – Т. – 350 с.
- Стрелов Е.Д.** Лук, стрелы и копье древнего якута (Материалы по археологии якутов) // Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кэскилэ». – Якутск, 1927. – Вып. I. – С. 65–74.
- Сукачев В.Н.** Растительность верхней части р. Тунгира Олекминского округа Якутской области // Тр. Амурской экспедиции. – СПб., 1912. – Вып. 16. – С. 170–180.
- Тимофеев-Терешкин М.Н.** Очерки пушного дела в Якутии. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. – 23 с.
- Токарев С.А.** Очерк истории якутского народа. – М.: Госполитиздат, 1940. – 248 с.
- Токарев С.А.** Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1945. – 414 с.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки, эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 288 с.
- Федоров М.М.** Правовые отношения народов Восточной Сибири. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 207 с.
- Федоров С.И.** Трансформация культуры жизнеобеспечения у современных якутов (на примере охоты) / С.И. Федоров, А.И. Яковлев // Человек и культура. – 2019. – № 6. – С. 84-90. (0,5 п.л., авторский вклад – 0,3 п.л.)
- Федоров С.И.** Хозяйственная деятельность якутов в условиях изменений климата и «дефицита холода»: традиционные практики и вызовы современности // Человек и культура. – 2020. – № 2. – С. 37-48.
- Федоров С.И.** Охота у якутов на современном этапе: традиционные практики и вызовы современности // Право в контексте устойчивого развития

Арктики: вызовы времени и новые возможности: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Федорова, Казань, 2021 года. – Казань, 2021. – С. 276-279.

Федоров С.И. Охотничья деятельность у якутов в условиях изменения климата и «дефицита холода» // Аргуновские чтения - 2023 : материалы IX Международной конференции (workshop), посвященной обсуждению основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г.), Якутск, 21 апреля 2023 года. – Якутск: Государственное казенное учреждение Республики Саха (Якутия) «Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)», 2023а. – С. 172-174.

Федоров С.И. Традиции почитания медведя в праздновании «Курум» у якутов / С.И. Федоров, А.А. Семенов // Исторический журнал: научные исследования. – 2023б. – № 5. – С. 42-49.

Федоров С.И. Промысловики Крайнего Севера: труд охотников Якутии в 1960-1980-е гг / С.И. Федоров, Л.И. Винокурова // Oriental Studies. – 2024а. – Т. 17, № 6. – С. 1228-1240.

Федоров С.И. Использование криогенных ресурсов в промышленной деятельности Якутии // Освоение Арктики: три века поисков и открытий: сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Якутск, 2024 года. – Якутск, 2024б. – С. 136-138.

Федоров С.И. Охотничьи сюжеты в современной якутской культуре: «якорь» в традиционность постиндустриального общества / С.И. Федоров, А.Р. Федорова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2025а. – № 1(47). – С. 140-152.

- Федоров С.И.** Состояние охотничье-промыслового хозяйства Якутской АССР в начале 1970-х годов // Исторический журнал: научные исследования. – 2025b. – № 5. – С. 325-338.
- Федорова А.Р.** Поверья современных охотников Якутии: село и город / А.Р. Федорова, С.И. Федоров, К.М. Яковлева и др. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 158-166.
- Федорова А.Р.** Промысловый костюм в экстремальных условиях: традиционные элементы и современные материалы в практике якутских охотников / А.Р. Федорова, С.И. Федоров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2025. – № 4(74). – С. 96-105.
- Хоботов Б.** О снегоходах «Буран» // Охота и охотничье хозяйство. – 1973. – № 7. – С. 29.
- Хороших И.С.** Пушное богатство // Пушное дело в Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1928. – С. 51–60.
- Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 439 с.
- Щвец А.И.** К вопросу о хищническом истреблении соболя в Сибири: краткий очерк. – Иркутск: Электротипография Р.М. Мейеровича, 1911. – 55 с.
- Щукин Н.С.** О звериных промыслах по реке Лене // Журн. Мин-ва гос. имуществ. – 1841. – Ч. III, кн. 5. – С. 98–107.
- Экономика** охотничьего хозяйства. – М.: Колос, 1971. – 262 с.
- Ядринцев Н.М.** Сибирские инородцы. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. – 308 с.
- Ямсков А.Н.** Проблемы и перспективы использования понятия «жизнеобеспечение» и его производных в этнологии и археологии // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 90–92.
- Bourdieu P.** Outline of a Theory of Practice. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 248 p.

- Goncharov N.S.** Resources and Exchange in the Northern Part of the Republic of Sakha (Yakutia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1425–1441.
- Hall S.** Encoding and Decoding in the Television Discourse. – Birmingham: Centre for Cultural Studies, University of Birmingham, 1973. – 25 p.
- Hebdige D.** Subculture: The Meaning of Style. – London: Routledge, 1979. – 195 p.
- Ingold T.** The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling and skill. – London: Routledge, 2022. – 630 p.
- Littlefield J.** Socialization into Consumer Culture: Hunters Learning to Be Men / J. Littlefield, J.L. Ozanne // Consumption Markets & Culture. – 2011. – Vol. 14, No. 4. – P. 333–360.
- Lowie R.H.** Subsistence // General anthropology / ed. F. Boas. – Boston: D.C. Heath, 1938. – P. 282–326.
- Roszak T.** The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. – New York: Doubleday, 1969. – 303 p.
- Sirina A.A.** Sledge, Reindeer, Dogs and Tractors: the Energy of Innovation and Cultural Shift // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1461–1483.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Инструменты, одежда и атрибуты охоты

Рис.1.1. Пальма якутская с короткой деревянной рукоятью «Батыйа» (якут.).
– ЯГОМ КП № 11873.

Рис.1.2. Рубяще-колющее орудие охоты – пальма якутская «Батыйа» (якут.) с
ножами. – ЯГОМ КП №43257.

Рис.1.3. Охотничья железная пальма. XVIII в. – ХУКМ №3.

Рис.1.4. Хотокон. XVIII в. – ЯГОМ КП №42487/114.

Рис.1.5. Копье на длинном древке «Үнүү» (якут.). – ЯГОМ КП № 12025.

Рис.1.6. Наконечник якутского охотничьего копья «Үнүү» (якут.). – ЯГОМ
КП № 41813.

Рис.1.7. Якутский нож «Быһычча» (якут.). – ЯГОМ КП №55481.

Рис.1.8. Якутский нож с ножнами «Саха быһаҕа» (якут.). – ЯГОМ КП №41854/1.

Рис.1.9. Нож охотничий из комплекта охотничьего якутского сервиза. – ЯГОМ КП №36883/12.

Рис.1.10. Нож якутский сувенирный с ножнами со вставками из серебра. – ЯГОМ КП №50554/1.

Рис.1.11. Наконечники стрел: двурогий и копьевидный. – ЯГОМ КП №52173,
– ЯГОМ КП №52172.

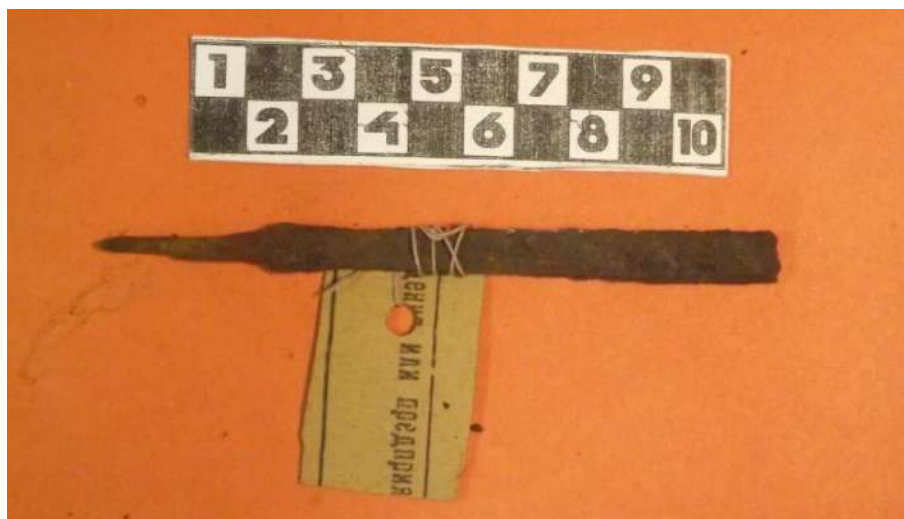

Рис.1.12. Наконечник стрелы железный долотовидной формы. – ЯГОМ КП
№52161.

Рис.1.13. Наконечник стрелы кинжаловидной формы. – ЯГОМ КП №52162.

Рис.1.14. Наконечник стрелы ромбовидной формы из кости. – ЯГОМ КП №5221.

Рис.1.15. Стрела «Оноѳос» (якут.) – томар с тупым деревянным наконечником. – ЯГОМ КП №53497.

Рис.1.16. Лук якутский сложносоставной. Ох саа (якут.). Период неизвестен. – ЯГОМ КП №11956.

Рис.1.17. Лук якутский сложносоставной. Ох саа (якут.). XVIII–XIX вв. – ЯГОМ КП №11961.

Рис.1.18. Лук якутский. Обтянут оленьей шкурой. Ох саа (якут.). XIX в. – ЯГОМ КП №12026.

Рис.1.19. Якутские луки, колчаны и стрелы. Вилюйский район. Фото Боло С.И., 1938 г. Фотография. – ЯГОМ КПФ №3078.

Рис.1.20. Сатина-копье для охоты на линных уток. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №53470.

Рис.1.21. Сатина-копье для охоты на линных уток. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №53472.

Рис.1.22. Винтовка охотничья с бронзовым стволом и кремневым батарейным замком. XIX в. – ЯГОМ КП №42601.

Рис.1.23. Винтовка охотничья с кремневым замком. XIX в. – ЯГОМ КП №11844.

Рис.1.24. Ружье охотничье с капсюльным замком. XIX в. – ЯГОМ КП №39189.

Рис.1.25. Натруска с кожаным ремнем. – ЯГОМ КП №12175.

Рис.1.26. Пороховница из мамонтовой кости. Буорах ичыгэ. Вторая половина XIX в. – ВКМ №27.

Рис.1.27. Пороховница, рожок для пуль, мерка и воронка – детали пояса-натруски охотничьей. XX в. – СМК МНТиО ОФ №154.

Рис.1.28. Трещотка загонщика. Начало XX в. – ЯГОМ КП №11334

Рис.1.29. Стрела к охотничьему самострелу «Айа» с железным листовидным наконечником «Охсор» (якут.). – ЯГОМ КП №39373/6.

Рис.1.30. Стрела к охотничьему самострелу «Айа» с железным листовидным наконечником «Охсор» (якут.). – ЯГОМ КП №39373/5.

Рис.1.31. Лук – самострел (айа). Вторая половина XIX в. – ЯГОМ МО КП
№244.

Рис.1.32. Лук – самострел (айа). Вторая половина XIX в. – ЯГОМ МО КП
№245.

Рис.1.33. Лук-самострел с тетивой. Первая четверть XX в. – ЯГОМ КП
№52563.

Рис.1.34. Лук, приклад самострела (холорук) с короткой кожаной ленточной
веревкой и деревянным курком (элбэрээк). XX в., ЯАССР. – ЯГОМ КП
№52561.

Рис.1.35. Холо – охотничья лопатка для снега с меркой. XX в. – БKM №1927.

Рис.1.36. Холо – охотничья лопатка для снега, на конце мерка. XX в. – БKM №1926.

Рис.1.37. Бууска – самострел охотничий для крупного зверя (медведя, лося, оленя). XX в. – БKM №1925.

Рис.1.38. Бууска – самострел охотничий для крупного зверя. XX в. – БKM №1924.

Рис.1.39. Волосяная петля на зайцев. Начало XX в. – ЯГОМ КП №54452.

Рис.1.40. Капкан с круглой подстилкой. Начало XX в. – ЯГОМ КП №12303/1.

Рис.1.41. Капкан с круглой подстилкой с 2-мя захватами. Начало XX в. – ЯГОМ КП №12303/2.

Рис.1.42. Капкан. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №12306.

Рис.1.43. Чааркаан (капкан для охоты на горностая). 1970 г. – БКМ №4193.

Рис.1.44. Чачар. Вторая половина XX в. – ЯГОМ КП №39301.

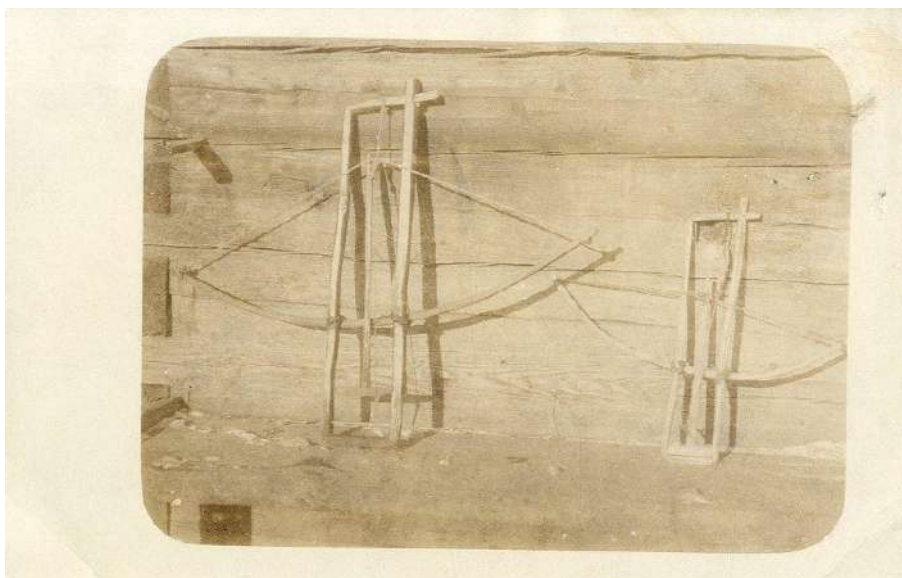

Рис.1.45. Почтовая карточка. Самострел. Начало XX в. – ЯГОМ КПФ №17528.

Рис.1.46. Черкан. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №39370.

Рис.1.47. Лыжа охотничья, обшитая кусками конской шкуры «Хайыһар» (якут.). – ЯГОМ КП №54069/1 (парные лыжи).

Рис.1.48. Лыжа охотничья, обшитая кусками конской шкуры «Хайыһар» (якут.). – ЯГОМ КП №54069/2 (парные лыжи).

Рис.1.49. Лыжи охотничьи деревянные с мехом. XIX в. – БКМ №5185.

Рис.1.50. Лыжи охотничьи деревянные. XIX в. – БКМ №5186.

Рис.1.51. Скребок для выделки шкуры (кучай). Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №38719.

Рис.1.52. Скребок для выделки шкуры, двуручный. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №38718.

Рис.1.53. Скребок для обработки шкур. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №39368/5.

Рис.1.54. Торбоса охотников (эмчиирэ) меховые с ремешком. XX в. – БКМ
№5190.

Рис.1.55. Охотничья шуба. Булчут соно (як.). XX в. – СМК МНТиО ОФ
№306.

Приложение 2. Амулеты и обереги

Рис. 2.1. Амулет «Энэкээн». Фотография. – МАЭ №4774-1.

Рис. 2.2. Амулет «Энэкээн». Фотография. – МАЭ №4774-2.

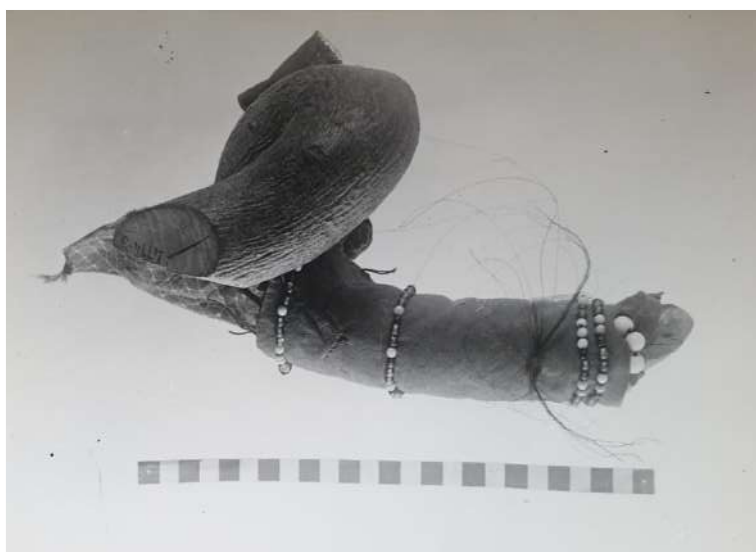

Рис. 2.3. Амулет «Сэмэкэй». Фотография. – МАЭ №4774-3.

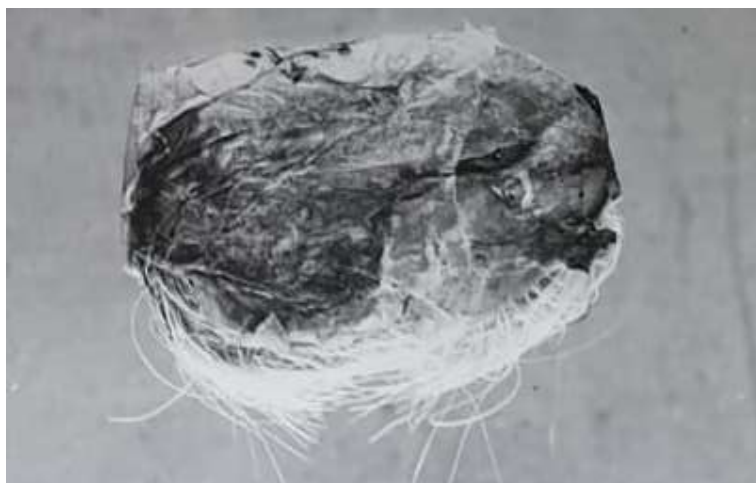

Рис. 2.4. Амулет «Быйан». Фотография. – МАЭ №4774-4

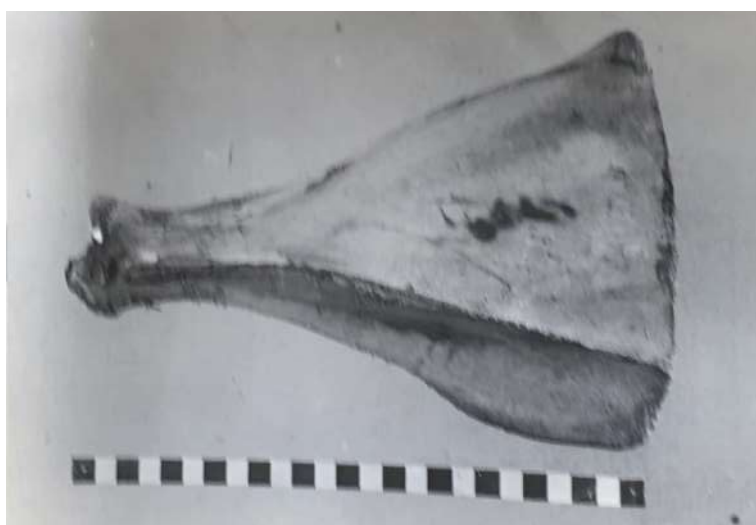

Рис. 2.5. Ритуальная оленья лопатка «Долур». Фотография. – МАЭ №4774-9.

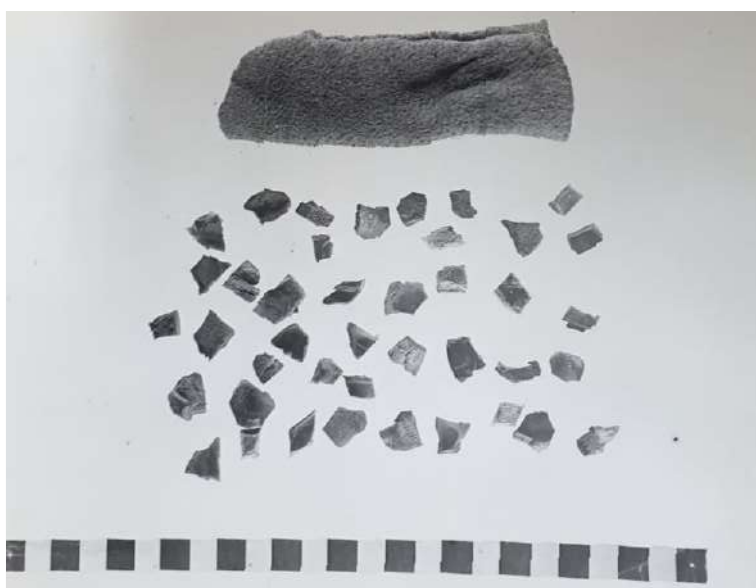

Рис. 2.6. Набор из костей для гаданий «Биилкэ». Фотография. – МАЭ №4774-

10.

Приложение 3. Фотоматериалы традиционной и современной охоты якутов

Рис. 3.1. Засадка-шалаш для охоты на турпанов. 1925 г. Фотография. – ЯГОМ КПФ №29215/68.

Рис. 3.2. Якут устанавливает пасть на зайцев (сохсо). Фотография. Первая половина XX в. – ЯГОМ КП №53463.

Рис. 3.4. Охотник осматривает ловушку – пасть. Первая половина XX в. Фотография. – ЯГОМ КПФ №10055.

Рис. 3.5. Лабаз. Постройка лабаза охотниками. Фотография. Первая половина XX в. – ЯГОМ КПФ №8482.

Рис. 3.6. Во время охоты, с. Сунтар. 1946–1947 гг. Фотография. – ЯГОМ КПФ №28722/5.

Рис. 3.7. Охотник за установкой капкана на песца, «Турваургин». Нижнеколымский район. Середина XX в. Фотография. – ЯГОМ КПФ №11577.

Рис. 3.8. Охотница колхоза «Турваургин» Нижнеколымского района. 1940–1950-е гг. Фотография. – ЯГОМ КПФ №11713.

Рис. 3.9. Ловушка – медвежья пасть. Середина XX в. – ЯГОМ КПФ №16358.

Рис. 3.10. Охотник идет проверить петли на дичь. Середина XX в. – ЯГОМ
КП №37750/40.

Рис. 3.11. Охотник у костра. Середина XX в. Фотография. – ЯГОМ КПФ №37750/43.

Рис. 3.12. Песец в капкане. Середина XX в. Фотография. – ЯГОМ КПФ №14010.

Рис. 3.13. Охотник с собакой. XX в. Фотография. – ХУКМ №879/7.

Рис. 3.14. Охотник-стахановец. Атах-Юрях, Олекминского района, 1952 г.
Фотография. – ЯГОМ КП №49315.

Рис. 3.15. Охотники. Вторая половина XX в. – ЯГОМ КП №49937.

Рис. 3.16. Во время охоты. Усть-Алданский район. 1962 г. Фотография. –
НМДН ОФ №3602.

Рис. 3.17. Охотник совхоза «Нишнеколымский». 1969 г. Фотография. – ЯГОМ КПФ №23362.

Рис. 3.18. Во время охоты. 1974 г. Фотография. – НМДН ОФ №541.

Рис. 3.19. Осенняя охота на зайцев. 1970–1980-е гг. Фотография. – ЯГОМ
КПФ №27982.

Рис. 3.20. Зимняя охота на зайцев. 1970–1980-е гг. Фотография. – ЯГОМ
КПФ №28667/46.

Рис. 3.21. Полевые работы в с. Черкех Таттинского района Республики Саха (Якутия). 2023 г.

Рис. 3.22. Полевые работы в с. Сыдыбыл Вилюйского района Республики Саха (Якутия). 2023 г.

Рис. 3.23. Мастер-класс по охоте на волков в г. Якутск Республики Саха (Якутия). 2024 г.

Рис. 3.24. Мастер-класс по охоте на волков в г. Якутск Республики Саха (Якутия). 2024 г.

Рис. 3.25. Мастер-класс по охоте на волков в г. Якутск Республики Саха (Якутия). 2024 г.

Рис. 3.27. Инструменты волчатника. Г. Якутск Республики Саха (Якутия). 2024 г.